

А. М. БОЛЬШАКОВ

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ

„Способы производства материальной жизни обусловливают собою процессы социальной, политической и духовной жизни".

К. Маркс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

А. М. БОЛЬШАКОВ.

ЛЕКЦИИ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ.

„Способы производства материальной жизни обусловливают собою процессы социальной, политической и духовной жизни".

К. Маркс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Петрооблит. № 329. Гиз. № 4456. Зак. № 2049. Печ. 3000 экз.

Гос. Трест „Петропечать“ — тип. им. Евг. Соколовой. Птгр., Измайловский, 29.

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ.

ОТ АВТОРА.

Настоящий выпуск содержит несколько переработанный материал тех десяти лекций, которые, в качестве вводных к общему курсу русской истории, были прочитаны осенью 1922 года в Петроградском Государственном Педагогическом Институте имени А. И. Герцена. Приготовляя материал к печатанию, я старался, по возможности, упростить изложение, чтобы сделать книжку вполне доступной для каждого, кому она попадет в руки.

А. Б.

1 апреля 1923 г.
Петроград.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ.

Об авторитетах. Вы, поступив в высшее учебное заведение, должны будете подойти здесь вплотную к научной работе, т. е. познакомиться с ее достижениями с ее методами и приемами. Мысль о более тесном, нежели в средней школе, общении с наукой, конечно, не может не волновать вас. И в порыве радостного возбуждения, вы уже готовы припасть к источнику знания, чтобы жадно пить его живительную влагу.

Вот именно в этот момент, как мне кажется, и необходимо предупредить вас о том, что из благородного родника знания, наряду с кристалльно-чистыми струями, которые действительно могут вполне удовлетворить вашу духовную жажду, наряду с этими струями повременам просачиваются и иные, мутные струйки, способные, если вы и от них будете пить, повредить вашему духовному здоровью. О существовании мутных струек надо вам сказать теперь же, чтобы вы внимательнее могли следить за тем чем наполняется ваша чаша, из которой вы собираетесь пить: если в чашу случайно попадет не чистая влага, то вы ее просто выплеснете, не станете по ней судить о загрязненности всего источника и снова наполните свою чашу,—на этот раз уже с большой осмотрительностью.

Но откуда же берутся мутные струйки и почему они опасны?

Еще мудрость древних отметила, что „человеку свойственно ошибаться“. И каждый из нас опытом своей повседневной жизни, более или менее часто подтверждает это положение. Но ошибается не только рядовой человек в своей будничной деятельности,—заблуждается иногда и ученый в области тех проблем, которыми он занимается. Мы не станем исследовать здесь причины, толкающие человека вообще и ученого в частности на путь тех или иных ошибок. Скажем лишь коротко, что ошибки ученого вытекают, главным образом, из недостаточного совершенства научных методов, из неточности наблюдений и т. д. Коротко же отметим, что с утончением научных методов и уточнением приемов наблюдения и т. д., с каждым десятилетием, с каждым годом, количество ошибок в царстве научной мысли уменьшается и качество их, если можно так выразиться, улучшается,—они становятся менее грубыми.

Теперь понятно откуда берутся эти мутные струйки. И сами по себе они неопасны. Ведь та же седая мудрость гласит, что „ошибки учат“. Действительно, ум вдумчивый, самостоятельный ошибки многому и многому научат. Вся опасность мутных вод заключается, следовательно, не в их внутреннем составе, а об'ясняется некоторыми моментами, лежащими в вас самих. Вы уже, конечно, догадались, что я хочу просто, по-товарищески, сказать вам, что ваша мысль, мысль очень молодых людей, не успела приобрести ту научную независимость, которая позволила бы ей свободно ориентироваться среди разного рода научных построений. Поэтому, на первых порах, вы, сами того не замечая,

можете напится из источника знания и не совсем чистой воды, положившись на авторитет тех, кто вам эту воду подносит—на лекции, в книге, при обмене мнений и т. д.

Авторитет, особенно если это большое научное имя, всегда действует на ум, не привыкший к критическому мышлению, как то подавляюще. Авторитет невольно навязывает такому уму свои основные положения, способ рассуждения и конечные выводы. И если молодой человек, пришедший в высшую школу за знаниями, с первых же дней пребывания в ней не приучит себя относиться к авторитетам критически, осторожно — ему грозит опасность навсегда утратить, в другом случае возможную для него, интеллектуальную независимость. Мало по малу человек, слепо доверяющий авторитетам, хотя бы и очень почтенным, внушает себе и окружающим его, что то, о чем возглашают его любимые авторитеты есть святое, истинное, незыблемое. Все же остальное, что лежит за границами круга, очерченного мыслью любимых авторитетов, есть тленное, лживое, колеблющееся.

Задача первой лекции усматривается нами в том, чтобы рядом примеров, показательно-ярких, может быть даже абсурдных (но доведенных до абсурда не нами, а самой жизнью), подчеркнуть перед вами настоятельную необходимость борьбы с самовнушением в научной сфере; борьбы за стойкость наших научных убеждений; необходимость осмотрительно относиться к чужому научному мнению,—признавать в нем то ценное, что оно таит в себе и уметь находить в этом мнении промахи, если они на самом деле там имеются. Наши примеры мы будем выхватывать не обязательно из истории науки.

Мы будем брать их и из иных областей человеческой культуры—лишь бы они действительно били в глаза.

Первый пример, поразительный образчик коллективного самовнушения, мы, как раз, заимствуем из чуждой нам области—из истории искусства.

„И солнце заснуло над Адриатикой"... Весною 1910 г. в Париже, незадолго до открытия выставки Салона Независимых, в обществе и печати получил широкое распространение один документ, названный „манифестом школы чрезмерников" и подписанный художником Боронали. В этом манифесте, написанном живо и остроумно, предлагалось разбить „палитры предков", разнести „нелепые музеи" и пр. Созидательная же работа мыслилась в писании „настоящих" картин без контуров и полу-тонов, „чистыми" красками, т. е. такими, которые отвечают семи основным цветам солнечного спектра.

Затем, после упомянутого манифеста, в парижской прессе стали печатать более или менее сенсационные сведения о Боронали, касающееся биографии его, причем говорилось, что он—любимый художник итальянской аристократии и обязательно пришлет на выставку Салона Независимых свою картину, морской вид, под названием: „И солнце заснуло над Адриатикой"...

Наконец прибыла в Париж и рекламированная картина, представлявшая собою какой то хаос мазков голубой, зеленой, желтой и красной красок. Но, увы!—помещенная на выставке, картина Боронали затерялась среди остальных 5.668 картин Салона, на нее никто не обращал никакого внимания, несмотря на всю предварительную газетную шумиху... Но вот газеты сообщили,

что какой то посетитель выставки, в присутствии Боронали, плохо отозвался о его картине и Боронали наговорил ему дерзостей, а в результате—предстоит дуэль.

И только после всего описанного картина сделалась центром внимания. О ней заговорили большие парижские и иностранные (через своих корреспондентов) газеты. Обсуждали идеи манифеста, сюжет картины, приемы ее выполнения. Одни хвалили картину, другие ее порицали, но все вместе все же относились к ней вполне серьезно.

Дав газетам вдоволь наговориться по поводу „солнца заснувшего над Адриатикой", группа молодых французских художников опубликовала один совершенно официальный документ, имеющий самое непосредственное отношение к картине Боронали. Документ этот—удостоверение г. Бриона, судебного пристава Сенского гражданского суда в Париже.

Брион, в пространном тексте удостоверения, свидетельствует, что к нему, 8 марта 1910 г., явился г. (имя не было опубликовано) и заявил, что так как на ежегодных выставках Салона, наряду с произведениями высокого достоинства, фигурируют и смехотворные произведения, то, в целях показать необходимость известной художественной оценки вещей, допускаемых на выставку, в целях протеста против порядка, в силу которого любая мазня получает место в Салоне лишь бы был уплачен взнос за право участия на выставке,—г... намерен послать в названный салон картину, главным автором которой будет осел, причем картина будет называться: „И солнце заснуло над Адриатикой" и подписана она будет именем мнимого художника Боронали. Далее пристав повествует как в его присутствии создавалась

картина: на стуле установили холст, были разведены краски, привели осла и привязали ему на „хвостовую конечность“ кисть; осел, которого в это время кормили, беззаботно помахивал хвостом—и кисть мазала полотно по всем направлениям; заботы окружающих выражались только в том, что они поддерживали хвост животного и меняли краски. Получилась картина „представляющая собою различные тона, переходящие из голубого в зеленый и из желтого в красный, не составляя ничего целостного и не будучи похожа ни на что“, как определил ее представитель власти. Для большей фиксации факта была тут же снята фотография как с осла, так и с его картины.

Все описанное происшествие, единственное в своем роде, служит прекрасным доказательством как при наличии известных моментов: веры в ценность искусства вообще, веры в авторитетность имени художника („Боронали—любимец итальянской аристократии“) и пр. и самую нелепую шутку можно принять в серьез.

Само собою разумеется, что мы далеки от мысли утверждать, что что-либо, хотя бы отчасти похожее на изложенное, возможно в области науки. Какой нибудь шутник может попытаться написать книгу, состоящую из бессвязного набора громких научных терминов, но на нее никто, никогда и не при каких условиях не обратит серьезного внимания,—может быть она заинтересует только психиатра Случай с картиной Боронали мы привели, как и отметили в самом начале, в качестве примера до какого абсурда может доходить самовнушение, основанное на вере в те или иные авторитеты.

Дарвинизм и Вирхов. Если мы вспомним кое что из истории вопроса об отношении великого Рудольфа Вир-

хова к дарвинизму, то у нас будет очень показательный факт: мы убедимся какую путаницу в мысли и понятия людей, даже людей науки, может внести, выражаясь мягко, прихоть закапризничавшего авторитета.

В середине прошлого века Чарльз Дарвин опубликовал свои материалы, об'ясняющие причинную связь в процессе преобразования видов, которая и известна под именем „дарвинизма". Так как идеи дарвинизма вполне созрели и были обоснованы с достаточною полнотою, то их поддержали выдающиеся ученые того времени (Гёксли, Геккель и др.), а в их числе—и Вирхов, обессмертивший свое имя созданием целлулярной патологии, об'ясняющей роль клеток в процессах заболевания организмов, работами по антропологии и пр.

Вирхов начал свою научную деятельность с 1847 г. Десять лет спустя, продолжая свою интенсивную научную работу, Вирхов выступает в общественной жизни и как политик. Но политика не мешала ученому вполне благоприятно относится к теории Дарвина. Так дело шло до 1877 г. В этом году Вирхов, признаваемый в Германии главою одной из умеренно-прогрессивных партий, делает в Мюнхене доклад на тему: „Свобода науки в современном государстве". В своем докладе он заявляет, что дарвинизм опасен для государства и что в школе (имелась в виду и высшая школа) „мы не имеем права учить, что человек происходит от обезьяны или какого либо другого животного". После этой речи не только политики и церковь по указанному вопросу ссылались на высокий авторитет Вирхова, на него опирались и ученые. И даже больше чем опирались: прячась за огромный авторитет Вирхова, который до конца 19-го века был президентом немецкого антропологиче-

ского общества, ученые, члены общества, совершенно не пускали в это общество дарвинистов. И лишь с начала текущего столетия, со смертью Вирхова, научная мысль многих ученых, бывших по отношению к дарвинизму под влиянием мнения о нем великого ученого, стала быстро проясняться.

Деликатный по натуре Ч. Дарвин, узнав о знаменитом докладе Вирхова, сказал: „поведение Вирхова недобросовестно и я надеюсь, что в один прекрасный день он сознает это и ему станет стыдно". И, повидимому, Вирхову действительно было очень неловко: так, проф. Рабль, зять Вирхова, утверждает, что, под конец своей жизни, Вирхов вполне признавал идеи дарвинизма,—но в частных разговорах. Тем хуже для Вирхова, если публично он держался прежних позиций!...

Печальная история с Вирховым, только что изложенная, рассказывает вам о том, как иногда выдающиеся ученые, сообразуясь с разными обстоятельствами ничего не имеющими общего с наукою, поступаются чистотой своих научных убеждений и тем самым вносят сумятицу в умы людей, ищущих научную истину.

Итак, повторим еще раз: боритесь со слепой верою в авторитет!..

Теперь мы приведем описание двух—трех случаев уже совершенно добросовестного заблуждения ученых. Какие выводы можно сделать из фактов, имеющих быть доложенными,—об этом мы скажем ниже.

Тиара царя Сайтафарна. Кажется в 1894 г., Луврский музей в Париже приобрел за громадную сумму золотую тиару скифского царя Сайтафарна. Сумма, заплаченная за тиару, была настолько велика, что у музея, вообще богатого денежными средствами, не хва-

тило на покупку редкостной вещи своих денег и необходимую доплату сделали частные лица. Тиару предполагалось подарить от имени Франции, только что вступившему тогда на престол, Николаю II, прибытие которого ожидалось из России. Пока же что тиару, для обозрения публики, выставили в залах музея.

Тиара Сайтафарна сработана из массивного золота с тончайшей чеканкой богатого орнамента. Она имела форму сахарной головы, высотою в 22 сантиметра. Фигурные изображения трактуют темы из Илиады, из быта сармат и пр. На тиаре имеется надпись на греческом языке, гласящая, что совет и народ ольвиопольский подносят этот дар великому и непобедимому царю Сайтафарну.

Археологам известно, что царь Сайтафарн действительно жил в 4-ом веке до Р. Х. и самым жестоким образом препятствовал греческим колонистам в их торговых предприятиях. Повидимому, чтобы умилостивить грозного владыку ольвиопольские граждане и поднесли ему драгоценную по количеству золота и художественности работы тиару.

Найдена тиара была в Крыму, в недрах древнего Херсонеса, где, как известно, были погребены и некоторые из скифских царей.

Само собой разумеется, что прежде нежели приобрести тиару, администрация Луврского музея, при помощи глубоких и лучших знатоков археологии, произвела всестороннюю экспертизу этого памятника старины, вплоть до экспертизы состава сплава металла в виду того, что в древние времена состав сплава золота был иным, чем позднее.

Публика любовалась тиарой, Франция гордилась редким приобретением и все было хорошо.

Но вот, среди немецких археологов раздались робкие голоса, выражавшие сомнения в подлинности тиары. Ученый археологический мир зашевелился, во всех странах вспыхнули горячие, даже страстные дебаты по поводу тиары Сайтафарна. В конце концов, в 1896 году, было окончательно установлено, что тиара—искуснейшая подделка, сделана она была в России,—кажется, в Одессе,—каким то ювелиром по рисункам одного художника и стоила инициатору этого дела тысяч тридцать. Лицо, продавшее тиару Франции, затеяло все это предприятие из чисто коммерческих соображений—нажить колоссальную сумму, выдав подделку за настоящий памятник старины.

Как только возникли сомнения в подлинности тиары, она была немедленно убрана из зал в кладовые музея и дальнейшая судьба ее неизвестна.

История с N—лучами. Теперь позвольте рассказать вам другой любопытный случай, имевший место в той же Франции, но уже лет десять спустя после казуса с тиарой Сайтафарна.

В 1903 году, в городе Нанси, профессор Блондло, исследуя свойства Х-лучей, открытых Рентгеном, натолкнулся на существование новых невидимых лучей, которые он назвал N-лучами.

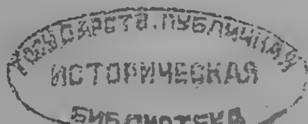
Источников новой энергии оказалось несколько и среди них—обыкновенная закаленная сталь, которая у каждого из нас под рукою. Блондло явственным образом доказывал, что стержень из закаленной стали излучает новооткрытые N-лучи. В течение года шестеро ученых работали в Нансийском университете над N-лучами и все шестеро получали согласные между собою результаты. Один из шестерых ученых, Шарпантье, открыл новый сенсационный источник N-лучей: он доказал, что нерв-

ная система живого организма тоже излучала N-лучи. Таким образом, не только сталь и пр., но и сам человек оказывался источником новой энергии, выходило, что в человеческом теле есть „что-то“, о чем толковали современные спириты и маги седой древности.

Открытие Блондло имело шумный успех. Французская академия откомандировала в Нанси двух своих членов, специалистов по физике, для присутствования на опытах Блондло. Академики, проконтролировав опыт с N-лучами, дали о них публично самые благоприятные отзывы и академия наградила проф. Блондло премией в 50.000 франков за сделанное им открытие и классически выполненное исследование новых лучей. Нечего и говорить, что внимание всего ученого мира было приковано к опытам Блондло.

Но, приблизительно, через год после открытия N-лучей стало выясняться одно странное обстоятельство; все попытки иностранных физиков повторить опыты нансийцев решительно не удавались. Того, что ясно видел Блондло и его товарищи, совершенно не видали иностранцы, хотя они и ставили опыты в своих лабораториях, казалось бы, в полном соответствии с опубликованными данными нансийских ученых.

Тогда американец Ууд, профессор университета в Балтиморе, полагая, что он упустил какие нибудь детали эксперимента, в 1904 году приехал в Нанси, чтобы лично ознакомиться с опытами нансийских ученых. Однако, и в Нанси Ууд продолжал также ничего не видеть, в то время как нансийские профессора видели N-лучи так же ясно, как и раньше. И вот проф. Ууд отважился на отчаянное средство, чтобы выяснить, наконец, существуют на самом деле или не существуют N-лучи.

Но здесь нам приходится сказать несколько слов о природе явления, открытого в Нанси. Дело в том, что прямых доказательств существования N-лучей у нансийских ученых не было. Были лишь косвенные доказательства. Так, напр., некоторые, фосфоресцирующие в темноте, вещества начинали ярче светиться как только на них направлялся поток блондловских N-лучей. Если же поток лучей прекращался, когда путь его заграждался каким либо непрозрачным экраном, то свечение фосфоресцирующего вещества становилось снова слабым, обычным. Эта разница в свечении ясно чувствовалась и самим Блондло, и его товарищами по работе и теми академиками, которые были командированы из Парижа. Итак, в явь и бесспорно было обнаружено наличие какой то новой, дотоле никому неведомой, лучистой энергии.

Мы не будем вдаваться в детали вопроса и указывать как изучалось преломление N-лучей, спектр их и т. д. Перейдем непосредственно к действиям американца Уда.

Так как опыты, по роду своему, происходили в темноте, то Уд, во время эксперимента с преломлением N-лучей, незаметно убрал и спрятал преломляющую призму и, каково же было его удивление, когда никто из присутствующих не заметил никаких изменений в условиях производящегося опыта. Нансийские ученые продолжали наблюдать и видеть усиленное свечение от преломленных N-лучей как будто бы призма была на своем месте...

В дальнейшем Уд проделал еще такую штуку. N-лучи обладали способностью увеличивать видимость предметов, находящихся в темнете. Так, если перед глазами наблюдателя держать кусок закаленной стали, то обстановка комнаты становилась более ясной и свет-

лой. Это об'яснялось особым влиянием N-лучей на сетчатую оболочку глаза. И вот Уд, взяв на себя обязанность держать кусок стали у глаз наблюдателя, незаметно подменил сталь куском дерева такой же формы и размера. Дерево же—по результатам опытов самого Блондло—не обладало свойством испускать N-лучи. И что же—экспериментатор видел разные предметы в темноте одинаково отчетливо, как при наличии стали, так и при наличии дерева! Когда же Уд об'явил, что он убирает кусок стали, который давно был им уже спрятан, то наблюдатель ответил, что вся обстановка комнаты снова утонула для него во тьме!..

О всем, что произошло в Нансийском университете, Уд напечатал в одном английском журнале и статья его произвела ошеломляющее впечатление. Стали разбираться в нансийской истории и, в конце концов, выяснили, что никаких N-лучей не существует. Тогда выходит, что целая плеяда замечательных ученых и изощренных физиков захотела нагло обмануть весь мир? Нет, конечно. Обман в области точных наук, к которым относится и физика, невозможен, так как заранее обречен на быстрое его обнаружение, не говоря уже о том, что подобный обман немыслим по чисто моральным соображениям. Лебон верно понял нансийскую комедию ошибок: „Внушение при изучении явлений“, писал он, „может играть много более значительную роль, чем до сих пор думали, не считаясь с легким подчинением человека иллюзии“ т. е. при известном настроении ума, человек способен видеть то, чего нет в действительности и все могут повторять ошибку одного.

И. И. Мечников и Кох. Коротко упомянем еще об одном интересном факте.

Наш знаменитый, недавно скончавшийся (в 1916 г.) соотечественник И. И. Мечников, оставив профессуру в Новороссийском университете, в 1888 году решил окончательно перебраться заграницу. Нужно сказать, что к этому времени за плечами Мечникова было уже целых двадцать лет научной работы, незаурядное имя в ученом мире и пятилетняя давность открытой им теории фагоцитоза (защитительное приспособление организма в борьбе с инфекционным началом при помощи лейкоцитов—белых кровяных шариков), той самой теории, которая ныне считается азбучной истиной биологии.

Сперва у Мечникова была мысль обосноваться в Германии.

По просьбе Мечникова, всемирно известный Кох назначил ему свидание, чтобы посмотреть препараты Мечникова, доказывающие его теорию фагоцитоза. Мы не станем описывать с каким высокомерным пренебрежением встретил нашего ученого Кох. Скажем лишь, что великий Кох, в это первое свидание, категорически заявил Мечникову, что препараты его недоказательны и он вовсе не усматривает на них подтверждения взглядов Мечникова. Ассистенты и ученики Коха, которые накануне во всем были согласны с Мечниковым, хором заявили, что они подтверждают мнение Коха. Тогда Мечников попросил Коха назначить ему второе свидание. Кох неохотно согласился и, правда, во время этого второго и последнего свидания был несколько уступчивее, но все же расстался с Мечниковым очень холодно.

Мечников, убедившись, что ему в Германии не на что рассчитывать, направился в Париж к человеку, имевшему не менее громкое имя в науке как и Кох—к Пастеру. Пастер встретил его с распростертыми об'ятиями

увидев на препаратах Мечникова то, чего не видел Кох. И в пастеровском институте, прославив последний своими работами, Мечников, как известно, занимался до конца своих дней.

Выводы. Случаев научного заблуждения единичных исследователей, даже таких широких умов, как Кох, — не мало. Ошибались и группы специалистов, как это видно из дела с тиарой и N—лучами. И никакая отдельная наука не гарантирована от возможности добросовестного заблуждения своих самых ревностных работников — ни гуманитарные науки, ни естественные, ни область точного знания. В свое время была даже высказана мысль, что вся история умственной культуры, есть не что иное, как история борьбы человека с способностью ошибаться.

Наша наука, история, не составляет исключения из общего правила. В ее пределах так же возможна неверная оценка как одного какого либо факта, так и целой категории их. А ошибка в определении фактического материала нередко влечет за собою научные построения, не отвечающие действительному положению вещей. Подобные построения, освященные подчас авторитетными именами в науке, действуют гипнотизирующим образом на умы многочисленных второстепенных исследователей и, таким образом, может возникнуть целое научное течение, строящее свои выводы на ложных основаниях.

Мы одинаково называем заблуждением как случай с N — лучами, так и, скажем, взгляды материалистов 18-го века, которые представляли природу как постоянное целое с вечными мировыми телами и неизменными видами органических существ, для которых все

явления находились между собою в механической связи и были неспособны переходить одно в другое.

Но есть заблуждение и заблуждение. Например, нансийские ученые были непоследовательны с точки зрения современной им науки; материалисты же 18-го века рассуждали вполне здраво, принимая во внимание тогдашний уровень знаний. Поэтому ошибки, подобные нансийской, могли бы быть избегнутыми при более внимательном отношении к делу и никакого значения, кроме отрицательного, для науки не имеют. Непоследовательность же французских материалистов была неизбежной и взгляды их имели большое значение в истории науки, составляя одно из необходимых звеньев в цепи ее развития.

Следовательно, есть заблуждения, от которых можно лишь с досадой отмахнуться и есть заблуждения, которые следует тщательно изучать, чтобы понять современное положение какого либо вопроса в науке.

Отзвучавшие истины. Если мы взглянем с вершины последних достижений на историю любой науки, то увидим в прошлом, среди громадных залежей псевдо-истин, лишь небольшое число пока еще неотвергнутых истин. И тут нет ничего удивительного и ничего трагического. Так и должно быть, ибо „все течет“, как сказал мудрец древности Гераклит, „постоянно одно непостоянство“, пояснил его мысль Людвиг Берне и, отсюда следует, что „истина—дочь времени“, по образному выражению Леонарда-да-Винчи. Нужно не забывать, что человек всегда принадлежит своему веку и только ему — даже тогда, когда он протестует против своего века. Оставленные научные позиции служат теми вехами, которые указывают пройденный человечеством путь в его пони-

мании жизни вообще, а также цели и смысла отдельного человеческого существования.

Итак, если мы столкнемся в нашей работе с отзвучавшими истинами, не станем относится к ним насмешливо, какими бы наивными они не казались нам. Приложим все усилия, чтобы осмыслить минувшее — тогда мы будем тверже стоять в настоящем и счастливее в будущем...

Отношение к конкурирующим теориям. Если нужно быть чрезвычайно осмотрительными, чтобы уберечься от случайных ошибок, если к отжившим теориям [1]), сданным в архив науки, следует относиться с уважением и внимательно изучать их,— то как разобраться среди современных научных взглядов и какое надлежит занять положение по отношению к тем из них, которые не сходятся или даже совершенно расходятся с нашими научными убеждениями?

---

[1]) Мы употребляем термины «теория», «гипотеза». Коротко поясним их. Если, скажем, после длинного ряда наблюдений и опытов ученый твердо установил, что данные явления всегда и во всех случаях происходят при определенных условиях, он, ученый, может говорить о существовании известного закона природы, имеет право строить научную т е о р и ю. Если же ученый не уверен в существовании известной закономерности, но все же среди изучаемых им явлений подметил ту или иную тенденцию складываться при наличии некоторых условий так, а не иначе,—он, ученый, обыкновенно высказывает г и п о т е з у, т. е. вероятное предположение о характере, приринах и пр. изучаемого явления или цикла их. Нередко не только гипотезы, но и теории опровергаются вновь обнаруженными фактами—и в этом нет ничего странного и опасного для науки: с ростом науки становятся известными и новые факты, изменяющие установившееся теории и гипотезы.

Например, о первичных фактах исторических явлений существуют в наше время такие основные точки зрения: материализм говорит, что, в конечном счете, все историческое движение есть следствие только материальных причин; идеализм видит основные причины в психических переживаниях людей, т. е. находит, что история базируется на идеях и чувствах человеческих; дуализм же полагает в основу об'яснения исторических моментов два противоположных принципа—он признает одинаково важными, как психический, так и материальный элемент.

Положим, мы признаем правильным материалистическое понимание истории, которое защищается талантливыми представителями науки, людьми с большой научной эрудицией. Но как отнестись нам к идеализму и дуализму, — ведь и в этих, враждебных нам, лагерях имеются и таланты и эрудиция?

Известный немецкий анатом Видерсгейм утверждает, что у человека, из 99 органов, 78 таких, которые либо вовсе не деятельны, либо функционируют лишь в самой слабой степени, 12 органов идут постепенно к упадку и только 9 находятся в состоянии прогрессивного развития.

Подобную картину можно наблюдать и в области человеческой идеологии: количество прогрессивных идей, т. е. таких, которые вполне выражают жизненные интересы общества в целом и в данный момент, значительно меньше числа тех идей, которые когда то оформливали насущную потребность того же общества, а ныне—или жизнеспособны в слабой степени, т. е защищают интересы малочисленных групп людей или же совершенно нежизнеспособны, т. е. являются мертвым наследием

прошлого, вроде червеобразного отростка слепой кишки, совсем ненужного и иногда даже вредного.

Если мы наделены не только знанием, но и любовью к истине; если мы умеем не только строго-логически мыслить, но и улавливать среди массы фактов именно те, которые служат носителями определенной закономерности; если мы сможем, на основании найденных фактов, построить известную научную гипотезу и все остальные факты той же категории истолковать при помощи нашей гипотезы;—при наличии всего этого мы без труда найдем верный путь среди взаимно конкурирующих научных теорий, пройдя мимо тех идей, которые уже или почти изжиты.

Следовательно, в области идеологии всегда имеются идеи или совершенно рудиментарные или же клонящиеся к упадку. И это вполне естественно, так как идеи, подобно ненужным органам нашего тела, не исчезают мгновенно по миновании в них надобности. На нашей обязанности лежит делать то, что мы можем — изобличать пережитки и в то же время неустанно подкреплять наши собственные положения все новым и новым фактическим материалом, имея в виду, что идейные пережитки, цепляясь за жизнь, зорко высматривают слабые пункты в нашей теории, чтобы нанести нам чувствительный удар и подольше удержать свое господство над умами масс.

Но и в сфере здоровых идей можно наблюдать разногласие по отдельным второстепенным вопросам, находящимся в фокусе внимания науки. Эти разногласия не представляют собою чего то ненормального: они зависят от суммы и характера материала, находящегося в распоряжении того или иного отдельного исследова-

теля, от тщательности обработки его и от прочих условий. Но эти условия постепенно сглаживаются временем и разногласия сами собой отпадают. Будем же терпимы к недостаткам наших товарищей по научной работе, так как, возможно, их промахи—наши минусы.

Резюмируем сказанное: приступая к научной работе в стенах высшего учебного заведения, вооружитесь осторожностью, как по отношению к фактам, так и по отношению к авторитетам, — тогда вы наделаете меньше грубых ошибок в своих научных построениях; помните, что, служа науке, вы служите жизни и потому никогда не старайтесь вдунуть душу в те идеи, которые жизнью уже обречены на смерть; и, наконец, умейте быть тактичными, т. е., относясь с большим уважением к чужому научному мнению, горячо защищайте свои научные убеждения.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ.

Идеология. В прошлой лекции мы не раз употребляли термин „идеология“, но не останавливались на его об‘яснении. Теперь же, для лучшего усвоения дальнейшего, мы считаем необходимым указать, что надо понимать под этим термином.

Как известно, сознание человека служит для того, чтобы он, при его помощи, мог организовать свою жизнь, т. е. действия и движения согласовать с потребностями, привести в порядок ощущения и т. д. Общество, как целое, имеет тоже свое сознание, свое понимание жизни, которое стройно связывает общественный процесс. Общественное сознание состоит из разнообразных идей и понятий. Эти то идеи и понятия и составляют идеологию общества. Более обыденное название для идеологии—это духовная культура (речь, мышление, право, нравственность, искусство, предрассудки и т. д.).

Идеология или духовная культура, как мы только что отметили, связывает общественный процесс. Значит она—орудие организации общества с его производством, классами и, вообще, со всеми его общественными силами и элементами.

Но общество организовывается ради чего нибудь и, следовательно, есть какой то смысл в наличности идео-

логии. И, действительно, хотя идеология и лежит вне сферы прямой борьбы человечества с природою, но, в конечном счете, она полезна человечеству в его борьбе за существование, за наиболее устойчивое положение по отношению к природе.

Так как во всякий данный исторический момент об'ем власти природы над человеком или человека над природою изменяется, то видоизменяется и идеология. В первобытном обществе, состав которого более или менее однороден, идеология едина для всех членов общества. В позднейших обществах, состоящих из резко отграниченных друг от друга групп и классов, понимающих жизнь каждый по своему, идеология для разных групп и классов неодинакова.

Как ни многообразны идеологии многочисленных общественных групп и классов, как ни варьируется идеология человечества на протяжении его истории,— все же мы имеем возможность наметить три основных типа в развитии идеологии: 1) тип авторитарной идеологии, 2) тип индивидуалистической идеологии и 3) тип идеологии коллективизма.

Ознакомление с этими типами, хотя бы самое поверхностное, небесполезно, так как отражение всех их или в чистом, или, чаще, в комбинированном виде,— мы можем встретить в умах людей и в настоящее время и не только в области обыденной жизни, но и в науке—и, в частности, в исторических науках.

Авторитарный тип. На заре истории мы встречаемся с человеческими обществами, в которых способы и приемы труда (т. е. техника) уже настолько сложны, что эти общества не могут обойтись без особой организаторской деятельности, пока что посильной для отдель-

ной человеческой личности. И вот явно обозначается отделение труда распорядительского от труда исполнительского. Организатором или патриархом общины был, обычно, старейший член, человек наибольшего опыта.

Чтобы давать целесообразные, при известной обстановке, распоряжения, патриарху необходимо было держать в памяти не только дошедший до него опыт минувшего, но и все возрастающую массу разного рода практических идей: правил техники, описаний фактов, и пр. Запомнить все это без всякой связи было невозможно. Тогда, экономизируя силу мышления, появляется систематизация мыслей, впервые начинает складываться то, что принято называть мировоззрением.

Это первоначальное мировоззрение было религиозным. Иным оно и не могло быть. Дело в том, что патриарх руководился в области своего организаторского труда, в громадном большинстве случаев, заветами предков и лишь иногда—своими оригинальными идеями, причем, для придания им более серьезного значения, проводил их под флагом старых традиций, поднимая тем самым авторитет предков над своим собственным. А так как опыт прошлого, оформленный в виде „заветов", служил живой, взаимной связью для всех членов общины, то у каждого общинника и у всей общины в целом, мало по малу, воспитывалось чувство безграничного уважения к предкам, перешедшее постепенно в настоящее обожествление их. Почитание предков, выражавшееся в известном культе, привело к созданию богов и положило начало древнейшим религиям.

Наблюдая в пределах общины как приказание патриарха претворялось в действие исполнителей, это авторитарное сотрудничество переносилось и в мировую

организацию. Бесчисленные предки, которых персонально невозможно было запомнить, олицетворялись одним или несколькими богами, распоряжавшимися всем в данной общине[1]) через патриархов.

Интересно указать до какой степени религиозные системы были точным сколком с земных правопорядков.

Власть патриарха в общине была властью, основанной не на эксплоатации, а на разделении труда: он мыслил за общину, община слушалась его. Патриарх, по образу своей жизни, был близок к народу и народ был близок к нему. И боги этого периода мыслились близкими, предками людей, стоящими на страже их благополучия.

В эпоху же феодализма[2]), когда ряд общин слился в одно целое и поэтому родственные связи между членами общины ослабели, когда разделение общественных функций создало отдельные касты—жреческую и военную,—религиозные системы выделили среди других богов одного могучего властителя (Зевс у греков, Юпитер у римлян и пр.), которому, словно вассалы[3]), подчинены менее сильные боги, причем каждый из этих богов, как и подобает мелкому феодалу, имеет свое

---

[1]) Именно в данной общине, ибо каждая община имела своих особых предков и, значит, своих отдельных богов.

[2]) Под феодализмом вообще подразумевается господство землевладельцев над всеми людьми, которые пользуются их землею, господство как экономическое (право на труд, на оброк и пр.), так и политическое (право суда, набора в свое войско и т. д.), причем мелкий землевладелец зависел (экономически и политически) от крупного, последний—от еще более крупного и т. д.; в этой системе получалось нечто вроде лестницы зависимостей.

[3]) В переводе на русский—слуги.

ленное владение [1]) где он полновластно царит (у греков: Посейдон — царит над морями, Плутон—в подземной области и т. д.).

Вообще же религия ставит во главу угла признание безусловного начала (бог или боги), от которого зависит все, в том числе и человек, и с велениями которого должна всецело согласоваться жизнь человека. Сообразно этому, в каждой религии рельефно выделяются: 1) догматика или теоретическое понимание безусловного и 2) культ или практическое установление реальной связи безусловного с жизнью человека. Понимание безусловного может быть чрезвычайно разнообразным: от почитания различных предметов (камни, растения, животные и пр.) до отвлеченной идеи (теизм—признание личного, свободного и разумного начала, сотворившего мир и управляющего им; деизм, полагающий в основе всех вещей божество, но не личного бога, распоряжающегося миром; пантеизм, не различающий строго бога от мира и т. д.).

При господстве авторитарного мышления, во всем выступали вперед две идеи: идея власти и идея подчинения. Идеи эти вытекали из практики отношений внутри общины. Патриарх распоряжался, его родичи подчинялись. Идеи власти и подчинения переносились на об'яснение происхождения явлений природы. Причинная связь была очень элементарной: какое нибудь божество вызывало то или иное явление: божество повелевало дуть ветру,—он дул и т. д. С усложнением религиозных систем (в эпоху феодализма) схема причин-

[1]) Ленное владение давалось крупным феодалом более мелкому, под условием признания политической и экономической власти последнего

ной связи оставалась той же,—только между приказывающим божеством и подчиняющимся явлением вставлялись промежуточные звенья.

С нашей точки зрения авторитарное мировоззрение и наивно, и ошибочно. Но в свое время оно было социально полезным, придавая, при помощи заветов предков, стройное единство сознанию коллектива.

Выше мы упоминали, что ознакомление с разнообразными типами мышления имеет смысл и потому, что черты того или иного типа мы можем и по настоящее время встретить как в обыденном, так равно и в научном мышлении.

Мы не будем перетряхивать пыль веков и вспоминать Декарта (1596—1650), который выводил законы природы из божественной воли, или Ньютона (1642—1727), предполагавшего сверхестественное происхождение солнечной системы, или Линнея (1707—1778) и Кювье (1802—1887), утверждавших то же самое относительно органических типов или, наконец, Максвелля (1831—1879), учившего (местами, правда) о сверх'естественнном создании атомов; укажем на знаменитого физика Томсона (лорд Кальвин), который, на одном из собраний, в мае 1903 г., заявил, что наука положительным образом утверждает, что должна существовать особая творческая и направляющая сила, так как из чисто физических сил жизнь необ'яснима (см. примечание 32 к книге Гефдинга „Современная философия", 1907 г.). Если подобные заявления возможны из уст представителя точного знания, то в науках гуманитарных, а в их числе и в истории, сходные мысли, иногда в замаскированном виде, высказываются еще чаще. Например, и по ныне встречается понима-

ние истории, как истории царей, героев, гениев и иных авторитетов, определяющих будто бы судьбу мира.

Авторитарное мышление характеризуется двумя чертами: 1) консерватизм и 2) статической[1]) точкой зрения на мир—предки или боги, в своих „заветах“, предуказали весь земной путь людей от их рождения до самой смерти; все держится на старинном обычае. Нарушителей священных заветов или обычаев наказывали с чрезмерной, на наш взгляд, жестокостью. Люди, создавая при посредстве орудий те или иные предметы, мыслили и мир, как собрание отдельных вещей, сотворенных божествами, соединенных чисто механической связью.

Незначительный об'ем опыта и знаний не позволял людям эмансипироваться т. е. освободиться от всемогущего безусловного начала.

Индивидуалистический тип. Если авторитарное мышление характерно для эпохи патриархальной и раннего феодализма до начала падения последнего, т. е. до 12—13-го веков, то для позднейшего периода, менового, типично мышление индивидуалистическое. Главными чертами его являются: 1) идеологическое богатство, 2) прогрессивность, 3) индивидуализм и 4) отвлеченный фетишизм[2]).

---

[1]) Статикой (от латинского слова „старе“ — стоять) сперва обозначалась часть механики, трактующая о равновесии сил, потом это понятие перенесли в область психологии и в сферу общественных явлений. Статика противополагается денамике—учению о движении.

[2]) Вообще фетишизмом (от испанского „фейтиго“—волшебство) называется обоготворение всевозможных предметов на низшей ступени религиозного сознания. Здесь же это понятие обозначает как бы обоготворение некоторых общественных отношений, сущности которых люди не понимают.

Присмотримся к технике и экономике менового общества.

Способы и приемы труда все более и более усложняются. Отдельный человек (патриарх) уже не в состоянии руководить производством всей общины и она распадается на самостоятельные хозяйства, связанные разделением труда и обменом продуктов.

Все массовое общество представляется нам соединением, независимых друг от друга, мелких товаропроизводителей. Вследствие растущего разделения труда, все производство данного общества распадается на отдельные специализированные отрасли и каждая отрасль состоит из индивидуальных предприятий, которые ведутся их хозяевами за свой страх и риск. Любое из этих предприятий не может существовать обособленно от других, так как, скажем, какой нибудь сапожник, чтобы изготовить сапоги нуждается в пище, платье, в коже, гвоздях, клее, в орудиях своего труда и пр.,— все это вырабатывается в иных, чуждых ему отраслях производства. Но, несмотря на бьющую в глаза зависимость одного предприятия от другого, все производство общества не понимается, как единый трудовой процесс коллектива. И сотрудничество как отдельных отраслей, так и предприятий является неорганизованным или анархическим. Из указанной неорганизованности, как следствие, вытекает рыночная борьба и конкуренция, что заставляет товаропроизводителей внимательно следить за развитием техники, часто изменять приемы работы, изучать рынок и т. д. Человек ощущает, что из под власти природы он вышел, но чувствует, что он подпал под власть общественных отношений в виде экономической необходимости: напр., тот же

сапожник вынужден, день за день, изготовлять свои сапоги, причем, хотя он и имеет дело с самыми разнообразными людьми, но взять за сапоги дороже известной суммы он лишен возможности; но и покупатель приобрести сапоги дешевле определенной цены, как бы он ни стремился к этому, тоже не в состоянии; желания и продавца, и покупателя регулируются какой то экономической необходимостью, которая распоряжается и в других областях.

Сказанное, в общих чертах, уже поясняет перечисленные характерные черты индивидуалистического типа мышления. Но для более отчетливого уразумения основных штрихов разбираемого типа мышления приведем некоторые примеры.

Так, идеологическое богатство определяется, с одной стороны, экономической неорганизованностью общества, что как всякая бессистемность, влечет за собою нужду в большом количестве идей и понятий, чтобы это неоргазованное целое могло как то держаться, жить; с другой же стороны — специализацией, разнородностью частей, для которых необходимы очень разнообразные организации (идеологические) и приспособления.

В качестве беглого примера укажем, хотя бы на роль торговли в развитии и демократизации знаний. Обращение товаров и кредит породили широкую потребность в точном счете и в грамотности, так как пошли в ход письменные доказательства и пр. Морская торговля требовала изучения силы и направления ветров, приливов и отливов и вообще состояния погоды, перемены которой обычно совпадали с определенными временами года, т. е. с астрономическим положением солнца среди небесных светил,—значит, растут и распространяются

познания в астрономии. Разнообразие товаров, — особенно редкостных, заморских, — ставит людей перед необходимостью разбираться в них — следовательно, люди обогащаются техническими сведениями и сведениями из области естественных наук. Колебание рыночных цен, зависящее от политических условий (международные договоры, войны и т. д.) требовало ознакомление с географией, иностранными языками, обычаями и законами разных стран и пр. Тот же рынок заставлял общественную мысль работать над экономическими проблемами. Поиски рынков и драгоценных металлов, очень дорогих к концу средних веков, повели к открытию новых стран (Колумб проникает в 1492 г. в Америку, Васко-де-Гама в 1498 г.—в Индию и т. д.).

Перейдем к прогрессивности, которая коренится в быстрой изменчивости техники, в конкуренции предприятий, в борьбе общественных групп и классов. Применяясь ко всему этому, идеология приобретает гибкость и отрешается от консерватизма, свойственного устойчивым, спокойным формам натурального хозяйства.

И, действительно, — понятия о приличии, о нравственности и пр.—свои у каждого крупного класса, но более сильный класс навязывает их более слабому, происходит какая-то амальгама соответствующих понятий. Католическая церковь в период средневековья кишит ересями и вынуждена жестоко бороться с ними, пока сама не получает почти смертельных ударов от реформации. Закон и право бесстыдно попираются начальниками и правителями вроде Карла 5-го и Филиппа 2-го, но насилие находит достойный ответ в восстаниях граждан. Презирают то, что уважали вчера, поднимаются на того, перед кем недавно дрожали. Люди торговлей соз-

дают себе колоссальные состояния и, под влиянием коммерческих неудач, быстро раззоряются. Все волнуется, меняет свои очертания. И это—на протяжении немногих годов, на глазах чуть ли не каждого нового поколения. Отсюда и эластичность идеологии и ее прогрессивность, сопутствующая быстрому росту человеческого опыта.

Что касается индивидуализма, то причиной его служит анархичность общества. Товаропроизводитель видел множество отдельных предприятий, борящихся друг с другом. Общая связь, взаимное сотрудничество скрывалось за борьбою интересов. Перед каждым стоял лишь отдельный интерес, его выгода. Человек, хозяйничая на своей земле, в своей мастерской и пр., мыслил себя и свое каким-то центром, для которого все окружающее желательно было бы превратить в об'ект использования, добычи. Свобода совести, личности, частной собственности—вот что начертано на знаменах эпохи Возрождения [1]), воспевшей индивидуализм, человеческую личность, заявившую свои права против старых прав авторитарных традиций.

Боги оставляют свои престолы, их занимают фетиши которыми являются определенные идеи и им приписывают отношения, на самом деле происходящие между людьми.

Мысль человека стала уже настолько сильной, что оторвала его от неба, показала, что там пусто. Но опыт людей был еще не так богат и знания их не так глубоки, чтобы они могли достаточно хорошо и верно познать землю и земное. Поэтому, суть всего происходящего выводилась не из небесного или земного, а из

---

[1]) Период от 14-го до 16-го в. включительно.

промежуточного мира—сверхчувственного или трансцендентного. Все бытие об'ясняли рядом фетишей—метафизических понятий.

В период индивидуалистического мышления человек чувствует себя во власти общественных отношений, правильно понять которые он бессилен. Какая-то экономическая необходимость диктует цену товаров, что-то заставляет его подчиняться готовым нормам права, нравственности и т. д., каковые нормы признают для себя обязательными и другие люди. Приписать происхождение этой обязательности коллективу человек неспособен—он индивидуалист; приписать ее себе самому, как личности, он также не может, ибо не в силах по произволу отделаться от этой обязательности. И вот, необходимость права человек видит в самом праве; нравственности—в самой нравственности. На сцену понятий появляются разные абсолюты [1]): право, нравственность, необходимость и т. д. В виду же того, что абсолют, как нечто высшее, непостижим для ограниченного разума, люди могут лишь приближаться, совершенствуясь, к абсолюту—нормы меняются, но предел их изменений лежит в самом абсолюте.

Причинность мыслилась уже глубже, чем представляла ее авторитарная идеология. Идея власти, а вместе с нею и произвол исчезли при об'яснении явлений природы, которые не возвышались одни над другими, но составляли цепь причин и следствий, берущих начало в необходимости.

---

[1]) Т.-е. такие понятия, содержимое которых совершенно не зависит от условий места и времени: нормы абсолютного права или нравственности всегда, везде и для всех людей одинаковы и пр.

В философии, опирающейся на научное и обыденное мышление и призванной вырабатывать целостное миросозерцание, замечается пышный расцвет метафизических систем. И в каждой из них первенствует та или иная идея, которую творец системы постулирует, т.-е. принимает за истинную без доказательств и из которой выводит все остальные положения своей системы. Идеи, положенные в основу систем, считаются реально действующими и обязательно подчиняющими себе поведение людей.

Индивидуалистическая идеология, принимая во внимание совокупность условий ее существования, есть необходимое приспособление в меновом обществе, так как позволяет личности отстаивать себя и свое хозяйство среди всеобщей борьбы каждого против всех. Отвлеченный же фетишизм, метафизика, служит чрезвычайно полезным противовесом против анархических тенденций индивидуализма. Его польза в том, что он дает известные об'единяющие начала, связывающие воедино стихийно-хаотические проявления отдельных личностей.

Если авторитарные навыки мышления иногда встречаются и в наши дни, то индивидуалистическая идеология с ее фетишизмом является в современности почти господствующей. Раскроем ли мы какую либо книгу по философии — скажем, Роджерса, Гефдинга, Джемса и и др.—мы наталкиваемся на метафизику, преподносимую под разными названиями. В исторических же исследованиях мы, в изрядном количестве, встретим ссылки на то, что идеи управляют людьми, заставляя их поступать так или иначе. Про обыденное же, не научное мышление мы и не говорим,—оно сплошь покрыто зарослью индивидуалистических тенденций и отвлеченных идей.

Коллективистический тип. Идеология коллективизма зародилась и начала складываться под влиянием машинного производства, т.-е. приблизительно с начала 19-го столетия. Первые попытки теоретической формулировки этого типа мышления относятся к середине 19-го века и даны нам Карлом Марксом в его работах. Коллективистический тип мышления в настоящее время лишь намечается,—намечается, правда, настолько определенными и резкими чертами, что мы можем считать будущее принадлежащим ему. Попытаемся же очертить этот тип сообразно тем данным, которыми мы располагаем. Иллюстрацией же к нашему общему очерку будет служить, сделанное в своем месте, изложение доктрины экономического (или исторического) материализма.

Из обрисовки двух пред'идущих типов идеологий можно заключить, что тот или иной тип мышления всегда отражает и выражает производственную связь общества и изменяется вслед за нею. Как раз введение машинного производства является коренным фактором в изменении группировки общественных элементов и взаимной их связи. Последнее же обстоятельство, в свою очередь, породило оригинальную идеологию, пока еще, как мы отметим, окончательно не сложившуюся, так как и самая перегруппировка и образование новых связей еще далеко не закончились.

Что такое машина и каким становится все содержание человеческого труда при наличности машины?

Машина—это механизм, который берет на себя целый ряд движений и усилий необходимых в процессе производства определенных предметов, тех движений и усилий, которые раньше, при мануфактурной выработке товаров, производились непосредственно человеком. При

мануфактурном разделении труда рабочий пассивен: он по воле предпринимателя выполняет почти машинально ряд однообразных движений, не требующих от него ни напряжения внимания, ни проявления инициативы, т.-е. рабочий уподобляется машине. Стоя же у машины, управляя ею (пустить в ход машину, регулировать движение и контролировать его, останавливать и пр.), человек вынужден напрягать свое внимание, соображение, подчас выказывать инициативу, а в силу этого труд его наполняется новым содержинием — он принимает черты труда организаторского.

Имеются машины такого типа (нисшего), работая на которых человек отчасти помогает им в изготовлении продукта, являясь в этом случае собратом рабы-машины. При наличности автоматических машин, производящих весь продукт с начала до конца, рабочий уже господин машины—он управляет ею. Высший тип машины— автоматически-регулирующиеся механизмы, которые, в значительной мере, при помощи особых регуляторов (силы пара, тока, скорости и пр.), берут на себя и контроль над исправностью своей работы. На долю рабочего при последнем типе механизмов остается, время от времени, производить сопоставление данных, доставляемых разными регуляторами и, на основании оценки этих данных, сообразовать свое вмешательство в ход всего механизма, т.-е. труд рабочего становится подобным труду инженера.

Должно заметить, что если в некоторых отраслях производства капиталист и находит выгодным для себя вводить дорогой тип автоматических механизмов, то полное развитие автоматически-регулирующегося типа возможно лишь при социалистическом строе, когда на

первом плане будут стоять не частные интересы, а выгоды общества. Капиталист, гонящийся только за барышем, не будет вводить высший тип механизмов, так как сокращение заработной платы при введении этого типа получается незначительное (уже автоматический тип требует небольшого количества рабочих, дальнейшее сокращение которых не даст заметной прибыли предприятию), не могущее окупить произведенных затрат на усовершенствование машины.

Какая намечается форма сотрудничества между людьми при крайнем развитии высшего типа механизмов?

Здесь, в области сотрудничества, произойдет коренной переворот по сравнению с современным положением: от разнородности сотрудничество перейдет к однородности. Хотя специализация по отраслям производства и остается и, может быть, даже усиливается, но все разнообразие работ падает на машины, а содержание труда работников, даже при весьма несходных машинах, станет сходным в главной и наибольшей своей части: функциях надзора за машиною, контроля, регулирования, соображения. А так как все перечисленные функции требуют от рабочего высокой интеллигентности, то мало по малу исчезает резкое различие между „умственным“ трудом и „простым“.

В настоящее время в передовых промышленных странах (Америка, Англия, Германия) мы видим как среди предпринимателей, так и среди рабочих стремление к борьбе с анархизмом производства: тресты и синдикаты промышленников, с одной стороны, и рабочие союзы—с другой, среди других своих задач, имеют целью избежать перепроизводства, которое для капиталистов влечет за собою закрытие отдельных предприятий

и общее понижение товарных цен, а для трудящихся— безработицу для известных групп и общее понижение заработной платы. Чем выше техника данной страны, тем болезненнее страна эта ощущает свои промышленные кризисы, ибо заминка в одной отрасли производства, при наличии тенденции к все большему и большему развитию специализации по отраслям, влечет за собою ненормальное состояние и для смежных отраслей, а отсюда — заминка волною перекатывается по всему промышленному фронту, нанося ущерб интересам страны в целом. Следовательно, при крайнем индивидуализме капиталистического строя, представляющего из себя арену для преследования личных, частных интересов, капитализм, тем не менее, родит противоречие самому себе: заставляет организовываться не только трудящихся, но и капиталистов.

Нечего и говорить, что при максимальном развитии машинного производства в смысле распространения последнего на те отрасли промышленности, где в настоящее время царит мануфактурный труд и введения там механизмов высокого типа,—интересы производства, интересы экономического самосохранения общества властно продиктуют тесную сплоченность для всех индивидуумов данного общества. Однородность же труда и высокая интеллигентность рабочих значительно облегчит процесс сознания общности интересов всех людей в их борьбе с природою и с'организует всех в более компактную массу. Класс эксплоататоров, сыгравший свою роль, исчезнет так же, как в свое время исчезли крепостники и рабовладельцы.

Таким образом, как мы видим, развитие машинного производства уже меняет, а в будущем должно оконча-

тельно изменить самый тип человеческого мышления: затемненный сейчас общий интерес людей в их трудовом процессе станет ясным для всех и не личные цели, а цели всех будут поставлены на первый план. Так индивидуалистический тип мышления сменится идеологией коллективизма.

Новая идеология, точно учтя силу общественных отношений, не станет ставить за их спиною (так как не будет в этом больше нужды) отвлеченные идеи или фетиши (абсолютный долг, нравственность, право и пр.). Вместо многочисленных и разнообразных фетишей перед глазами людей будет стоять единый, простой, понятный для всех интерес коллектива. А так как всякое движение к новому, к прогрессу будет полнее удовлетворять этот интерес, то статические тенденции, наблюдаемые в некоторых классах современного общества в определенные исторические моменты, будут окончательно уничтожены, ибо не удержание или остановка прогресса, а, наоборот, крайнее его развитие будет полезно для коллектива.

С точки зрения идеологии коллективизма история—это не история выдающихся лиц и не история развития идей, а история производственного процесса, т.-е. борьбы между обществом и природою. И в процессе производства, как мы увидим ниже,—при рассмотрении доктрины экономического материализма,—вырабатываются и складываются экономические отношения людей и, в зависимости от них, идеи.

Идеология коллективизма черпает свои доказательства из сокровищницы опытного знания, успехи которого обусловлены развитием производства.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ.

Философия истории. Мы уже отмечали, что ознакомление с основными типами человеческого мышления небесполезно потому, что отражение очерченных типов в целом их виде или тех или иных отдельных черт этих типов можно встретить и в современной науке и, вообще, в мировоззрении членов нашего общества.

Но для историка, на обязанности которого лежит, между прочим, и изучение, хотя бы беглое, главных изменений в области теоретического представления о закономерности и характере исторического процесса, знакомство с обрисованными типами идеологий совершенно необходимо, так как все эти типы мышления принимали самое деятельное участие в построении разнообразных систем философии истории.

Итак, в самых сжатых выражениях попытаемся дать понятие о кардинальных моментах философии истории, остановившись подробнее лишь на теории экономического материализма, так как, с нашей точки зрения, именно в теории экономического материализма мы находим наиболее верную модель исторических явлений, модель, отражающую эти явления с наибольшей полнотой и в наибольшей взаимной связности.

Блаженный Августин. Христианство, с его проповедью единства людей между собою и их единства с божеством, дало базис христианскому писателю, бл. Августину (354—430), развить этот принцип единства в своей системе философии истории. Его теория, обрисованная в сочинении „О царстве божием", такова: изначала века существовало лишь царство божие; после же отпадения дьявола и грехопадения людей, было основано земное царство дьявола; таким образом возникло два царства, непримиримо между собой враждующих — царство избранников бога и царство избранников сатаны; церковь является высшей организацией, об'единяющей избранников бога. И все содержание истории есть развитие борьбы между церковью и царством дьявола. Но, в конце концов, царство дьявола распадется, победа будет на стороне царства божия, а следствие этой победы — вечное блаженство праведников в раю и вечные муки грешников в аду. Теория бл. Августина составила основу для всего исторического мировоззрения средневековья.

Под влиянием религии и богословских учений находились системы философии истории даже в новейшее время: напр., система Краузе (1781—1832), Шеллинга (1775—1854) и др. Все эти системы усматривали существо и содержание истории в осуществлении предначертаний бога на пути все большего и большего совершенствования людей.

Монтескье, Руссо, Вольтер. На более или менее научный путь философия истории становится лишь с середины 18-го века под влиянием некоторых сочинений выдающихся писателей эпохи: Монтескье (1689—1775)—

„О духе законов“ [1]), Жан-Жак Руссо (1712—1778) — „Об общественном договоре“ и „Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми“ и Вольтера (1694—1778) [2]) — введение к его „Опыту о нравах и духе наций“. Писатели эти, вместе с частью своих последователей, давая культурно-исторические очерки, сопровождали их общими рассуждениями о начале культуры, о сущности и предназначении человека и различных общественных институтов (право, собственность и т. д.). Руссо, напр., описав естественное состояние людей и возникновение государства из общественного договора, доказывает, что ни цивилизация вообще, ни науки в частности не способствовали улучшению нравственности людей и потому советует последним—и в этом видет весь смысл истории—вернуться к естественному состоянию.

Гердер (1744—1803), которого принято считать отцом философии истории, так как он упорядочил ее, установив границы ее исследования, сконструировал такую теорию: историческими факторами, об‘ясняющими нам происходящее, являются и внешняя природа и наши способности, данные нам богом. Развитие людей есть следствие взаимодействия этих двух факторов. Многообразие природных условий и различие в национальных способностях об‘ясняют все историческое разнообразие, но в этом разнообразии все же выкристаллизовывается и нечто общее—это разум и доброта, обнаруживающиеся во всяком истинно-человеческом дей-

[1]) Как раз в названной книге Монтескье дал чрезвычайно удачную формулу, выражающую понимание научного закона: „закон—необходимое взаимоотношение явлений“.

[2]) Кстати сказать, именно Вольтер, в 1765 г., пустил в оборот термин „философия истории“

ствии. И все народы, независимо от ступени своего развития, принимают посильное участие в выявлении этих черт

Развитие философии истории после Гердера совершается в двух противоположных направлениях: 1) идеалистическом или метафизическом [1]) и 2) позитивно-материалистическом [2]).

---

[1]) В основе идеализма лежит утвеждение, что истинное бытие принадлежит не материи, а духовному началу—отсюда и названное направление идеалистическим. Метафизическим оно именуется потому, что духовное начало, лежащее с точки зрения идеалиста в основе бытия, не может быть доказано теоретическим разумом человека, а принимается последним за истинное без доказательств (постулируется, как говорят философы). Одни философы—идеалисты говорят, что в мире, как основа его, имеется только Бог, другие называют—абсолютное, третии — Разум, четвертые—Истину и т. д. И все материальное, по учению подобных философов, есть дело рук—или Бога, или Абсолютного, или Разума, или Истины и т. д. Если философ (все равно идеалист он или материалист, признающий за истинную реальность материю) выводит всю свою систему (построение, учение) из одного начала (или принципа), мы будем считать его монистом (от греческого „монон“ —единство); если философ полагает, что в мире действуют две главных силы (напр., Бог и Природа, или Душа и Тело, или Дух и Материя и пр.), — мы будем иметь перед собою дуалиста (от латинского „дуо“—два), для которого обе его силы совершенно самостоятельны и одна другой не подчиняются; но есть и такие философы, для которых в основе мира лежит не одно и не два, а большее количество начал или принципов,—эти философы будут плюралисты (от латинского „плюрес“—множество).

[2]) Позитивное (от латинского „поно“—кладу, полагаю) или позитивно-материалистическое направление мысли получило особенное значение в 19-ом веке под влиянием трудов Огюста Конта (1798 — 1857); это направление считает, что истинным базисом для нашего миропонимания (или мировоззрения) может быть только одна наука; для позитивиста наука должна заменить человеку и философию и религию.

Главные представители первого направления—Кант (1724—1804) и Гегель (1770—1831).

Кант учил, что в явлениях бытия мы познаем только феномены, т. е. об‘екты, воспринятые нашими органами ощущений, то, что нам кажется; истинная же реальность бытия „вещи в себе“, как называл ее Кант, — она может лишь мыслиться как непознаваемый источник и, в известном смысле, причина явлений.

Кантовские „вещи в себе“ это чистейшая абстракция [1]), но приведенное положение Канта в целом говорит,—что вполне подтверждается данными современного естествознания,—об относительности и ограниченности наших познаний о внешнем мире и о полной зависимости их от нашей психо-физической организации. Эта крупная мысль Канта расчищала дорогу эмпиризму, усматривающему источник наших познаний в опыте, и утверждала то, ныне твердо установленное положение, которое гласит о конкретности научной истины.

Признавая в действиях людей свободную волю, Кант доказывал, что эта свобода воли уживается с закономерным ходом истории благодаря государству. Дело в том, что в каждом отдельном человеке и во всех людях вообще происходит борьба между эгоизмом и потребностью в общественной жизни. И обе эти главные и характерные для человека черты гармонизируются в государстве, так как только государство обеспечивает своим гражданам, с одной стороны, наибольшую свободу, а с другой стороны—выявление потребности в об-

---

[1]) Т. е. нечто отвлеченное от данных условий, совершенно с ними не считающееся.

щественной жизни. Следовательно, прогресс государственных форм—вот главная тема истории.

Гегель, подобно Канту, исходил из той же проблемы и так же ее разрешал, т. е. по мнению Гегеля, государство составляет истинное содержание истории. Но путь, по которому шел Гегель был совершенно иной — с поставленной задачей он справлялся при помощи диалектического метода, который, как мы увидим ниже, имел большое значение и для Карла Маркса (1818—1883), родоначальника экономического или иначе—исторического материализма [1]).

Правда, еще Гераклит (умер в 475 г. до Р. Х.) говорил, что мир только одно становление (термин Гераклита) т. е. вечное изменение; все течет, смерть одного есть рождение другого, все существует и в то же время не существует (так как беспрерывно изменяется), борьба—отец всего. Но во времена Гераклита и много позднее изложенные принципы не могли быть научно доказаны. Поэтому, вплоть до Гегеля, в философии господствовало мнение, что бытие—это не процесс развития явлений, а нечто застывшее, неспособное переходить одно в другое. И величайшая заслуга Гегеля состоит в том, что он сам понял и силою своего таланта

---

[1]) Мы совершенно согласны с Г. В. Плехановым (см. его книгу „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", 1919 г. стр. 190, сноска первая), что выражение „экономический материализм" крайне наудачно и сам Карл Маркс никогда не называл себя экономическим материалистом. Термин „диалектический материализм" был бы более правильным. Но в нашем дальнейшем изложении мы будем придерживаться общепринятого термина „экономический материализм", чтобы не вносить непривычным, хотя бы и более удачным термином, ненужной путаницы в изложение вопроса.

заставил понять других, что бытие—это вечное движение, непрерывное изменение, что одно явление переходит в другое, что вся жизнь—единый эволюционно-революционный процесс развития.

Вот эта мысль Гегеля, что вся жизнь—единый эволюционно-революционный процесс развития, это чрезвычайно важная мысль. Мы должны обратить на нее наше сугубое внимание. Гегель говорил, что все в мире развивается постепенно (эволюционно), но потом наступает некоторый момент, когда эта постепенность прерывается, происходит в данном процессе скачок (революция как бы), а за скачком снова начинается эволюционный процесс, тянущийся до следующего скачка и т. д. Вот стакан с водою, говорит Гегель,—вода постепенно (эволюционно) охлаждается, а потом сразу, скачком (революционно) превращается в лед. Или возьмем женщину (в жизни ее организма „скачки" выражены более резко, нежели у мужчины) с момента ее утробной жизни. В качестве плода она эволюционно развивается в течении 9-ти месяцев. Затем—скачок: плод отделяется от тела матери (роды). Потом девочка снова эволюционно растет. Опять скачок: момент созревания с сопутствующими ему менструациями. Созревание с момента менструации постепенно продолжается, прерываясь новым скачком—выходом девушки замуж (известно, что замужество и физически и духовно превращает состояние девушки в иное состояние, новое). Следующим скачком будет появление у девушки ребенка, что накладывает резкий отпечаток и на физическое и на духовное „я" женщины (развиваются грудные железы, дающие молоко; появляется особое чувство материнства и т. д.). Дальнейший скачек для женщины—прекращение менструа-

ций (и способности рождать детей) и т. д. Вдумаемся глубже в то, что, собственно говоря, представляют собою скачки? Не начинается ли с момента скачка некоторое новое качество? Ведь утробный плод—это одно качество или состояние человека; рожденный ребенок—уже совершенно новое качество или состояние человека; девочке может быть и 3 и 5 и 10 лет, но вполне созревшая девушка—это уже совсем новое состояние, совсем особое качество, это уже не девочка и т. д. Итак, скачек действительно начинает собою новое качество в жизни данного, наблюдаемого нами, явления (все равно будет ли это явление человек, или человеческое общество с его революциями, или, скажем, хотя бы пшеничное зерно, превращающееся в растение, которое, давая колос с новыми зернами, умирает и т. д.). Но что мы называем качеством? Возьмем, для примера, муравьиную кислоту. Она состоит из одного атома углерода, из двух атомов водорода и из двух атомов кислорода. Ведь эти три силы (углерод, водород и кислород), находящиеся между собою в определенном отношении (т. е. атом углерода и по два атома водорода и кислорода) и дают нам известное качество, называемое муравьиной кислотой. Следовательно, качеством называется определенное отношение различных сил. Теперь спросим: как может развиваться муравьиная кислота? Здесь возможны два пути: просто — количественное и количественно-качественное развитие. Если мы пропорционально увеличим число атомов, возьмем, напр. 3 атома углерода, 6—водорода и 6 кислорода, то получим ту же муравьиную кислоту, но только в большем количестве. Но совсем другое дело качественное различие: возьмем те же три силы (углерод, водород и кислород), но в ином количе-

ственном сочетании: 2 атома углерода, 4 атома водорода и 2 атома кислорода — при такой комбинации мы получим новое качество: уксусную кислоту, в которую перейдет наша муравьиная кислота. Таким образом, от одного качества (муравьиной кислоты) путем постепенного (эволюционного) количественного изменения определенных сил (углерод, водород и кислород), образующих в своей связи данное качество (муравьиную кислоту), мы через скачок—революцию переходим к другому качеству (к уксусной кислоте). Гегель подобный закон развития формулировал так: количество переходит в качество. Вот этот то путь развития жизни, переход мира от качества к качеству, от одного этапа к другому — новому, эволюционно-революционный процесс развития и есть ничто иное как знаменитый гегелевский метод („метод“ в переводе с греческого и будет путь) диалектического развития (термин диалектика от греческого „диалегомай“—разговаривать, означает искусство разговора, уменье пользоваться доводами).

Диалектика, по Гегелю, есть, принцип всякой жизни, которая, как летящая стрела, в каждый данный момент находится одновременно в определенной точке и, в то же время, вне ее—потому что, если бы стрела находилась только в ней, то она бы, по крайней мере, на это мгновение стала бы неподвижной. Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, есть лишь непрерывный процесс возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от нисшего к высшему.

Идея о диалектическом развитии жизни была усвоена рядом выдающихся мыслителей и ученых (среди них— тем же К. Марксом, о чем мы уже упоминали), которые не пошли за Гегелем по дороге идеализма, а

использовали эту мысль при построении чисто-научного материалистического мировоззрения. И диалектика Гегеля и указание Канта на доступность для нас лишь ограничительного изучения явлений (феноменов) — все это теперь кажется нам очень понятным и простым. Но, ведь, несложна и знаменитая теорема Пифагора, — однако, для своего времени, открытие ее было целым событием в области математической науки. Само собою разумеется, что ныне любой ученик средней школы, осиливший самый обыкновенный учебник физики, знает гораздо больше нежели самый известный физик древности. Но при суждени о величине и важности открытия, о глубине мысли того или иного выдающегося человека надо иметь в виду общий культурный фон эпохи, т. е. степень развития знаний, направление умов и пр. И вот, принимая во внимание именно этот общий фон, мы и говорим, — что мысли Канта и Гегеля, особенно нас интересующие, были действительно гениальными, имевшими впоследствии громадное значение и для науки и для философии,—в частности и для философии экономического материализма.

Но вернемся к Гегелю. По Гегелю бытие и мышление тожественны, т. е. обладают одинаковыми качествами. Ведь Гегель в основе всего сущего видел некое духовное начало — Разум (или Абсолют, или Мировой Дух), который сам себя превращает в Материю (т. е. в природу), а из материального состояния снова переходит в нечто духовное (человеческие мысли, идеи и пр.) Гегелевский абсолют развивается в истории от состояния его бессознательности до сознания им полной его свободы. Гегель устанавливает три главных стадии развития абсолюта (или мирового духа): 1) стадию, когда

дух народов находился без сознания своей свободы (восток); 2) затем идет эпоха, когда мировой дух вступает в сознание своей свободы (греки; римляне) и 3) последняя стадия, когда мировой дух доходит до самосознания всеобщей духовной свободы. Высшая стадия может развиваться только в государстве, которое, как мы уже говорили, составляет у Гегеля истинное содержание истории. Те же народы, которые уже с'играли свою роль в создании государства, представляют пройденные фазы в развитии мирового духа.

Должно заметить, что сам Гегель отнюдь не делал революционных выводов из своей философии. Он даже заявил, что в прусском государственном строе мировой дух уже достиг своей наивысшей ступени, своего самопознания и теперь он должен успокоиться. Некоторые же последователи Гегеля придали мировоззрению своего учителя даже совершенно законченный характер философии придержащих властей и диалектика в их руках превратилась в пустую игру понятиями.

Но кроме только что указанных „правых" гегельянцев, были и другие—„левые", выводившие из философии Гегеля самую прогрессивную общественную программу. Раскол же между „правыми" и „левыми" гегельянцами произошел, главным образом, из-за различного понимания знаменитого положения Гегеля — „что действительно, то разумно". Правые гегельянцы находили в этой фразе примирение со всякой действительностью, какой бы гадкой эта последняя ни была — отсюда консерватизм и общественный индифферентизм (от латинского „индифференция"—безразличие) „правых". „Левые" же указывали, что весь вопрос в том, что сле-

дует понимать под выражением „действительно“, ибо сам Гегель говорил, что „действительное выше просто существующего“ и, сверх того, он учил, что все течет и изменяется, что во всяком явлении совершается процесс умирания старого и нарождения нового. И „левые“ гегельянцы действительными признавали только те явления, которые находятся в периоде развития. — Таким образом в руках „левых“ философия Гегеля сделалась философией общественного переворота.

Ниже, дав короткий очерк позитивно-материалистического направления, мы покажем как в лице Людвига Фейербаха (1804—1872), крайнего левого гегельянца, философия идеализма перешла к материализму, определенно, хотя подчас и не совсем правильно, формулированному еще Гольбахом (1723—1789) в его главном сочинении „Система природы“.

Идеалистическая философия (Кант, Гегель) выводила всю историю человечества из тех общих положений, на которых базировала данная система, т. е история была наукой дедуктивной (от латинского „дедуко“ — вывожу). Весь конкретный материал должен был укладываться в заранее определенные формы, а если он не укладывался,—то „тем хуже для фактов“ как выражался Гегель. Действительное бытие, с точки зрения этой философии, принадлежало не материи, а духу.

Позитивно-материалистическое направление. Если идеализм Канта и Гегеля утверждал бытие духа, то позитивно-материалистическое направление становится, сперва нерешительно, а потом резко и определенно на противоположную позицию. Это новое направление начинается

с Гольбаха [1]) и Кондорсе (1743—1794) и через Огюста Конта (1798—1857), Кетле (1796—1874), Бокля (1821—1862) и др. доходит до К. Маркса. Характерной чертой и исходной точкой для всего этого направления служит интерес к тому, что уже достигнуто человеческим обществом, интерес к реальным элементам, к практическим ценностям.

Гольбах в „Системе природы“ сводит все душевные и интеллектуальные способности к деятельности тела: напр., добродетель вытекает из чувства самосохранения, представляя из себя деятельность, направленную на пользу людям как членам общества, в котором человек живет. Учение Гольбаха велико не в смысле определенного изложения той или иной теории исторического процесса, а в силу тех общих положений, которые выставляются в „Системе природы“, считавшейся одно время евангелием материалистов. Отметим кстати один крупнейший недостаток материализма 18-го века: этот материализм был механичен, т. е. видя в основе всего существующую материю, материализм 18-го века не мог связать все материальное бытие в одно целое, показать процесс развития материи. Последнее было сделано лишь материализмом 19-го века. Для 18-го же века весь мир хотя и был материей, но эта материя жила в виде отдельных, друг с другом не связанных, вещей и предметов.

Кондорсе, изучивший необходимость и постоянство законов в области естественных наук, пришел к заклю-

[1]) Мы совершенно опускаем те материалистические учения древнего мира (Левкипп, Демокрит, Эпикур и пр.), которые были бледно формулированы и носили характер случайных, отрывочных явлений в области философской мысли.

чению, что моральные и интеллектуальные способности (от латин. „интеллиго“—понимаю; интел. способности—вообще познавател. способности человека—ум, рассудок, разум) людей развиваются так же под влиянием известной закономерности. Считая за факторы исторического развития: внешнюю природу, первичные культурные приобретения, способности человека и взаимодействие между людьми,—Кондорсе полагал, что цель и содержание прогресса лежат на линии устранения всякого неравенства между народами и в усовершенствовании людей и их способностей. Кондорсе же принадлежит заслуга констатирования очень важного факта, а именно: история делается не „героями“, а массой.

Конт, принимая факторы Кондорсе, находит, что основным началом исторического развития служит интеллект, который мало по малу гармонизирует и инстинкты, и фантазию и страсти. Исходя из первенствующей роли разума, Конт все развитие человеческого общества и отдельных народов, составляющих это общество, делит на три стадии: 1) теологическую, когда люди для объяснения окружающего прибегали к фантазии, выдвигая, с нашей точки зрения, более или менее сверхъестественные силы; 2) метафизическую,—когда явления объясняются людьми при помощи абстрактных идей теми или инымы сущностями (сущность—внутренняя, невидимая природа предмета обычно противополагалась его существованию, которое составлялось из случайных, зависящих от условий пространства и времени, признаков) и 3) позитивную или положительную, — когда люди познают окружающее при помощи точных научных методов. Эти три стадии развития интеллекта являются для Конта основными законами истории, которая должна

изучать цикл своих явлений, имея в виду общие научные законы.

Адольф Кетле, современник Конта, при изучении социальных проблем воспользовался статистическим методом. Он, наблюдая факты брачности, преступности и др., увидел, что количество отдельных случаев той или другой категории из года в год остается одинаковым как абсолютно, так и в связи с профессиями, возрастом и т. д. Теоретический вывод получился следующий: так называемая свобода воли — фикция, ее нет, человек только думает, что он действует свободно; на деле же его поступки являются результатом действия независящих от его воли внешних законов. Человеческое общество, как целое, представляет собою совокупность явлений, в сфере которых действуют те же физические силы, как и в природе вообще, управляемых теми же законами, которыми управляется и внешний мир.

Бокль, популяризировавший идеи Кетле, признавал за основные факторы только природу и человеческий дух, причем природа, по его теории, имела первенствующее значение в тропическом поясе, а человеческий дух — в умеренном. Бокль из всех наших способностей, как и Конт, выделял интеллект и поэтому, учил он, чтобы открыть законы истории, надо изучать законы нашего разума.

Сен-Симон и Луи Блан. Начиная еще с Сен-Симона (1760—1825), в позитивно-материалистическом направлении философии истории пробивается новая интересная идея: как факторы исторического развития отмечаются классовая борьба и промышленный прогресс. Эти же идеи развивал и Луи Блан (1813—1882), но, вследствие отсутствия соответствующей питающей почвы,

указанные мысли стали плодотворными лишь спустя некоторое время в детальном обосновании и в талантливом изложении их К. Марксом.

Фейербах. Поправкой к философии Гегеля и в то же время переходом мостиком от идеализма к материализму, развитие которого мы проследили с 18-го века, была философия Людвига Фейербаха (1804—1872).

Фейербах, сразу завоевавший симпатии „левых" гегельянцев, в центре своей системы, вместо абсолюта, отвлеченной идеи, стремился водворить действующего человека. „Если прежняя философия", говорит он, „учила: лишь разумное—истинно и действительно, то новая философия говорит: лишь человеческое истинно и разумно, человек есть мера разума".

Фейербах резко отрицал всякого рода абсолютные построения, черпающие свой материал из самих себя. Сознавая, что наука пока что бессильна разгадать многие из загадок жизни, Фейербах горячо протестовал против обращения за разрешением этих загадок к вере. Искать ответов на поставленные жизнью вопросы он советовал в житейской практике. На самого человека Фейербах смотрел как на существо социальное и даже прямо говорил, что изолированный человек не представляет сущности человека ни как морального, ни как мыслящего существа; сущность человека заключается в общении человека с человеком. Даже философии Фейербах ставил чисто практические задачи „делать не книги, а людей", т. е. помогать человеку выковать свое мировоззрение. Фейербах говорил: „Я мыслью только, как суб'ект, воспитанный историей".—Здесь уже явные зачатки материалистического понимания истории. Но в то же время, за Гегелем, он повторяет, что „ход истории

человечества, конечно, предписан ему, ибо человек следует за движением природы"—это уже существенное укорачивание материализма. Впрочем, Фейербах постоянно пускается в оговорки, когда горорит о материализме.

Энгельс говорит, что как он сам, так и Карл Маркс были сперва горячими последователями Фейербаха, от которого начали понемногу отходить с 1845 года, когда Маркс, в своем „Святом семействе", развил точки зрения Фейербаха за те пределы, которые поставил им сам Фейербах, а именно: от абстрактного человека, годного для любой исторической декорации, от человека, созерцающего действительность и ее истолковывающего, Маркс перешел к учению о реальном человеке, о человеке данного исторического момента, который, своим трудом, изменяет действительность и, под влиянием ее сам изменяется.

Идея эволюции в общественных науках. Прежде нежели перейти к формулированию сущности исторической теории Маркса, необходимо, хотя бы мимоходом, познакомиться с конкретными условиями возникновения эволюционной идеи в сфере общественных наук, так как идея социальной эволюции играет важную роль в построениях экономического материализма.

Как известно, в конце 18-го века явно обозначилось несоответствие между трудовым содержанием общественной жизни и рамками, в которые оно было заключено. Развивающаяся промышленность чувствовала себя стесненной в оковах старого порядка с его привилегиями (напр., некоторые высшие должности могли заниматься только представителями старых дворянских родов—так, при Людовике 15-ом только один буржуа, некто Шевер,

мог дослужиться до генерал-лейтенанта), монополиями (вспомним хотя бы, так называемые, баналитеты, дающие помещику и только ему, право держать мельницу, где крестьяне, живущие на земле этого помещика, должны молоть свое зерно; право держать печь, где те же крестьяне, конечно, на невыгодных для себя условиях, должны выпекать свой хлеб и т. д.), с устарелым, цеховым устройством (цехи очень стесняли частную инициативу своих членов, предписывая даже в точных размерах форму того, что можно было изготовлять) и полукрепостными крестьянами. Указанное несоответствие и создало в Европе то общественное противоречие, из которого вышла великая французская революция. Главный выигрыш в этом перевороте получила, как засвидетельствовано историей, буржуазия, наиболее заинтересованная в развитии промышленности,—самый оформленный и жизнедеятельный класс тогдашнего общества. И капитализм со времен французской революции стал, под верховным руководством буржуазии, быстро развиваться, перетасовывая по новому взаимоотношения различных общественных классов.

Но развитие капитализма стояло в тесной связи с успехами естествознания, так как крупная промышленность могла прогрессировать только при условии применения данных естествознания. Развитие же техники, без чего немыслимо движение капитализма, давало естествознанию новые об'екты для исследования, новые орудия и методы. Таким образом, между капитализмом и естествознанием было самое тесное взаимодействие. И, благодаря этому взаимодействию, в естественных науках, мало по малу, укреплялась эволюционная идея, едва теплившаяся в них до великой революции.

Вслед за науками естественными и в науках, изучающих жизнь общества (философия, право, история, полит. экономия и др.) эволюционная идея тоже начала обозначаться хотя уже и после революции 1789 года. Здесь отчасти сыграло свою роль перенесение этой идеи в среду общественных наук из естествознания, а отчасти же—другое обстоятельство, которое заключалось вот в чем. До революции все науки об обществе служили буржуазии тем тараном, которым она пробивала стену „старого порядка", мешавшего ее свободному развитию. Но революция, в своем поступательном движении, вывела на общественную арену, помимо буржуазии, и иные общественные элементы (крестьянство, а также и пролетариат городов, начавший уже формироваться как класс), желания которых были большими нежели желания буржуазии, вполне удовлетворенной революцией. Тогда для буржуазии, чтобы удержаться на занятых ею позициях и сохранить за собой завоевания революции, представилось существенной необходимостью выработать такую идеологию, которая помогла бы и застопорить революционный процесс и оправдать в общественном мнении это реакционное действие. Сделать это было тем легче, что революция принесла разочарование самим идеологам: вместо гармонического всеобщего благосостояния и счастья вскрылся ряд, затушеванных „старым порядком", новых противоречий. И горькое недавнее прошлое стало рисоваться, если и не совсем по пословице „что пройдет, то будет мило", то, во всяком случае, более светлым. Начали уже не осуждать минувшее, как это делали до революции, а изучать с целью понять его разумность. Но так как после революции возврат к старому был, конечно, невозможен, да для буржуазии и

нежелателен, то прошлое было понято как нечто разумное лишь при известных условиях, с изменением которых это же самое прошлое уже переставало быть разумным, а разумным становилось иное. Укажем, напр. на историка времен реставрации — на Гизо, который в одном из своих сочинений („Опыт истории Франции), появившемся в 1821 году, определенно указывает, что основными факторами, изменяющими устройство общества, являются не „разум“, или „мнения“, или „конституции“ и пр., — нет, формы правительства, новый общественный строй зависят от природы поземельных отношений, от классовых отношений и т. д. Одним словом, настоящее есть следствие прошлого и чтобы понять настоящее надо изучать и тщательно изучать прошлое. Так зародилось воззрение социальной эволюции.

Усложняющиеся общественные отношения укрепляли и вполне поддерживали идею социальной эволюции. Так водворение англичан в Ост-Индии повлекло за собой изучение языков, нравов и обычаев этой далекой страны, причем в результате этого изучения получились такие данные, которые связывали цветных людей с их белыми собратьями. Археологические находки доставляли недостающие звенья в цепи, шедшей от минувшего к настоящему и т. д.

Возникновение идие эволюции в общественных науках совпало с эпохой реакции, когда для ближайшего будущего не ставился вопрос о дальнейшем развитии общества, когда идея эволюции служила об'яснением происшедшего до сих пор развития, а в силу этого — оправданием, иногда даже прославлением прошлого. И мы, действительно, видим, что философия Гегеля (правое течение), поставившая идею эволюции в центре

системы, есть философия реакционная, восхвалявшая монархию как наиболее совершенную форму государственности.

Мы уже отметили, что диалектика развития состоит в том, что одно явление переходит в другое и известное положение носит в себе зародыш своего отрицания. И, действительно, пока росла и ширилась волна идеалистической философии,—исподволь созревал и новый материализм, обогащенный всеми приобретениями идеализма и резко отличающийся от материализма 18-го века, который, не зная диалектики развития, трактовал мир, что мы уже отмечали, как комплекс различных явлений и предметов, находящихся между собою в механической связности.

Та же французская революция вскрыла один из факторов эволюции — классовую борьбу, отметить которую должны были даже заурядные историографы, а более вдумчивые мыслители, вроде Сен-Симона, стали рассматривать классовую борьбу как один из факторов общественного развития. После же восстания рабочих в Лионе (в 1831 году) и чартистского рабочего движения в Англии (в период 1837—1848 годов [1]) классовые разногласия стали фактом бьющим в глаза и Маркс не мог не дать этому факту надлежащего места в своей исторической схеме. Изучение же классовой борьбы привело к открытию классового интереса, ради которого и велась эта борьба. А интерес этот состоял в известных способах и формах удовлетворения человеческих

[1]) Это движение получило свое наименование от английского произношения слова „хартия", как называлась петиция, поданная в 1839 году в парламент и заключавшая главные политические требования рабочих.

потребностей, при наличии определенной общественной организации.

Так, восприняв идею эволюции общества и обратив ее не только для об'яснения прошлого, но и будущего, взяв все здоровое и ценное от идеалистической философии и философии переходного типа—фейербаховской, верно определив удельный вес такого фактора, как классовая борьба, — на сцену философии истории явилась теория экономического материализма в мастерской обработке Маркса и Энгельса, к изложению которой мы и приступим в следующей лекции.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сущность экономического материализма всего удачнее определена самим Марксом в его знаменитой работе (предисловие) „К критике некоторых положений политической экономии“.

«Мои исследования», пишет он, «привели меня к заключению, что правовые отношения, наравне с формами государства, не могут быть поняты ни из них самих, ни из так называемого общего развития человеческого духа, но скорее коренятся в материальных условиях существования... В общественном производстве люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли независящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Сумма этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способы производства материальной жизни обусловливают собою процессы социальной, политической и духовной жизни. Не сознание людей определяет формы их бытия, но, напротив, общественное бытие определяет формы их сознания. На известной

ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, среди которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения делаются их оковами. Тогда наступает эпоха общественного переворота. С изменением экономического базиса более или менее быстро изменяется и вся огромная надстройка. При рассмотрении этих изменений следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и в которых вступают с ними борьбу. Насколько нельзя судить об индивидууме по тому, что он о себе думает, настолько же нельзя судить о такой эпохе кризиса по ее сознанию; напротив, нужно это сознание об'яснять из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества. Поэтому, человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее

разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения».

Приведенная выдержка из работы Маркса, появившейся еще в 1859 году (русский перевод от 1895 г.), представляет собою концентрацию основных идей нашей теории. Поэтому всякий желающий действительно усвоить сущность теории экономического материализма, должен отчетливо продумать все, что сказано Марксом на протяжении этих нескольких десятков строк.

Производство. Из цитаты явствует, что во главу угла своей теории Маркс ставит производство. Именно производство, думает Маркс, определяет, в конечном счете, все историческое развитие, т. е. теми или иными изменениями в условиях производства об'ясняются и изменения, наблюдаемые нами в сфере общественной жизни, в области науки, искуства, права, морали и т. д.

Под производством Маркс понимает процесс взаимодействия человека с природой, каковой процесс имеет две стороны: 1) воздействие человека на материалы и орудия производства — это техническая сторона, обращенная непосредственно к природе и 2) воздействие людей, в процессе производства, не только на природу, но и друг на друга при помощи тех связей и отношений, в которые люди вступают между собою чтобы производить, без каковых связей и отношений не имеет место и само воздействие людей на природу — это экономическая сторона, обращенная уже к самим людям. В процессе производства обе стороны — и техническая и экономическая — находятся между собою в неразрывной связи. Это понятно: ведь, при воздействии на природу необходимы, с одной стороны, материалы, те или иные орудия труда, определенные приемы в работе и пр.

(техника), но, с другой стороны, нужно и наличие известных связей и отношений между людьми, без которых производство совершенно не мыслимо (экономика). Возьмем простой пример: человеку необходимо заготовить на зиму 10 саж. дров. Человек запасается пищей, топором и идет в лес — техника здесь на лицо. Ну, а где же здесь наличие связей с другими людьми, если наш человек будет работать один? — Другие люди изготовили ему топор, м. б.,—сапоги и пр., — то, без чего он не смог бы выполнить своей работы. Мы взяли пример с элементарным родом работы, но всем известно, что большинство трудовых процессов требует в большей мере непосредственной помощи человеку со стороны других людей.

Техника и экономика находятся между собою в неразрывной связи, но основной из двух сторон производственного процесса является техника и под влиянием изменений в области техники, меняются и формы трудовой связи людей друг с другом. Проиллюстрируем этот момент: 1) возьмем первобытное, родовое общество; техника там на низкой ступени развития, поэтому почти все трудовые процессы (охота, рыболовство, устройство жилищ и пр.) требуют совместного участия чуть ли не всего рода; 2) техника усложняется и совершенствуется, поэтому некоторая часть работы, которую раньше проделывал весь род, может быть произведена небольшой группой людей — род разлагается на обособленные семьи; и только для тех работ, которые, благодаря все же примитивной технике не под силу отдельным семьям, последние соединяются вместе; 3) под влиянием усовершенствования техники, из семьи, которая раньше общими силами выполняла определенные трудовые процессы,

выделяются отдельные ремесленники, в руках коих весь производственный процесс об'единяется от начального до его конечного момента, — на сцену появляется городской ремесленный строй; труд, необходимый для общества, делится между деревней и городом, между земледельцем и ремесленником; 4) техника непрерывно развивается, набор инструментов увеличивается, разнообразие сырья, с помощью обмена (торговли), растет— развертывается вширь и вглубь общественное разделение труда, отдельные ремесленники собираются под кровлей большой мастерской, возникают мануфактуры[1]), производительность общества значительно подымается, массы продуктов ведут к образованию громадного рынка и т. д.; 5) при капиталистическом строе сложные машины, целые системы машин (заводы, фабрики, электрич. станции и т. д.) собирают около себя сотни и тысячи рабочих, множество разного рода надсмотрщиков, организаторов (напр., инженеров), ученых — труд всех их об'единяет около себя именно машина. Приведенные иллюстрации убеждают нас, что техника, действительно, лежит в основе производственных отношений людей, ведет их за собою.

Надстройки. Сумма производственных отношений людей (отношения к природе и друг к другу) образует экономическую структуру (строение) общества, его фундамент. Но общество — это здание из многих этажей. В обществе люди соединены не только производственными

---

[1]) Мануфактуры — промышленные предприятия, где большая часть трудовых процессов выполняется не машиной а человеком, руками последнего — отсюда и название подобных предприятий (латинское „манус“ — рука и „фацере“—делать).

но и иными связями: политическими, нравственными, религиозными и пр. Все эти отношения и составляют этажи, возвышающиеся над фундаментом, «надстройки», как зовет их Маркс, над экономической структурой.

Укажем для примера на связь эстетических склонностей и суждений с экономическим положением того или иного класса. Так, тип деревенской красавицы будет: плотная фигура, свежий цвет лица, румянец во всю щеку—все это следствие пребывания на воздухе, физической работы, не доходящей до изнурения и пр. Тип же светской красавицы: худощавое сложение (хрупкость), маленькие руки и ноги, томная бледность лица, т. е все то, что появляется у человека и передается им по наследству при праздной и беззаботной жизни.

Или возьмем понятие «преступления». Если мы заглянем в нашу «Русскую Правду» [1]), то там экономические корни понятия „преступления" выступают очень рельефно. Одна из статей сборника гласит: „Если убьют огнищанина (древне-русский аристократ) у клети или у коня, или у быка, или при попытке украсть корову, то это все равно, как если бы убили собаку. такой же конец и тиуну (княжеский слуга)". Вообще говоря, за убийство и огнищанина и тиуна нужно было платить огромный штраф, но если они пытались красть, в особенности же живой инвентарь сельского хозяина, то их можно было убивать совершенно безнаказанно „как собак". Это и понятно, так как каждая сельскохозяйственная единица была экономическим базисом для древне-русского общества, раззорение ее наносило тяжелый ущерб всему обществу и потому целостность ее

---

[1]) Памятник древне-русского законодательства 11-го века.

ставилась выше жизни представителей даже высшего слоя тогдашнего общества.

Возьмем, хотя бы область нравственных понятий— понятие греха. Ростовщичество считалось тяжким грехом с самых древних времен. Средние века приравнивали ростовщика даже к еретику. Но таковым грехом почиталось лишь денежное ростовщичество. Эксплоатация же неимущего при помощи земли (отдача в аренду)—самая крайняя, самая беззастенчивая отнюдь не считалась грехом. Почему так? Опять-таки ответ на этот вопрос мы находим в экономической структуре общества. При натуральном типе хозяйства древних и средних веков деньги были редкостью, они были почти не нужны, т. е. малополезны для общества, как целого, и поэтому всякого рода отношения, вытекающие из тех или иных манипуляций с деньгами, почитались греховными (даже обыкновенная торговля считалась делом греховным). Связь же людей по земле (даже тяжкая земельная кабала), соответствовавшая хозяйственным условиям момента, признавалась естественной, нормальной.

Укажем на образование слов, тоже вполне зависящее от производственных отношений данного общества. Макс Мюллер, изучивший язык туземцев Гаваи, говорит, что для обозначения любви, дружбы, уважения, признательности и т. д. у них существует всего лишь одно слово. Но для выражения направления и силы ветра у них имеется много слов, ибо вся жизнь гавайцев находится в зависимости от рыболовства, а потому направление и сила ветра являются для них главнейшим жизненным интересом.

Людвиг Нуаре, изучая происхождение человеческой речи и мышления, решительно заявляет, что они заро-

дились из совместного труда людей, т. е. из производственных отношений. И Нуаре, и Гейер, и множество других авторов производят бесчисленные примеры того, что первичными корнями речи были трудовые крики.

Речь, в конце концов, это лишь орудие общественных отношений, выкованное из сотрудничества людей. И развитие языка совершенно не поддается пониманию вне связи с развитием способа производства и от того же способа производства всецело зависит остается ли язык местным диалектом маленького племени или же делается мировым языком.

Примеров, подобных приведенным, мы могли бы указать немало из самых разнообразных идеологических областей. И все они красноречиво будут доказывать нам, что те или иные идеи, законы и пр. создаются и держатся потому, что этого требуют экономические выгоды определенного класса, зависящие, в свою очередь, от его роли в производстве. Самые способы мыслить и понимать окружающее вытекают из трудовых отношений людей и форм присвоения производимых благ.

Однако, мы должны предупредить, что если бы мы каждое идеологическое образование пытались вывести непосредственно из производственных отношений, то подобное об‘яснение всей идеологии общества было бы об‘яснением наивным, даже больше—оно резало бы глаза своей несообразностью. Та или иная идея может быть следствием, порождением другой идеи и т. д. Но, идя от причины к следствию и перебрав все звенья в цепи причин какого либо идеологического образования, мы, в конечном счете, непременно дойдем до производственных отношений. По этому поводу Энгельс, в одном из своих писем, говорит: „Согласно материалистическому пони-

манию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную бессмысленную фразу“.

Энгельс в этом же письме, а также и в другом, написанном несколько позже, утверждает даже большее — он признает влияние „надстроек“ на основной базис, т. е. на производственные отношения.

Вот подлинные слова Энгельса: „Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют форму [1]) ее различные моменты надстройки: — политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников — политические, юридические философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм“. И дальше: „Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодые [2]) иногда придавали больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени,

---

[1]) Форму, но не содержание.

[2]) Под „молодыми“ Энгельс разумеет молодых марксистов.

места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии...

И в другом письме:

„Политическое, правовое, философское, литературное, художественное и пр. развитие покоится на экономическом. Но все они реагируют одно на другое и на экономический базис“.

В этом взаимодействии „надстройки“ и „базиса“ нет ни малейшего противоречия основному положению теории экономического материализма, гласящему, что производственные отношения (или иначе—экономическая структура) определяют собою все остальные.

Напр., так называемая „новая экономическая политика“, все эти декреты о свободной торговле, об организации частными лицами промышленных предприятий и пр.—новая политика существенно повлияла на производственные отношения в современной России, в этом мы убеждаемся на каждом шагу. Но, ведь, этот „нэп“ вызван был к жизни не прихотью правительства, а властно продиктован ему экономической необходимостью, своего рода „железным“ законом. Не следует смешивать двух совершенно разных вопросов: взаимодействие „надстроек“ и „базиса“—это один вопрос, а происхождение „надстроек“—совсем особый вопрос.

Метод экономического материализма. Мы уже, говоря о Гегеле, останавливались на методе диалектического развития (см. лекцию 3-ью). Кроме того, в конце предидущей лекции, коротко рассказав историю возникновения идеи эволюции в общественных науках, мы указали, что марксизм воспринял и идею эволюции и взял все здоровое и ценное от идеалистической философии. Но под эволюцией понимается обычно медленное, посте-

пенное, беспрерывное развитие. Эволюция не допускает «скачков» ни в развитии природы, ни в развитии общества. А в диалектике Гегеля, которой пользуется марксизм, «скачки» как раз составляют душу диалектики. Марксизм воспринял и идею эволюции и диалектику. Чтобы не было недоразумений, следует указать, что эволюция в общественных науках была взята марксизмом не в ее вульгарном понимании (как постепенное [1]) развитие), а как научно обоснованная идея развития вообще, беспрерывного, в смысле его бесконечности, развития. Эволюция, понимаемая как бесконечное развитие, была связана Марксом и Энгельсом с диалектикой Гегеля,—в результате и получился диалектический метод экономического материализма, не признающий постепенности в развитии (этим он отличается от обычно понимаемой эволюции) и усматривающий двигательный нерв истории в диалектическом развитии материальных производительных сил общества (а не мирового духа,—этой закваски гегелевской философии).

Мы не станем долго задерживаться на об'яснении нашего метода, так как соответствующие пояснения даны при описании гегелевской диалектики, использованной марксизмом.

---

[1]) Если мы вдумаемся в эту „постепенность", то поймем, что она отрицает всякую возможность об'яснить возникновение и уничтожение. Если мы, напр., говорим, что города на Руси развились постепенно, то выходит, что определенное явление, „город", существовало всегда, но, м. б., в более скромных, даже миниатюрных размерах, нежели в настоящее время. Это, конечно, абсурд. Города когда то не было, а потом он стал. Вследствие некоторых причин произошел определенный скачек в развитии характера человеческих поселений на Руси и деревня превратилась уже в нечто другое, дотоле не существовавшее—в город.

Диалектика экономического материализма всякое последующее состояние общества выводит из предшествующего состояния того-же общества путем отрицания основных начал этой стадии. Таким образом, историческое развитие с точки зрения теории Маркса развертывается в форме последовательного „отрицания отрицания“. Возьмем пример из истории хозяйства: первобытный коммунизм развивает из себя частную собственность (отрицание коммунизма), но отношения, основанные на частной собственности, заключают в себе зародыш будущего коммунизма, который и является „отрицанием отрицания“.

Каждое данное состояние общества есть определенное качество. Напр., капиталистическое общество, где средства производства (орудия труда, земля, машины, оборудование разного рода, капиталы денежные и пр.) сосредоточены в руках немногих, имущих, а остальная часть общества, неимущие, вынуждены продавать первым свой труд, единственное свое достояние,—это одно качество. Развитие капиталистического общества состоит в том, что капиталы концентрируются в руках все меньшего и меньшего количества лиц, человеческий труд в целом, при наличии все большего и большего его разделения, имеет стремление к обобществлению (труд каждого поставлен в значительную зависимость от труда всех остальных членов общества), число неимущих масс растет — это все количественные изменения в пределах того-же качества (капиталистического общества). Но вот, как говорит Маркс: „на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями“ т.-е., в применении к нашему

примеру, эксплуатируемые, видя перед собой прекрасно организованное производство, которым капиталисты даже не управляют (управляют инженеры, ученые директора-экономисты и др., так называемые, высшие служащие, а капиталист превращается в простого акционера, стригущего купоны от своих акций и подчас даже ничего не смыслящего в том деле, которое ему приносит громадные доходы), будучи сами, тем-же процессом производства, прекрасно с'организованы в единое целое, приходят к убеждению, что капиталисты, как организаторы производства, им уже не нужны, что „час" капиталистической частной собственности пробил, что эта собственность, раньше совершенно необходимая для общественного развития, становится тормазом прогресса,— неимущие берут в свои руки все производство, обращая его на пользу не отдельных немногих лиц, а всего общества. Здесь уже новое качество — социалистическое общество, этого качества раньше не было.

Переход от качества к качеству совершается скачками и иначе совершаться не может — без скачка не было-бы и нового качества. Каждый такой скачек Маркс и называет „эпохой общественного переворота". И история постоянно занимается подготовкой таких скачков, неподготовленных скачков она не делает — отсюда: „ни одна общественная формация не погибает раньше"... (см. цитату из работы Маркса, приведенную в начале лекции).

Теперь перейдем к небольшим очеркам, которые осветят, с точки зрения марксизма, наиболее жгучие для нас вопросы. Мы сознаем, что помимо имеющих быть затронутыми, есть еще ряд немаловажных моментов, коснуться которых было-бы очень желательно, но

время, к сожалению, не позволяет нам этого сделать. Наше изложение не будет схематичным, что было-бы обязательным для нас, если-бы мы собирались написать какой-либо учебник по экономическому материализму.

Географическая среда. В свое время свойствами географической среды (рельеф страны, климат, орошение, почва и пр.) стремились об'яснить весь ход развития того или иного народа. И в наши дни имеются ученые, которые географической среде приписывают преувеличенное влияние на историю человеческого общества.

Как мы расцениваем географическую среду в смысле ее влияния на историю?

Возьмем кусочек нашей страны, скажем — Донецкий бассейн. Несколько сот лет назад эту местность наши предки хлебопашцы старались обходить: почва там малоплодородная, вода солоноватая, плохая для питья и пр. Ныне географическая среда Донецкого бассейна та-же, она не изменилась. Однако, картина жизни стала совсем иная: земля изрыта шахтами, рудокопы достают руду и каменный уголь, дымят трубы многочисленных металлургических заводов и т. д. Что нужно было для того, чтобы Донбас стал тем, чем он есть сейчас?—Рабочие (и именно пролетарии, а не крепостные), машины, инженеры и капиталисты. А чтобы были капиталисты (собственники средств производства) и пролетарии (лица, располагающие только своим трудом), необходима наличность классового общества. Сложные-же машины и высококвалифицированные инженеры указывают нам что культура классового общества должна быть развита в значительной мере. Но из предыдущего мы знаем, что классовое общество с его материальной и духовной культурой порождено, в конечном счете, отношениями

производства или общественного труда, выполняя который люди вступают в определенные связи как с природой (техника), так и друг с другом (экономика). Следовательно, производственные отношения, при наличности одной и той-же географической среды, дали нам современный Донбас, резко отличающийся от того Донбаса, который был 300—500 лет назад.

Но можно-ли из сказанного сделать заключение, что мы совершенно отрицаем значение географической среды? — Нет, такой вывод был-бы поспешным. 500 лет назад русские не умели добывать из недр земли скрытые там богатства и поэтому они в полной мере считались с неблагоприятными для них свойствами географической среды той местности, которая ныне зовется Донбасом: там была худородная почва, скверная вода и пр. и люди избегали эту сторону, а выискивали для поселения такие места, где можно было-бы заниматься земледелием.

Если мы возьмем не наших русских в 14-ом столетии, а какие-либо первобытные племена, то там увидим уже полнейшую зависимость строя жизни этих племен от географической среды. Положим, в той местности, где обитает данное туземное племя нет металлов,—это племя никогда не выйдет из пределов каменного века; если в районе расселения племени нет животных, способных к приручению (фауна — животный мир, как и флора— мир растительный тоже элементы географической среды), племя остается на низшей ступени развития.

Одним словом, на первых ступенях своего развития человек вполне зависит от условий географической среды. И ни Маркс, ни Энгельс никогда этого не отрицали.

Но вот племена наши начинают вступать в сношения друг с другом, обмениваясь некоторыми из своих произведений: напр., одно племя, имеющее железо выменивает его у соседнего племени на прирученных животных (на скот), которыми это соседнее племя обладает. Таким образом получается, что рамки географической среды, влияющей на развитие производительных сил каждого из наших племен, раздвигаются и ход культурного совершенствования того и другого племени ускоряется. И чем лучше, удобнее пути сообщения, позволяющие людям входить между собою в общение, тем все слабее становится влияние естественных условий на общество: напр. в 16—17 веках Москва перебрасывала товары в Архангельск и обратно исключительно зимою и это брало, в один конец, 14 суток (иностранцы удивлялись такой быстроте), летом-же сообщение товарное, вследствие бездорожья, прекращалось. Теперь-же, и зимою и летом, товары из Москвы в Архангельск могут быть доставлены самое большее в течении двух суток. С улучшением путей сообщения (постройка железных дорог) влияние одного географического момента (болотистость, об'ясняющая летнее бездорожье) даже совсем устраняется, а влияние другого (холодная и снежная зима, позволяющая проложить санный путь) значительно уменьшается (вместо 14-ти дневного, путь сводится только к двухдневному). В наше-же время, когда вы садитесь в Петрограде за стол, чтобы выпить стакан чаю с молоком и сахаром и с'есть кусок хлеба с маслом, вы убеждаетесь, что на ваш образ жизни географическая среда не имеет почти никакого влияния: чай доставлен из Китая, консервированное молоко—из Америки, сахар — с юга России, масло — из Вологодской губ., а

хлеб—из Тверской или др. губерний. Высокое развитие производства, прекрасные пути сообщения собрали на вашем столе, в момент завтрака, продукты далеких стран, продукты, большую часть которых вы не могли-бы иметь при петроградских условиях естественной среды.

Итак, в заключение скажем: географическая среда влияет на общество, но она отнюдь не создает, а лишь содействует известным порядкам общежития; по мере роста производственных отношений, вызывающих развитие материальной и духовной культуры общества, влияние географической среды последовательно уменьшается (климат петроградской губ. не позволяет заниматься здесь разведением чайных плантаций, — но чай мы все-же имеем; у нас, петроградцев, нет под боком таких тучных пастбищ, какие имеются в южной Америке, но консервированное американское молоко мы опять-таки достаем на рынке и т. д.).

Расовые свойства, по мнению некоторых ученых, играют самую главную роль в развитии человеческого общества, толкая это развитие в ту или иную сторону. И эти ученые, которые придают расовым или национальным отличиям первенствующее значение, обычно утверждают, что свойства расовые являются врожденными.

Напр., говорят: посмотрите на евреев—уже много столетий они расселились по всей земле, а однако и до сего дня сохраняют свой тип (физический и духовный) чистым и характерным; значит, известные физические и психические черты этого типа—врожденны для еврейской национальности. Проверим, на самом деле так-ли это? Прежде всего, какие именно черты считаются обычно характерными для еврея? — Еврей брюнет, нос

крючковатый, говорит с акцентом, быстро осваивается с окружающей обстановкой („еврей везде устроится!") и т. д. Были произведены некоторые специальные обследования, которые привели к интересным результатам. Так, в Нью-Иорке (обследовано было 4235 евреев) среди евреев оказалось 54% брюнетов и 46% блондинов, а в Италии евреев брюнетов 95% и лишь 5% — блондинов. И это, конечно, понятно: в Сев. Америке большинство населения именно блондины, еврейское население вступает в браки с нееврейским, кроме того, имеет место влияние физической среды (атмосферические, климатические и пр. условия) и, мало-по-малу, через несколько поколений (понятно, не сразу!) „брюнетость" евреев исчезает; а вот в Италии, где большинство населения сами брюнеты, там евреев блондинов только 5%, т. е. немногим меньше нежели блондинов среди самих итальянцев. В том же Нью-Иорке меряли и носы у евреев (исследовано было 2836 мужчин и 1284 женщины), причем оказалось, что с крючковатыми носами было всего 14%, с плоскими и широкими — 28%, а остальные 58%—с прямыми греческими носами. Каутский говорит (в своей книге: „Еврейство и раса"): „Тупой нос наичаще встречается у тех евреев, которые живут среди славянского населения, для которого этот тип носа обычен". Выходит, что и крючковатый нос не врожденный признак еврея. Что касается акцента, то в пределах тех стран, где существует „черта оседлости" (как у нас, в царской России, массы еврейского населения могли жить только в определенных местностях империи), где евреи, живя постоянно среди своих сородичей, все время слышат еврейский жаргон, — там акцент силен; но как только евреи начинают рассе-

литься среди остального населения страны, акцент постепенно исчезает (сравните выговор любого еврея из специфического еврейского поселка, скажем, где-либо в Польше с выговором еврея-петроградца, чей дед уже поселился в столице — разница сразу почувствуется). Относительно же способности еврея быстро ориентироваться среди окружающей обстановки, то это тоже исторически вполне понятное свойство: евреи в течении почти двух тысячелетий живут в городах, т. к. целый ряд законов разных народов не разрешал им владеть землей и земледелие было для них заказанным путем; темп же городской жизни, быстро меняющийся, более нервный по сравнению с условиями сельской жизни, вырабатывает в горожанине способность скоро схватывать, усваивать, приспосабливаться. Мы могли бы досконально разобрать все, так называемые „врожденные" черты евреев и убедились бы, что все эти черты, при известных условиях, перерождаются в иные, иногда прямо противоположные (брюнет переходит в блондина и пр.).

Оставим евреев в покое и возьмем тип русского славянина. Древнерусские памятники изображают нашего предка темным шатеном с карими глазами и большим прямым носом. За несколько последних столетий славяне смешивались с иноплеменниками (с мордвой, черемисами, татарами и т. д.) и, в результате, получился нынешний тип славянина: блондин (или, в крайнем случае, светлый шатен), со светлыми (чаще голубыми) глазами и с небольшим тупым носом.

Итак, нет вечных („врожденных") ни физических, ни духовных свойств расы. Раса является производным, зависит от физической среды, от отношений людей к природе и друг к другу. Приведем цитату из упомяну-

той книги Каутского, которая вполне подтвердить то, что нами говорилось о свойствах рас.

Каутский пишет:

„О человеке в диком (природном) состоянии мы ничего не знаем. Даже примитивнейшие люди, известные нам, владеют уже некоторой техникой. Мы не знаем, населял ли человек в природном состоянии только одну определенную местность однородного характера или многие разнородные; не знаем, образовывал ли он тогда одну или несколько географических рас. Во всяком случае, в то время его расовый характер зависел всецело от природы... Изменение расового характера происходит частью непосредственно путем влияния природных факторов: жары, холода, сухости, влажности, света, темноты и т. д., а частью, косвенно, путем борьбы с этими факторами, упражнением одних органов, неупражнением других. В зависимости от высоты уровня техники и общественных условий, эта борьба может принимать различные формы, и потому одна и та же область при различных способах производства может воспитать различные расовые характеры. Если, например, степь будет населена кочующими номадами, то у них разовьется там другой характер, чем в позднейшем населении, стоящем довольно высоко в техническом отношении, для того, чтобы помощью оросительных сооружений обратить степь в плодоносную земледельческую страну и обрабатывать се в качестве оседлых крестьян.

Благодаря техническому прогрессу и переселению увеличились расовые различия и образовались новые географические расы. Но, с другой стороны, достигая известной высоты, техника может задерживать образование таких рас. Чем более развивается техника, тем не-

зависимее становится раса от окружающей природы. Она может удержать свои особенности в различнейших местностях, по характеру не имеющих ничего общего с той областью, где раса образовалась. Мы встречаем, например, европейцев, китайцев, негров в различнейших частях света и климатах. Правда, при всей высоте техники раса не может вполне избежать влияния окружающего, за исключением, пожалуй, разве еще влияния органической среды животной и растительной, легче всего изменяющейся от человеческого вмешательства. Но влияние геологических факторов, поднятие морей и образование суши, количество солнечных дней, жара и холод не могут быть никогда исключены. Однако, и сказанное тут относится только к собственно физическим расовым чертам. Даже временное переселение расы, ни в каком случае не изменяющее ее общего вида, если оно захватывает новую местность с новыми отношениями и вызывает новые впечатления, создает новые проблемы, может не остаться без влияния на духовную жизнь, а тем самым и на органы, свойства которых зависят в значительной мере от степени и характера их упражнения. Чем ревностнее работает раса над тем, чтобы парализовать влияние новой среды, чем более она сохраняет таким путем свои телесные расовые черты, тем значительнее, по новому, должны напрягаться и изменяться ее органы духовной жизни. Те же самые физические черты могут совмещаться с самыми различными духовными способностями и склонностями.

Возможность для расы переступать географические рамки, данные ей от природы, благодаря чему человеческие расы перестают быть географическими расами подобно разновидностям зверей в природном состоянии,

ведет все более и более к тому, что в одной и той же местности встречаются, дружелюбно или враждебно, и вместе живут многие расы.

Отсюда проистекает новая возможность, существующая в природном состоянии только как исключение, возможность расового смешения; такой процесс смешения тянется десятки тысячелетий".

Из приведенной цитаты, несколько длинной, но выражающей самую суть вопроса, явствует, что физическая среда и условия производства (техника и экономика) формируют расу. Теперь спросим: а влияют ли, в свою очередь, расовые свойства на производственные отношения. Ответим коротко: количественно—да, качественно—нет. Поясним. Возьмем Англию и Италию. Вообразим, что и техника и экономика в той и другой стране, в данный момент, стоят на одинаковом уровне развития. При таком условии, принимая во внимание настойчивый, спокойный и методический характер англичан, мы можем сказать, что английская нация будет развиваться быстрее, нежели итальянцы—люди горячие, экспансивные и легкоостывающие. Но это, более поспешное развитие англичан будет бо̀льшим в количественном, но не в качественном отношении, т. е. англичане в один и тот же промежуток времени смогут (при всех других равных условиях) построить больше кораблей, выплавить больше чугуна и пр., нежели, сравниваемые с ними, итальянцы; но расовые свойства не могут вывести англичан за те пределы, которые положены техникой и экономикой, не могут толкнуть англичан, скажем, из капиталистической фазы в социалистическую,—что было бы уже не количественным, а качественным развитием.

Разум, как говорят некоторые ученые, двигает человечество по пути прогресса. Указывают хотя бы на знаменитого Эдиссона, который изобрел немало различных приборов, чрезвычайно полезных для человека. Ссылаются на общественных реформаторов, предлагавших, в свое время, те или иные учреждения для улучшения социальных отношений,—напр. парламенты, учредительные собрания и пр. Приводят в пример великих мыслителей, дающих системы этических учений, которые, стоит только им искренне следовать, в корне изменят жизнь человеческую к лучшему. Одним словом, — разум, это самый могучий фактор нашего развития.

Но, ведь, разум имеется и у животных. Почему же их разум все время находится в зачаточном состоянии, не совершенствуется, не изобретает автомобилей, разных исполнительных комитетов, философских систем и т. д.?

Мы ответим на этот вопрос, если вспомним как вырос и развился мозг человека. Дело в том, что когда человек был таким же зверем, как и любой другой зверь, то и мозг его, качественно, был точно таким же, как у всякого его собрата-зверя. Человек, среди многого множества разнообразных животных, был почти беззащитен: мускульная сила его небольшая, быстрота ног невелика, детеныши его значительно уступают в самостоятельности детенышам животных и пр. И человеку, в борьбе за свое существование, нужно было перепробовать бесчисленное количество способов и форм приспособления к суровой природе. В своем обширнейшем опыте в деле борьбы за жизнь, гораздо более обширном нежели у других, сильнейших животных, человек

стихийно натолкнулся, может быть, на какую нибудь палку, которую он, случайно, раз-другой употребил— как дубинку и с удачным результатом, убив ею своего противника или преследуемую жертву. Несколько повторных употреблений того же орудия уяснили человеку пользу его и он уже не случайно, а намеренно стал пускать в действие определенное орудие, когда в этом была нужда и польза. И не только орудие, имеющееся в природе в готовом виде (напр., палка, камень и пр.), а перешел и к сознательному изготовлению орудия. Правда, первые орудия очень мало содействовали усилению человека, но — и это самый важный момент — между человеком и животными была уже проведена черта, основная линия разграничения: животное, воздействуя на природу пользовалось только своими органами (пускай подчас даже и очень совершенными), а человек стал уже воздействовать на ту же природу при помощи орудий-инструментов (пускай вначале даже и очень грубых). Круг предметов, имеющих значение для каждого животного, ограничен и ограничен потому, что животное воздействует на природу лишь при посредстве своих органов: волк, скажем, при помощи своих зубов и когтей может растерзать зайца и поэтому заяц может входить в круг предметов, имеющих для волка значение; но птиц волк ловить не может и птицы для него никакого значения не имеют. Человек, до того как он научился пользоваться орудием, тоже не мог ловить птиц и птицы для него значения не имели; но, переходя от одного орудия к другому, совершенствуя их, человек дошел и до пращи и до тенет и птицы стали для него уже не безразличными, он начал их ловить. Употребление орудий заставило

человека менять свои навыки, употребление орудий вводило в круг опыта человека все новые и новые предметы. Беспредельно расширяющийся опыт формировал человека, толкнул его на сознательное общение с другими людьми, дабы вместе с последними, соединив свои разрозненные силы, энергичнее и успешнее бороться за свою жизнь, за власть над природой. И мало-по-малу между людьми и природой возникла целая промежуточная среда, называемая культурой.

Чтобы нам уже не возвращаться где либо в другой части нашего введения в историю к затронутому здесь вопросу, к вопросу о том, что представляет из себя человек с точки зрения экономического материализма по сравнению с животными, подчеркнем: различие между человеком и животным не в степени эволюционного их развития (количественный признак)—человек отличается от животного по существу (качественный признак). И вот этот то отличительный признак и состоит в том, что человек и только человек умеет производить средства производства, т. е. орудия труда. В свое время, этот признак, резко выделяющий человека из среды всего животного царства, бросился в глаза Франклину (1706—1790), который назвал человека „животным, делающим орудия". От производства орудий надо отличать уменье приспособлять найденные в природе материалы, путем изменения места и формы, к своим целям,—подобную деятельность мы встречаем среди животных: устройство гнезд и жилья, земляные постройки и пр. От производства орудий надо отличать также способность применять их,—такую способность мы также встречаем у некоторых животных: так, обезьяны раскалывают орехи камнями, слоны иногда ломают ветви и отмахиваются

ими от мух и пр. Животное в лучшем случае, в состоянии только найти орудие в природе, но не изобрести таковое. Производство же средств производства проводит грань между человеком и всеми остальными животными. Только потому, что животное лишено способности делать орудия, — оно никогда не сможет выйти за пределы тех средств, которые предоставлены ему природой в виде его органов. Человек же, „делающий орудия“, сознательно и намеренно наделяет себя новыми органами или же, по крайней мере, усиливает и удлиняет свои естественные органы,—таким образом, как бы изменяется анатомическое строение человека.

Но если органы животного организма срослись с ним, то орудия человека, эти его искусственные органы отделены от личности человека. Это последнее обстоятельство влечет за собою очень важное последствие—возможность разделения труда, без чего немыслимы были бы ни прогресс, ни цивилизация. Правда, жалкие начатки такого разделения труда мы встречаем и среди животных: стадо обезьян имеет и руководителей и сторожей и пр.; но животные, выполняя особые функции, не пользуются при этом органами, отличными от органов других животных. Разделение же труда в человеческом обществе носит совершенно другой характер: чем больше развивается разделение труда, тем больше увеличивается число органов, которые общество употребляет для приобретения средств к жизни и для продолжения своего существования, но, вместе с этим, отдельный индивидуум не остается уже, подобно животному, существом законченным, обладающим всеми органами, в которых он нуждается для поддержания своей жизни. Следовательно, чем больше растет власть общества над приро-

дою, тем беспомощнее становится каждый данный человек вне общества, тем в большей зависимости находится от последнего.

Теперь, после того что мы сказали, понятно, что разум животных не может совершенствоваться—житейский опыт их однообразен и ничтожен, так как круг предметов, имеющих для них значение крайне узок. Но, вместе с тем, для нас ясны и причины развития человеческого разума: благодаря употреблению орудий, все более и более расширяющийся опыт, вводящий в поле зрения человека все новые и новые предметы, имеющие значение для человека.

Не подлежит никакому сомнению, что разум не основное действующее начало в нашем развитии. Он только обобщает наш накапливающийся технический и общественный опыт. Он только отражает нашу технику и общественные отношения, все его развитие совершается исключительно в направлении, указанном ему нашими производственными отношениями (техникой и экономикой). Все „открытия“ разума непременно опираются на выводы из практики минувшего.

Любой, какой хотите пример из жизни будет служить прекрасной иллюстрацией к тому, что мы говорим. Вся, недавно вышедшая, книга В. И. Лебедева „Очерки по истории точных наук“ свидетельствует, что человек не „додумывается“, не изобретает то или иное „из головы“ [1])—наш разум действует только в пределах нашей житейской практики, нашего жизненного опыта и исключительно в том направлении, в каком идет развитие

---

[1]) Рекомендуем познакомиться с этой книгой и убедиться, что многочисленные факты, там изложенные, действительно подтверждают высказываемые нами мысли.

нашего воздействия на природу. А возьмите хотя-бы марксизм—его отнюдь не „выдумали“ Маркс и Энгельс. Корни марксизма—в учении Фейербаха, в учении французских и английских материалистов, а само появление теории Маркса было обусловлено развитием капиталистического способа производства. Возьмите вы какой-либо парламент: вы всегда проследите историю развития этой формы народного представительства в данной стране, в других странах; ни одна форма ни одного социального института (учреждения) не падает готовой с неба, ей можно придумать какое-либо необычайное название, но само существо института обязательно будет связано или с прошлым или с опытом жизни общества в настоящем.

Итак, разум никак нельзя признать той исключительной силой, которая толкает нас на нашем историческом пути. Но на том поле деятельности, которое очерчено разуму нашим опытом, мы можем его тренировать, развивать. И, как от гимнастики развиваются мускулы тела, то и мозг человека тоже развивается от умственной гимнастики. В результате наш опыт, в количественном отношении, будет нами использован в большей мере. Но дать нам что-либо качественно новое, такое, чего нет в нашем опыте хотя-бы в зачаточном состоянии—это разум бессилен сделать.

Роль личности в истории. Вопрос о роли личности в истории, по причинам вполне понятным, один из наиболее жгучих вопросов для любой философско-исторической теории. Само собою разумеется, что и теория экономического материализма не может оставить без ответа этот вопрос—и она отвечает на него определенно и вполне исчерпывающе.

Коренное положение нашей теории по данному вопросу гласит: история делается людьми и не только, так называемый, „великий“, но буквально каждый человек имеет значение для истории. Следовательно, наша теория не принижает человека до роли какого-то бездушного винтика в большом и сложном механизме общественного целого, до роли какого-то безответственного и слепого органа.

Многие из наших противников, наверное, чрезвычайно удивлены тем, что они сейчас слышат. Они готовы не без иронии заметить нам: ведь, у вас, марксистов, все определяется экономической необходимостью; в основе всего у вас, марксистов, лежат производственные отношения. А если так, то каким-же образом выходит, что история делается людьми? Если вы, марксисты, желаете быть последовательными, то вы должны просто и прямо сказать, что для вас личный элемент не имеет в истории ровно никакого значения.

Тираду, подобную приведенной, приходится слышать нередко. Но она отнюдь не доказывает нашей неправоты, она говорит только о том, что критики наши очень мало понимают в материалистическом об'яснении истории.

Возьмем какой-нибудь определенный род явлений из жизни человеческой, такие явления, которые больше чем всякие другие принято считать случайными. Напр.— самоубийство. Когда мы слышим о самоубийстве когонибудь из наших знакомых, то чувствуем себя несколько как-бы виноватыми перед покойником: нам кажется, что если-бы мы повнимательнее отнеслись к нашему несчастному знакомому, поговорили-бы с ним „по душам“, постарались-бы его рассеять и пр., то он, вероятно, и

не покончил-бы с собою, а жил-бы, как и все другие люди живут. Если-же мы от наших сожалений перейдем к материалам научного изучения самоубийств, то убедимся, что это, казалось-бы, совершенно случайное, зависящее всецело от воли того или иного лица явление, в массе своей, подчиняется определенной закономерности. Так, Р. Майо Смит, в своей работе „Статистика и социология“, пишет: „среднее, ежемесячное число самоубийств вообще и во всех странах регулярно возрастает с начала года и достигает максимума в июне; затем убывает, достигая минимума в декабре... Что-же касается до распределения самоубийств по дням недели, то минимум приходится на субботу, день получки заработной платы, затем наименьшее число падает на воскресенье, день отдыха и развлечения; напротив, пропорции самоубийств очень велики в понедельник и вторник, когда разгул кончается, деньги истрачены и житейская тягота снова чувствуется“. Разверните любой средней руки энциклопедический словарь и вы там прочтете [1]): „число самоубийств тесно связано со степенью благосостояния страны; с увеличением богатства какой-либо страны понижается цифра самоубийств и наоборот“. В результате у нас получается нечто очень любопытное: самоубийство, этот, повторяю, как будто-бы случайный акт в жизни человека, при изучении его в массе, послушно укладывается в определенные рамки закономерности и образует некую линию, идущую параллельно с линией экономического развития страны.

[1]) Беру 17-ый том Большой Энциклопедии, изданной тов. „Просвещение“, стр. 31.

От самоубийств перейдем к историческим деятелям, чьи имена с похвалой, порицанием или просто с пренебрежением занесены на страницы истории.

Возьмем целую галлерею исторических деятелей, действовавших в различные исторические моменты; эти деятели вышли из разных слоев общества, они люди совсем несхожие друг с другом ни по воспитанию, ни по образованию, ни по темпераменту; одни из них искренне заботились о благе народа, другие-же помышляли, главным образом, о чувственных удовольствиях. Мы берем Людовика 14-го, Людовика 15-го, Людовика 16-го, Дантона, Робеспьера и Наполеона 1-го, т.-е. тех, кто со второй половины 17-го века и до второго десятилетия 19-го века, в течение полутораста лет возглавляли собою французское правительство. Теперь спросим: как перечисленные лица, чрезвычайно разнообразные по своим индивидуальным особенностям, вели себя в вопросе об отношении к Англии?

Прежде нежели ответить на этот вопрос мы сделаем маленькую экскурсию в область англо-французских отношений за тот период, который заключен между царствованиями Людовика 14-го и Наполеона 1-го.

Мы знаем, что с 1689 г. и по 1815 г. происходит семь больших войн между Англией и Францией (с теми или иными союзниками как с той, так и с другой стороны). Смысл этих войн: борьба за господство в колониях, за господство на морях. Англия занимала исключительное торговое положение в Вест-Индии и имела колонии в Америке. Америку, в конце 17-го века, начала деятельно колонизировать и Франция. И перед Англией встал вопрос: сможет-ли она удержать свои колонии в Америке и не внедрится-ли Франция в Вест-

Индию? У Англии был большой торговый флот, который стремился захватить монополию в перевозке товаров— здесь соперником ему был торговый флот Франции. Одним словом, Англия и Франция были торговыми соперниками и энергично, даже страстно боролись за первенство в области мировой экономике. Что войны между Англией и Францией в период 1689—1815 г.г. имели грубо-материальную подкладку, голую экономику— этого не рискнет отрицать ни один историк.

Теперь, осветив коротко англо-французские отношения за интересующее нас время, мы можем сказать,— что вполне подтверждается историей,—что и Людовик 14-ый, и Людовик 15-ый и Людовик 16-ый, и Дантон, и Робеспьер, и Наполеон—все они были вполне единодушны в вопросе об отношении к Англии: волей или неволей, но все эти деятели защищали экономические интересы Франции против всяких поползновений со стороны Англии нанести какой-либо ущерб этим интересам.

Возьмем двух, рядом стоящих Людовиков — 14-го и 15-го. Первый обладал большой энергией и властолюбием, он поднял на необыкновенную высоту монархическую власть, он говорил: „государство — это я". Людовик 15-й упивался только женской красотой, жил окруженный фаворитками и, отмахиваясь рукою от серьезных дел, легкомысленно твердил: „после нас — хоть потоп". И вот, оба эти Людовика, такие разные по своему внутреннему содержанию, все-же послушно, один после другого, шли в одной лямке — защищали экономические интересы Франции против Англии. Мы не станем характеризовать остальных, приводимых в нашем примере лиц, для этого у нас нет времени. Но вы и сами прекрасно знаете, что они были ни чуть не

похожи один на другого — и, однако, они тянули ту-же лямку, что и названные Людовики. В результате мы должны сделать тот-же вывод, который мы уже привели относительно самоубийств: исторические деятели—главы правительств, эти как будто-бы случайные личности, глубоко индивидуальные, при изучении линии их поведения в области их деятельности на протяжении сравнительно большого промежутка времени, согласно заявляют нам, что линия их поведения идет параллельно с линией экономического интереса той страны, которую они возглавляют.

Мы чувствуем, что нас могут прервать и сказать нам: вы вашим примером с самоубийством и другим примером, где фигурируют Людовики и Наполеон, доказываете, что в общественной жизни нет случайностей и что такие, казалось бы уже совершенно индивидуальные явления, как акт самоубийства и влияние на дела страны личности правителя государства определяются организацией общества, подчиняются какой то закономерности. Если личность прислушивается к тому, что говорит закономерность общественного развития, то как же эта личность может влиять на ход исторических событий?.. в чем именно будет выражаться „влияние“ личности?...

Правда, личность делает лишь то, потребность в чем выявляется общественными отношениями. Великую французскую революцию 1789 года произвели не Мирабо, Робеспьер и Бонапарт, хотя они и наиболее видные ее деятели. Октябрьский переворот сделан не Лениным, хотя он и является одним из главных его вождей. Великая революция во Франции и Октябрь в России произошли бы и без упомянутых лиц, так как и та и другой вызваны были железной необходимостью извест-

ных общественных отношений. То, что во главе октябрьской революции у нас встал Ленин — это случайность. Во главе ее, если бы Ленин, скажем, умер в ноябре 1917 года от воспаления легких, встал бы, заменяя Ленина, кто либо другой—более или менее талантливый, нежели Ленин. Допустим, что вместо Ленина, в 1917 или в 1918 годах, у нас, во главе развивающегося движения, встал бы менее одаренный какой нибудь Иван Иванович Иванов, человек все же больших способностей и пользующийся популярностью среди известных слоев населения, участников революционного движения. Но так как наш Иванов менее одарен нежели Ленин, то он не так ясно и хорошо, как последний, отражает в своем уме свойства общественной среды и, поэтому, менее отчетливо провидит будущее. Возможно, что такой Иванов не учел бы некоторых обстоятельств и переоценил бы другие—в результате отдельные моменты октябрьской революции были бы безусловно несколько иными,— следовательно, личность исторического деятеля Иванова наложила бы свой отпечаток на ход исторических событий у нас, в России. Но все же окончательный исход октябрьской революции не был бы противоположен или хотя бы в значительной мере не таким, каким он будет при наличности во главе движения В. И. Ленина. Наполеоны, Ленины, Ивановы и пр.—они могут изменить лишь индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но бессильны заставить общее направление событий, которое определяется более глубокими причинами (переменами в технике или экономике), повернуть в противоположную сторону.

Великие люди—видят дальше других и хотят сильнее других; они—начинатели. И великие люди могут даже

вступить во временное противоречие с желаниями и настроениями массы, еще не успевшей формулировать для себя требований текущей действительности. Во всяком случае, все, что может сделать самый гениальный общественный реформатор—это доставить людям известный выигрыш во времени в их достижениях более совершенных общественных форм жизни (количественный выигрыш). Переделать же общественные отношения по существу, напр., страну, переросшую натуральные формы хозяйства, не пустить за порог капитализма или страну, далеко не подготовленную к социалистическому строю, перебросить сразу в социалистический рай (качественный выигрыш)—этого не может сделать никакой гениальный человек.

Наряду с великими людьми и люди самые обыкновенные, участвующие в решении общественных задач, могут, по мере своих сил и способностей, действовать благоприятно или неблагоприятно при решении этих задач. В сущности говоря, буквально каждый человек уже одним фактом своего существования в обществе других людей, так или иначе, активно или пассивно, но непременно влияет в положительную или отрицательную сторону на развитие жизни общества. И если отдельный человек, сознав свою ответственность перед целым коллективом, станет внимательнее изучать окружающую его действительность, чтобы проникнуть во внутренние законы стихийной слепой необходимости, которая в известной мере царит сейчас над нами,—на жизненном пути человечества будет меньше терний...

Абсолютная истина. Все великое множество существующих в настоящее время специальных наук занято, каждая в своей области, изучением явлений и необходимого между

ними взаимоотношения (законов). Выводы отдельных наук, опирающиеся на опыт и наблюдение, об'единяются научной философией, задача которой состоит в том, чтобы верно изобразить положение человека среди познаваемого им мира, помочь человеку учесть жизненный опыт минувших поколений, разобраться в настоящем и, насколько возможно, осветить грядущее. Должно заметить, что наука, в противоположность религии и метафизики, совершенно не оперирует с вечными и абсолютными истинами. Научная истина всегда конкретна, так как она—определенное понятие об известных предметах со всеми их качествами и особенностями, причем предметы эти изучаются в рамках той или иной среды. Так, например, если какой либо метафизически настроенный ум склонен безоговорочно считать свободу за высшее благо, то человек, мыслящий строго-научно, т.-е. исходящий от изучения конкретных явлений, заявит, что и рабство, и крепостное право, когда они вполне соответствуют реальным интересам общества в целом, суть явления прогрессивные, т.-е. и рабство, и крепостное право, это прямое отрицание свободы, иногда могут быть благом. В 1890 г. Герберт Спенсер в одном из своих писем отметил: „Люди, по природе своей, способны ужиться только с известной суммой свободы". Если согласиться, что эта „известная сумма свободы" обусловливается не какой то туманной „природой" человека, а есть то ее количество, которое экономически необходимо для данного народа и в данный момент его исторического развития, то нельзя не признать верности замечания Спенсера. Итак, научная истина всегда конкретна. Энгельс (1820—1895) удачно отметил тот абсурд, к которому пришло бы человечество, если бы оно было

вынуждено „оперировать только с вечными истинами, с такими результатами мышления, которые имеют суверенное значение и претендуют на безусловную истинность,—в таком случае его (т.-е. человечества) духовная жизнь не могла бы более прогрессировать, так как пришлось бы признать, что бесконечность мира интеллектуального исчерпана реально и потенциально, что таким образом уже совершилось пресловутое чудо пересчитанного бесконечного числа“...

Нападки на наш метод часто сводятся к тому, что нам говорят: вот вы превозносите ваш метод, а вы лучше оправдайте его делом — об‘ясните с материалистической точки зрения всю всемирную историю или, скажем, всю русскую историю.

На подобное предложение мы, в свою очередь, могли бы ответить тоже предложением: так как критиковать любой метод научного исследования можно лишь тогда, когда непригодность его доказана в деле, то всем тем, кто толкует об „односторонности“ марксизма, надлежит— всемирной истории мы их писать не просим — просто указать, что вот такая то группа исторических фактов никак не может быть об‘яснена при помощи метода Маркса. Но такой по существу очень скромной работы никто из наших противников не проделывал; они предпочитали не фактическую (указанным нами способом), а „словесную“ критику.

Нужно твердо помнить, что экономический материализм—это метод, который дает руководящие принципы. Для проверки этого метода важно не то, сколько по числу фактов об‘яснено при его помощи, а то, что хотя бы один факт безусловно не может быть им об‘яснен. Экономический материализм—это та точка зрения, с которой

лучше всего может быть понята история человечества, все равно как дарвинизм—соответствующая точка зрения для истории видов.

Если нам предлагают всю всемирную историю об‘яснить при помощи нашего метода, то мы скажем, что это дело понемногу уже делается, всемирная история пишется, ее об‘ясняют именно с материалистической точки зрения и,—что всего интереснее,—делается это учеными, которые, может быть, Маркса и не читали никогда, а про самих себя и не подозревают, что они почти самые настоящие „экономические материалисты“. Вот последнее то обстоятельство лучше всего и свидетельствует о том, что наш метод—действительно правильный, вполне научный метод. Чтобы не быть голословными сошлемся на некоторых из таких ученых, которые причинами материалистического характера об‘ясняют факты, входящие в круг исследования по специальности этих ученых. Так, американский антрополог Л. Г. Морган (1818—1881), изучавший индийские племена, замечает, что „отсутствие способных к приручению животных в западном полушарии и специфические различия во флоре обоих полушарий, причинили большие различия в ходе общественного развития их обитателей“; антрополог Г. Вайц (1821—1864) говорит о краснокожих северной Африки: „У них совсем нет домашних животных. Это очень важно, потому что в этом обстоятельстве заключается главная причина, вынуждающая их оставаться на низшей ступени развития“; известный немецкий путешественник Швейнфурт (род. 1836), прекрасно знающий Африку, замечает, что жители центральной Африки, богатой железом „естественно стали заниматься добыванием железа“; известный Ф. Ратцель (1844—1904)

возникновение среди ряда племен Африки рабства об'ясняет достижением этими племенами известной степени в развитии общественных сил, позволяющей эксплоатировать труд невольников; немецкий филолог Л. Нуаре (1829—1889), изучавший историю языка говорит: „Язык и жизнь разума вытекли из совместной деятельности, из первобытной работы наших предков“; исследователь первобытной культуры Эд. Тэйлор замечает по поводу происхождения религии: „Очевидно, что у всех народов типом божества служит человек: вследствие этого строй человеческого общества и его правительство становятся образцом, согласно которому создается небесное общество и небесное правительство“; немецкий филолог Ф. Бюхелер (род. 1837 г.) пришел к заключению, что „работа, музыка и поэзия на первоначальной ступени развития сливаются в одно, но основным элементом этой троицы была работа“ и вообще, по его мнению, „происхождение поэзии надо искать в труде“. Мы могли бы привести не малое число подобных выдержек из работ ученых не марксистов, но недостаток времени не позволяет нам этого сделать [1]). Во всяком случае ясно, что научная мысль испытывает сильную тягу искать именно материалистическое об'яснение явлений общественной жизни.

Лаплас (1749—1827), говоря об открытии Ньютоном (1642—1727) великого закона всемирного тяготения, замечает, что в течение целых 50 лет идеи Ньютона надо было пробивать себе дорогу, добиваться признания,—между прочим, и в среде ученых, чье самолюбие

---

[1]) У Г. В. Плеханова, в его „Основных вопросах марксизма“ (последнее издание от 1922 года) эти работы указаны.

ставило теории Ньютона не мало препятствий. Препятствия, которые ставятся в среде современного общества (а также и в среде ученых) теории экономического материализма несравненно больше, нежели те, с которыми встретилась, в свое время, теория Ньютона. Здесь, признав экономический материализм, надо признать и все логические выводы, из него вытекающие—напр., социализм. А социализм, конечно, не по нутру ни командующим классам современного общества, ни тем ученым почтенностям, которые этому классу служат. Правда, среди „почтенностей" находятся такие ловкие люди, вроде американца профессора Зелигмана, которые экономический матеариализм Маркса признают, но его философию истории (т. е. социализм) отвергают [1]). А этого никак нельзя: кто сказал „а", тот должен сказать и „б".

Мы отнюдь не считаем экономический материализм, в том виде, как он формулирован Марксом и Энгельсом, какой то догмой, абсолютной истиной. Абсолютных истин вообще не существует. И наша теория, как и всякое знание, которое идет вперед, подвергнется изменениям, но основной принцип теории, гласящий, что весь исторический процесс обусловливается развитием производства,—этот принцип всегда останется верным и именно, исходя из него, наука будет делать свои построения.

---

²) См. его „Экономическое понимание истории", изд. „Просвещение", стр. 13.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ.

В прошлой лекции мы, изложив основные положения теории экономического материализма, покончили с вопросами, относящимися к области философии истории. В настоящей и следующей лекции нам следует остановить наше внимание на двух важных вопросах, ознакомление с которыми, даже в рамках общего курса, совершенно необходимо для каждого, приступающего к изучению русской истории. Мы говорим о русской историографии и об источниках русской истории.

Мы заранее предупреждаем слушателей, что наши очерки как русской историографии, так и источников русской истории будут, во-первых, очень поверхностными и, во - вторых, — формальными. Мы, конечно, прекрасно понимаем, что наша историография и источники отечественной истории заслуживают отнюдь не поверхностного, а самого углубленного изучения, и главное, (это мы считаем очень важным) и вопросы историографии и вопросы об источниках следует, непременно следует изучать в самой тесной связи с исторической обстановкой, являвшейся, если можно так выразиться, главным архитектором, от воли которого зависило создать то, что мы имеем в пределах нашей историографии и наших

источников. Однако [1]), дать подобное изложение тем, по нашему мнению, можно лишь в специальных курсах и не теперь, когда мы только-только приступаем к систематическому изучению фактов русской истории, укладывающихся в ее общий курс. Обстоятельства, сейчас отмеченные, и должны оправдать нас от упреков в поверхности и формализме, которые будут сопутствовать при очерке вопросов историографии и источников русской истории.

Русская историография ставит своей задачей точно установить и связно изобразить, когда именно зародилась русская история, понимая под последней науку, систематически излагающую события русской исторической жизни. Таким образом, историография является историей науки русской истории.

Должно отметить, что как нечто самостоятельное и целое, а не как особый отдел русской истории, русская историография—явление очень недавнего времени. Так, отдельные исследования общего характера (а не статьи) и очень-очень малочисленные — их всего два-три — появляются лишь в восьмидесятых и девяностых годах прошлого века—это книги Милюкова, Кояловича и Иконникова [2]). Специальные курсы по русской историо-

---

[1]) Давая обзор историографии, мы будем говорить не о школах в области науки русской истории, что следовало бы делать, но об отдельных историках — говорить о школах в коротком очерке совершенно невозможно.

[2]) О. М. Коялович.—История русского самосознания, издана в 1884 и в 1893 г.г.; В. С. Иконников—Опыт русской историографии первая и вторая книги т. I появились в 1891 г.; П. Н. Милюков—Главные течения русской исторической мысли, отдел. издание в 1898 г. Кроме только что названных книг имеются обзоры и статьи по вопросам русской историографии: см. обзор в т. I. „Русской истории“ К. Н. Бестужева-Рюмина (издано

графии в наших университетах читались чрезвычайно редко в виду малой разработанности материалов, относящихся к теме.

Какие же попытки мы признаем первыми попытками систематического изложения нашего исторического бытия?.. Когда наука русской истории становится на рельсы науки?...

Летописи. Мы знаем, что в 11-ом веке на Руси появились летописи, заключающие в себе изложение чрезвычайно важных исторических фактов. Но летописи— не исторические труды в общепринятом ныне смысле этого слова. Об этом свидетельствует, во-первых, само содержание летописей, где наряду с историческими описываются и неисторические факты, рядом с важными говорится и о неважных событиях, а, во-вторых, — приемы летописца, который, почти всегда записывал только то, что слышал и часто так, как он слышал, не исследуя факты и не связывая их во-едино какой либо определенной точкой зрения. Следовательно, летописи — только

в 1872 г.), где этот обзор занимает 246 стр. всего тома; К. Н. Бестужев-Рюмин—Биографии и характеристики, 1882 г.; статьи С. М. Соловьева (Писатели русской истории в 18-ом в. и др.) в его собр. соч., издание, „Общест. Польза"; — две-три статьи (о Соловьеве и Болтине) имеются у Ключевского в его сборнике „Очерки и речи". Имеется и еще, помимо указанных, ряд отдельных статей. Только что вышла книга проф. В. И. Пичета „Введение в русскую историю", 1923 год, где затронуты вопросы историографии и источниковедения. Вышла еще книжка М. В. Нечкиной — „Русская история в освещении экономич. материализма" (Казань, 1922 г.); автор сам стоит не на марксистской точке зрения и иногда „уличает" историков-марксистов (М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова) в „непоследовательности" и „противоречиях", мысля, очевидно, историка как существо, стоящее вне общего развития жизни.

перечни разнообразных фактов, а не научное и последовательное изложение русской истории.

Хронографы. Но необходимость, если и не строго-определенных исходных положений, то, во всяком случае, хотя бы некоторой общей связи между событиями жизни наших предков, как эти события записаны в летописях, и фактами всеобщей, мировой истории—необходимость такой связи к началу 16-го столетия, когда мы уже успели завязать известные сношениия с зарубежными народами, вполне созрела. Появляются так называемые хронографы, т. е. обозрения всемирной истории—обычно с момента сотворения мира до дней, современных автору хронографа. Первый хронограф, получивший у нас сравнительное большое распространение, был составлен в 1512 году[1]). Но и в хронографах, как и в летописях, нет ни подбора фактов ни общей идеи. Поэтому и они не представляют собою научно-последовательного изложения русской истории.

Степенная книга. В 16-ом столетии, при Иване Грозном, создается первый труд, к которому, до известной степени приложимо название исторического труда. Это—Степенная книга, обрабатывавшаяся рядом лиц: митрополитом Макарием (1482 — 1563), митр. Афанасием (1565 — 1568) [2]) и другими лицами. В некоторых

---

[1]) Мы говорим о хронографе, составление которого приписывается старцу Филоөею. Вообще же хронографы (византийские) были у нас известны задолго до 16-го века: напр. хронограф Иоанна Малалы (от 6-го века) и Георгия Амартола (от 9-го века)—они были у нас почти единственными источниками по всеобщей истории; Амартола использован даже нашим летописцем еще в 11-ом веке.

[2]) Здесь указывается время пребывания Афанасия на митрополичьей кафедре.

списках события, изложенные в книге, доведены до 1650 года. Книга называется «степенной» потому, что авторы ее, поставившие во главу угла идею государственного развития России, преемственность власти московских князей от князей киевских и царей византийских, излагали историю по степеням, т. е. по поколениям великих князяй, оставляя на заднем плане историю боковых княжеских линий.

Курбский. При том же Грозном, князь Андрей Курбский, бежавший в 1563 г. в Литву, пишет свою обвинительную „Историю князя великого московского", т.-е. Ивана 4-го. Правда, в истории Курбского много раздражения против царя Ивана, немало личного, но, тем не менее, это сочинение очень важно в том отношении, что Курбский, задавшийся целью изобразить всю кажущуюся ему ложность московской системы единодержавия, прекрасным стилем и с замечательной логичностью рассказывает о делах царствования как царя Ивана 4-го, так и отца его вел. кн. Василия (1505—1533).

Котошихин. При царе Алексее Михайловиче (1645—1676) в Швеции бывший московский под'ячий Григорий Котошихин пишет историческое сочинение „О России в царствовании Алексея Михайловича", где дает много ценных указаний о таких сторонах жизни русских, на которые наши русские исторические свидетельства обычно мало обращали внимания: он описывает учреждения, сословия, порядок ведения дел и пр. За рубежом не посчастливилось ни самому Котошихину, ни его произведению: сам он был, как известно, казнен, в 1667 г., за убийство, совершенное в запальчивости, а его сочинение не получило широкого распространения в свое время, но все же, к счастью, оно дошло до нас

в подлиннике—в 1838 г. было найдено в библиотеке упсальского университета.

Грибоедов. Систематическое изложение отечественной истории было предпринято дьяком разрядного приказа Федором Грибоедовым, который в 1669 г. и написал свою историю России, доведенную до времени Алексея Михайловича. Хотя автор и получил от царя щедрую награду за свой труд (40 соболей, дорогие ткани, денег 8 рублей и некоторую прирезку земли к поместью), но труд этот, написанный для царского употребления и неизданный, не заслуживает серьезного внимания: история Грибоедова одно сплошное напыщенное восхваление с пропуском всего того, что уж никак нельзя похвалить. Укажем, для примера, как Грибоедов характеризует Ивана Грозного и его время: „житие благочестно имея и ревностно по Бозе присно препоясуясь и благонадежные победы мужеством окрестные многонародные царства прият, Казань, и Астрахань и Сибирскую землю. И тако российские земли держава пространством разливашеся, а народи ее веселием ликоваху и победные хвалы Богу воссылаху“.

Сафонович. Конечно, грибоедовское сочинение, может быть и получившее некоторое распространение, не могло удовлетворить даже и не очень взыскательных современников. Более тонкий исторический вкус мог получить удовлетворение в ином произведении—в сочинении Феодосия Сафоновича, игумена киевского Михайловского монастыря, который, в 1672 г., написал свою Хронику, где он, на основании русских летописей, польских хроник и иных известий, излагает события от начала Руси до конца 13-го века. Следует отметить, что Хроника Сафоновича дышит горячей любовью ко всему

русскому. Эта любовь у южно-русских писателей развилась под влиянием того гнета, который испытывал наш юго-запад от Литвы, а затем от Польши.

Синопсис. Через два года, в 1674 году, Хроника Сафоновича подверглась переделке. Ее переработал, как полагают, киевопечерский архимандрит Иннокентий Гизель. Гизель западно-русский язык хроники заменил общерусским, внес в нее немало прибавлений из некоторых научных исследований того времени и, таким образом, получился новый труд под названием Синопсис [1]), где описание общерусских событий кончается нашествием татар, а история Киева доводится до царствования Алексея Михайловича. Синопсис, с 1674 г. по 1861 г., выдержал до 25 изданий. Синопсис был первым и единственным учебником русской истории вплоть до второй половины 18-го века. Митр. Евгений, в предисловии к изданию Синопсиса от 1836 года, прямо говорит: „книга сия, по бывшему недостатку других российской истории книг печатных, была в свое время единственной о ней учебною книгой“. Синопсис, в своем первом издании, заключал в себе 110 глав, из которых 11 первых были посвящены этнографическому введению. Нужно сказать, что вся этнография сводилась к решению двух задач: 1) какой из древнейших народов является нашим предком и 2) почему данный народ называется именно так, а не иначе. 63 следующих главы излагают историю Киева до татарского нашествия, причем автор подробно останавливается на крещении Руси. Затем 29 глав посвящено истории нашествия на Русь

[1]) Синопсис всего удобнее перевести на русский язык словом „обозрение“, следовательно Синопсис был обозрением разного рода исторических, с точки зрения автора Синопсиса, сведений.

Мамая. Даже с точки зрения тогдашнего уровня исторических знаний Синопсис имел два существенных недостатка: 1) он рассказывал главным образом о Киеве, и 2) на его содержании сказывалось большое влияние польских источников (хроники Стрыйковского и пр.), которые подчас искажали факты в неприятном для русского национального самолюбия духе. Ни определенного взгляда, ни цельной системы русской истории Синопсис не давал; факты, о которых он говорил, были подчас скреплены сомнительными данными, а подчас — даже баснями, вроде происхождения русских от легендарного Мосоха, внука Ноя. Школу Синопсиса прошло немало поколений и влияние его сказывается и в 18-ом веке.

„Ядро“. Грибоедовская история не была напечатана, а Синопсис не удовлетворял возникшей, вследствие распространения в обществе элементарной образованности, потребности в учебной книге по русской истории. Тогда некто А. Манкиев, секретарь князя Хилкова, попавший вместе с своим принципалом в плен к шведам, написал там, к 1715 году, книгу с заголовком „Ядро российской истории“. Это „Ядро“, несмотря на целый ряд минусов (баснословность некоторых моментов из древнерусского периода, ошибки при пересказе отдельных фактов и пр.), имеет и большие плюсы, которые дают ему право на почетное место в нашей исторической литературе: 1) Манкиев пользовался главным образом русскими летописными известиями, а не польскими; 2) описание событий общерусского значения не останавливается на нашествии татар, а доведено даже до 1712 года и 3) события переданы обстоятельно и без затей. Несомненно, чти если бы „Ядро“ было издано в начале 18-го века, т.-е. сразу после его написания,

то оно вытеснило бы из употребления Синопсис. Но напечатано „Ядро“ было лишь в 1770 г. и выдержало по 1799 г. четыре издания. Если Синопсис особенно подчеркивал две тенденции: православную (крещение Руси) и национальную (Куликовская битва), то „Ядро“ выдвинуло еще и третью—монархическую, вскрывая ее обстоятельным описанием развития московского единодержавия.

18-ый век. В 17-ом веке, благодаря низкой культурности русского общества, наука в нашем отечестве совершенно не разрабатывалась. Историческая наука влачила тоже жалкое существование, выявляясь в таких трудах, как хроника Сафоновича или учебник Гизеля (Синопсис). 18-ый век был иным. Могучая рука Петра Великого встряхнула всю русскую жизнь сверху до низу, в чем уже давно чувствовалась потребность и что исподволь подготовлялось всем предшествующим временем. Общее оживление, начавшееся в 18-м веке во всех сферах росссийского бытия, благотворно отразилось и в области нашей исторической науки. Мы должны оговориться: благотворность, о которой мы только что сказали, надо понимать в относительном значении этого слова. И в 18-ом веке исторической науке у нас ставились серьезные препоны. Дело в том, что почти все крупные историки наши занимались в 18-ом веке разработкою истории по официальному поручению правительства. Следовательно, они находились в большой зависимости от правительства и отдельных органов последнего. А эта зависимость накладывала очень заметный отпечаток на всю их работу с ее качественной стороны, а также и в отношении выбора тем исследования. Возьмем хотя бы такой факт: сенат, в середине 18-го века, выносит такое определение о судьбе чрезвычайно важ-

ных для истории бумаг бывшей походной канцелярии кн. Меньшикова: „которые подлежат тайне, отдать в кабинет, а другие, приличные к сочинению истории, в десианс-академию“. Это определение сената только лишь зафиксировало на бумаге существовавшее до и после данного определения твердое мнение, которого придерживались правительственные верхи да и некоторая часть общества, что есть и могут быть документы и темы абсолютно „неприличные к сочинению истории“. Так, запрещалось сомневаться в том, что апостол Андрей крестил славян—это значило бы подрывать православную веру; неприлично было полностью печатать летописи, потому что „находится не малое число в оной летописи лжебасней, чудес и церковных вещей, которые никакого иноверства не только не достойны, но и противны регламенту академическому, в котором именно запрещается академикам и профессорам мешаться в дела, касающиеся до закона“ и т. д. Итак, говоря об оживлении в исторической науке, мы должны не забывать сделанной нами оговорки.

18-ый век дает нам семь крупных имен: Байер и Татищав, действовавшие в начале века, Ломоносов и Миллер—в середине и Шлецер, Болтин и Щербатов, работавшие в конце века.

Байер (1694—1738) приехал в Россию в 1726 году. Это был человек колоссальной учености, выдающийся востоковед своего времени, свободно владевший,—мы не говорим уже о греческом и латинском языках,—рядом семитических языков, а также и китайским, понимал санскритский язык и др. Едва минуло ему двадцать лет, он уже начинает печатание своих трудов и, благодаря своей огромной усидчивости, выпускает в свет в течение

последующих лет ряд капитальных работ. Но, несмотря на свою огромную эрудицию и большой талант, Байер имел довольно узкий ученый кругозор: так, он вполне придерживался господствовавшего среди современных ему историков мнения, что ученому историку надлежит интересоваться лишь давно прошедшими судьбами того или иного народа—и его работы по русской истории едва-едва доходят до 10-го века; кроме того, занимаясь русской историей, Байер считал излишним знать русский язык и, конечно, был полнейшим невеждой в области нашей исторической письменности, так как нельзя же считать достаточным для такого крупного ученого, каким является Байер, знакомство с русскими летописями не по оригиналам, а по латинскому их переводу. „Северная география“ и „Исследования о варягах“—вот главные и обширные произведения Байера, касающиеся нашей древнейшей истории. Ныне эти труды, понятно, устарели, но в свое время (особенно второй из названных трудов) работы эти имели большое значение. Знай Байер русский язык и займись он более новыми (хотя бы с 10-го века) эпохами нашей истории, след его в русской историографии был бы гораздо глубже,—все остальные данные для этого у Байера были.

Татищев (1686—1750)—первый, кому может быть присвоено имя ученого историка, русского историка Росссии. Занимаясь в своей жизни самыми разнообразными делами и, между прочим, собиранием, под руководством графа Брюса, материалов для составления полной и верной русской географии, Татищев пришел к убеждению, что без достаточно подробной и тщательно выверенной русской истории нельзя написать отечественной географии. И он ревностно принимается подби-

рать необходимый для составления русской истории материал [1]): летописи, книги, могущие быть ему полезными (их он набрал до 1.000). Сам Татищев владел немецким и польским языками; из книг, написанных на языках ему неизвестных и содержащих сведения о России, он заказывал переводы соответствующих мест. Собрав обширный материал, Татищев принялся за обработку его. В результате им было написано пять томов „Российской истории“, причем первый том был посвящен исследованиям о древних народах — варягах, славянах и др.; на первом томе и кончается прагматическое [2]) изложение русской истории; четыре остальных тома представляют собою свод летописного материала с подстрочными примечаниями к нему,—летописный рассказ в этих томах доведен до 1577 г.

Татищеву не повезло с изданием его труда, т. к. современники, знавшие труд историка по рукописи, совершенно отвергали научное значение многолетней работы Татищева. Одни порицали автора за то, что он свой летописный материал не изложил красивыми словами, не пустился в собственные пространные по поводу летописей рассуждения; другие же, люди иного лагеря, наоборот—бранили Татищева за его немногословные, чисто деловые и очень дельные примечания к летописям—им казалось необычайной дерзостью об‘яснять или—что для них уже совсем было немыслимо—опровергать летописи. Таким образом, главная заслуга

---

1) Татищев, между прочим, нашел такие важные памятники как „Русская правда“ и „Царский судебник“.

2) Прагматическое изложение истории—изображение исторических событий в их причинной связи, с сопутствующими обстоятельствами и необходимыми следствиями.

Татищева перед русской исторической наукой, состоящая в том, что он первый собрал громадный летописный материал, подвергнув его, поскольку это было в его силах, всесторонней обработке,—эта то заслуга историка и не была понята его современниками. Лишь по смерти Татищева, с 1769 г., начинается печатание его трудов. Но и тут злосчастному Татищеву опять не повезло: молодая научная критика заподозрила Татищева прямо таки в измышлениях, так как некоторые его ссылки нельзя было проверить по документам—все книжное и рукописное богатство историка сгорело во время пожара, случившегося в его имении (уже после смерти Татищева). Только в середине 19-го века было надлежащим образом понято все громадное значение Татищева для нашей науки. В заключение скажем, что общие взгляды Татищева на историю были тесно связаны с практицизмом эпохи, со стремлением извлечь из всего прежде всего самую реальную, самую ощутимую пользу,—все царствование Петра I-го, при котором жил и которого очень высоко ценил Татищев, было подчеркиванием идеи утилитаризма, пользы. И наш историк видит в истории, главным образом, науку опыта: любой деятель, по мнению Татищева, не может работать с успехом без знания истории — сокровищницы человеческого опыта.

Миллер (1705—1783), живший в России в течении целых трех царствований (при Анне, Елизавете и Екатерине 2-ой), много путешествовавший по нашему отечеству,—особенно по Сибири, где он провел целых 10 лет,—заслуживает нашего внимания, главным образом, как собиратель материалов по русской истории. Собранные им полтораста лет тому назад богатства окончательно не изучены и до сего времени. Ряд поко-

лений исследователей ревностно изучает по архивам содержимое, так называемых, „миллеровских портфелей“[1]) где хранятся собранные Миллером рукописи и его собственные заметки.

Миллер, подобно Татищеву, верно понял, что прежде нежели строить здание русской истории необходимо собрать воедино строительный материал — письменные исторические памятники. Правда, собирание памятников было случайным, т. е. не производилось по какому либо заранее разработанному плану, брали, как говорится, все, что плывет в руки. Но указанное обстоятельство нельзя ставить в вину Миллеру,—ведь собирание памятников истории было делом новым в нашем отечестве. В противоположность своему соотечественнику немцу Байеру, Миллер старательно изучил русский язык и отказался от того ложного взгляда, которого придерживался Байер, что ученому де историку приличествует интересоваться лишь отдаленнейшими эпохами—Миллер пишет „Опыт новейшей истории России“, „Известия о дворянах Российских“ и пр. Его мы видим даже во главе периодического исторического журнала „Ежемесячные сочинения“. Он, среди ряда других памятников, издает (в 1775 г.). Степенную книгу митрополитов Макария и Афанасия, причем из написанного им предисловия к этому изданию мы можем познакомиться с теми приемами научной критики, которыми Миллер руководствовался. Но центр тяжести всей многополезной деятельности Миллера лежит, что мы уже отметили, именно в собирании материалов. Но собиратель

---

[1]) «Миллеровские портфели» хранятся в Академии Наук и в бывш. архиве Министер. Иностран. Дел в Москве; эти портфели содержат до 1.000 отдельных нумеров разных бумаг.

всегда является и ревностным хранителем собранного и потому, естественно, мы видим Миллера в должности начальника такого важного архива, как Архив Коллегии Иностранных Дел. О том, как высоко (даже, пожалуй, несколько отвлеченно) смотрел Миллер на обязанности историка, мы знаем из его писем. „Обязанности историка“, пишет он, „трудно выполнить. Он должен казаться без отечества, без веры, без государя... Все, что говорит историк, должно быть истинно“...

Ломоносов (1711—1765), по своим основным интересам естественник и словесник, занимает по праву важное место в русской историографии. Так как такие крупные ученые, как Байер и Миллер, были сторонниками не самобытного происхождения русской государственности и культуры, а выводили и нашу государственность и нашу культуру через действовавших в древней Руси норманнов из германского мира, труды Татищева, защитника славянского, т. е. национального происхождения и нашей государственности и нашей культуры, лежали под спудом, опубликованы еще не были, что тогда ставили в вину проискам ученых немцев, задававших тон в нашей Академии Наук, учреждении еще молодом (открыта была в 1726 г.),—то в русском обществе середины 18-го века, среди образованных людей этого общества, возникла своего рода реакция и против немцев персонально и против тех идей, которые ими поддерживались, — в данном случае в области науки русской истории. Особенное раздражение среди русских вызвала речь Миллера на тему о происхождении народа и имени российского, сказанная им в 1749 году на торжественном заседании в Академии Наук—Миллер доказывал скандинавское происхождение

варягов-руси. Речь эта, вызвавшая целую полемику, была одним из поводов, толкнувших Ломоносова, большого патриота, человека, желающего видеть свой народ творцом своей культуры и государственности, на углубленное занятие русской историей. Он задался целью доказать, что варяго-русы племя не германского, а славянского происхождения: они славяне с Балтийского поморья, с нижнего Немана, который когда то назывался Русом; таким образом, хотя варяго-русы и пришлые люди среди восточного славянства (т. к. принадлежат к западной ветви славян), но все же они не немцы, а свои соплеменники [1]). Помимо этого Ломоносов хотел так же открыть свету древность и славные дела российского народа. До 1765 г., года своей смерти, Ломоносов успел приготовить к изданию лишь первую часть своей „Древней российской истории", где события доведены до смерти Ярослава Мудрого. Эта первая часть напечатана была в 1766 г. Существовали еще две части ломоносовской истории, доведенной до описания царствования Иоанна 3-го, но куда девались эти две части— об этом никто и по сие время не знает.

Несомненно важной заслугой Ломоносова перед наукой является обнаруженное им единство мифологических представлений у славян, связывающих их в одно компактное целое. Это открытие Ломоносова блестяще подтверждено данными современной науки. Вообще, в той части своего труда, где он разбирает свидетельства древних писателей о самых первоначальных эпохах

---

[1]) Идея Ломоносова о славянском происхождении варяговруси дожила до наших дней, найдя себе сторонников среди русских историков, начиная с проф. Морошкина (1804—1857) и кончая Д. И. Иловайским (1832—1918).

истории русских славян, Ломоносов высказывает ряд интересных заключений, обнаруживающих его талант. В дальнейшем же, когда автор приступает к пересказу событий, тот же Ломоносов предстает перед нами в образе реториста, который, в погоне за напыщенностью, бывшей в духе его времени, жертвует фактами. Поступаться фактами, конечно, вещь совершенно недопустимая — для нас это аксиома. Но, ведь, Ломоносов был человек своего времени, т. е. смотрел на историю как на способ нравственного воздействия на читателя, а при таком взгляде голая правда могла иногда уступать свое место художественной правде.

Шлецер (1735—1809) был наикрупнейшей фигурой в русской историографии 18-го века. Немец Шлецер прибыл в Россию в 1761 г., по вызову Миллера, и через четыре года получил уже назначение на должность профессора русской истории в Академии Наук. Мы не будем останавливаться на биографии Шлецера,—интересующихся ею отсылаем к специальной статье историка С. М. Соловьева „Август—Людвиг Шлецер". Но говоря о значении Шлецера для науки невольно вспоминаются слова К. Н. Бестужева-Рюмина: „Имя Шлецера до сих пор живо, воззрения его до сих пор возбуждают почти те же чувства, которые возбуждали они при первом своем появлении, до сих пор историки русские считают себя или учениками или врагами Шлецера", слова, произнесенные семьдесят лет спустя после смерти Шлецера. Деление людей, сталкивающихся со Шлецером, на его друзей и врагов продолжалось и после того, как были сказаны приведенные только что слова. Так, М. О. Коялович пишет: „Она (т. е. работа Шлецера) и шуму наделала больше, чем следовало, и новизны имеет меньше,

чем это могло прежде казаться, даже не совсем самобытна по отношению к предшествовавшим русским трудам. Время теперь даже поднять вопрос о том, больше ли пользы или вреда произошло от нее в науке русской истории". Видите, какое решительное суждение!.. П. Н. Милюков, лет 15 спустя после Кояловича, на рубеже 20-го столетия, рассуждая о значении Шлецера для европейской историографии, констатирует факт, что Шлецер первый поставил перед историей „реальную, практическую задачу — познание жизни. Историю он первый понял как изучение государственной, культурной, религиозной жизни и сблизил ее со статистикой, географией, политикой и другими отраслями реальных знаний". Приведенные нами цитаты и целый ряд других, самых разнородных мнений о Шлецере, ссылаться на которые мы не будем, все, подчас диаметрально противоположное, что говорилось о Шлецере в течении всего столетия со дня его смерти, — все это, вместе взятое, свидетельствует о том, что Шлецер несомненно большая величина в русской историографии.

Теперь, когда острота спора о значении Шлецера уже сгладилась, мы можем совершенно об'ективно отнестись к плюсам и минусам в научной работе Шлецера. Но прежде необходимо коротко указать, что, собственно говоря, он сделал. Нужно знать, что Шлецер прожил в России всего лишь 6 лет,—поэтому значительная часть и особенно важные его труды по нашей историографии обработаны заграницею, в Гетингене, где он был профессором. Мы, конечно, не станем останавливаться на второстепенных трудах Шлецера,—укажем на главный и основной труд, на его „Нестора", вышедшего в Германии в 1805 г. (по-немецки) и переведенного на рус-

ский язык в 1809—1819 годах, на того „Нестора“, над которым он работал в течении сорока лет. „Нестор“— это свод русских летописей, названный так по имени монаха Нестора, который мыслился одним из первых наших летописцев. В распоряжении Шлецера было до 20 списков с летописи и вот по этим спискам наш ученый и замыслил восстановить первоначальный текст утраченной летописи. Задача была далеко нелегкая. До Шлецера даже нельзя было попытаться разрешить подобную задачу, так как не существовало метода, пути для правильного разрешения ее. Шлецер дал этот метод — в этом его важная заслуга перед наукою. Кропотливо, шаг за шагом он разрабатывал свои списки. Как? Прежде всего текст надо было сделать совершенно понятным,—требовалась грамматическая обработка текста при помощи сравнительной грамматики; затем надо было сличить имеющиеся на лицо редакции, чтобы удостовериться, какие из них основные, независимые друг от друга и какие—копии одного и того же текста, таким образом требовалась критическая обработка летописей; и, наконец, списки надо было обработать исторически, т. е. сличить их между собою по содержанию. В настоящее время указанный метод кажется очень простым потому что он уже вошел в обиход научной разработки документов. В дни же Шлецера это было совсем новое дело. В результате своей работы Шлецер и дает свой, очищенный текст первоначальной, по его мнению, летописи. Конечно, за сто с лишним лет приемы научной техники по разработке документа ушли далеко вперед и данный Шлецером текст нас уже не удовлетворяет, но для своего времени это было максимальное достижение напряженной работы могучего таланта.

Что касается жгучего не только для 18-го, но и для 19-го века вопроса о том как создалось наше государство: самобытно или же оно было сформировано под влиянием внешней иноземной силы, то на этот вопрос Шлецер отвечает в своих трудах так: норманны прошлись по лицу русской земли,—но в виде ничтожных, разбойничьих шаек; сами норманны очень немногим превосходили в культурном отношении покоренные ими славянские племена и потому не могли иметь на последние заметного влияния, а, наоборот, сами быстро ассимилировались, слились со славянами.

В заключение отметим, что Шлецер, большой языковед, был убежден в существовании праязыка, т. е. такого языка, который когда то был общим, скажем, для русских, немцев и др. народов. Эта гениальная мысль в наше время вполне доказана сравнительным языкознанием. Тогда же, даже такие образованные люди, как Ломоносов, называли идею о праязыке „глупыми пакостями". Вы видите, как во многом выдавался Шлецер из среды своих современников...

Щербатов (1733—1790), автор пятнадцатитомной „Истории Российской", которую он довел до 1610 года, сделал, по сравнению с Татищевым, значительный шаг вперед. Он действительно пишет историю, а не дает читателю комментированную летопись, т. е. он отделяет свой рассказ от источников,—на последние он ссылается и дает их в приложениях. При составлении своей истории, Щербатов старательно изучал массу архивных документов и его крупная заслуга перед наукой и заключается, главным образом, в том, что именно он ввел в научный оборот все главнейшие источники по внешней истории России за период до начала 17-го века.

При об‘яснении тех или иных исторических событий, Щербатов придерживался идеалистической точки зрения, основанной на свободе личности. Любое историческое событие для него—это действие личной воли. „Герой“, в силу тех или иных психологических мотивов, хочет, а „массы“, опять таки под влияние разных психологических моментов, подчиняются желаниям, воле „героя“. Напр., вследствие каких причин Русь была покорена татарами? По Щербатову дело об‘яснялось тем, что татары стремились к завоеванию Руси, а русские сопротивлялись очень слабо и даже неохотно, так как вследствие особенно сильного влияние в то время на жизнь русского общества духовных лиц, развивших в народе „дух неумеренной набожности“, способствовавшей тому, что предки наши „перестали иметь попечение о том, что мирским и тленным называли, но единственно стремились к вечной жизни“ и, помышляя о вечной жизни, не защищали ни себя, ни родину, полагая, что подобная защита „не должность была христианского закона“. Правда, Щербатов не уяснил нам своим трудом ни хода, ни особенностей русской истории, но он думает над событиями, о которых рассказывает летопись, сравнивает их с событиями мировой истории. Пускай в результате его размышлений над событиями мы имеем и неверное их об‘яснение—это не очень большое зло, другие исправят его. Важно начать размышлять, об‘яснять и, таким образом, фиксировать, привлекать внимание общества и людей науки на те или иные факты исторического прошлого. Еще в свое время Татищев обратил внимание, что наши летописцы скупы на легендарные сказания о русском народе, об его героях и пр., что наш до-христианский период освещен

довольно скудно, — и Татищев об‘яснял указанные обстоятельства нарочитым желанием летописцев избежать „басен“ дабы не затемнять последними ясности исторических событий. Щербатов же, наоборот, сожалел, что наши летописи не сохранили этих „басен“, которые могли бы помочь нам многое понять и осмыслить в нашем далеком прошлом. Мы имеем перед собою понимание значения для истории мифа, легенды — это уже значительный шаг вперед. Скажем больше: Щербатов ясно отдавал себе отчет относительно тех причин, которые побудили первых русских писателей воздержаться от изложения мифов и легенд на страницах летописей. Он спрашивает, говоря о легендах: „Чего же ради в российских летописцах таковых басен не находится, которые бы по крайней мере могли многие древности об‘яснить?“. По мнению Щербатова, очень верному, наши первые писатели, ревностные христиане, имея в виду помочь только что введенному христианству в его борьбе с язычеством, тогда сильном и протестующем против новой веры, желали как можно скорее искоренить из памяти народа все то, что особенно крепко привязывало его к языческому его прошлому—и потому то они и не записывали в летописи поэтических легенд. „Писатели, яко первый у нас был преподобный Нестор, не токмо не тщались сохранить баснословные древние идолопоклоннические преложении, но паче у неутвержденного в христианском законе народа старались их совсем из памяти изгнать“. Если мы сравним Щербатова, как историка, хотя бы с Татищевым, о котором мы только что упоминали, то должны будем признать, что наша историческая наука действительно шла вперед.

Болтин (1735 — 1792), современник Щербатова, последнее крупное имя в русской историографии за 18-ый век, своими историческими трудами дает яркое доказательство безостановочного прогресса в нашей науке. Щербатов несомненно опередил Татищева, но Болтин оставляет позади себя и Щербатова.

Болтин много занимался русской историей, но занимался ею как любитель, для самого себя, не выступая публично. Одно случайное обстоятельство вскрыло перед русским обществом и богатство знаний и талант Болтина. Дело в том, что в период с 1783 по 1792 г. вышла в Париже шеститомная история России француза Ле-Клерка, долго жившего в России в качестве врача гетмана Разумовского и даже числившегося, по протекции того же Разумовского, почетным членом нашей Академии Наук. История Ле-Клерка доведена до смерти Елизаветы Петровны. Ле-Клерк очень поверхностно и, местами, даже враждебно отзывался о нашей стране [1]). И вот Болтин, читая Ле-Клерка, принялся делать письменные замечания на упомянутого автора. В 1788 г. Болтин издает два тома своих „Примечаний на Ле-Клерка", на первые пять томов клерковской истории. Очень важно отметить,—именно в этом то Болтин и сделал шаг вперед по сравнению со Щербатовым,—ту

---

[1]) Ключевский, с убийственным сарказмом, говорит в своей статье „И. Н. Болтин", как о самом Ле-Клерке, так и об его „Истории": „чувствительный поэт и аферист, немножко Дон-Кихот и немножко Хлестаков, Ле-Клерк перехватил наскоро несколько известий у своего соотечественника Левека и несколько у русских корреспондентов, в том числе у кн. Щербатова, и, исказив, как умел, сообщенное ему и им прочитанное, смастерил из всего этого многотомную книгу".

общую точку зрения, которая характеризует исторические взгляды автора „Примечаний“. Если Щербатов был индивидуалистом и во главу угла ставил волю тех или иных лиц, то Болтин—яркий сторонник закономерности в истории. Возьмем для иллюстрации первый попавшийся пример из полемики Болтина с Ле-Клерком. Так, Ле-Клерк утверждает: „Нравы происходят от воспитания, а воспитание зависит от начал или форм правления“. Здесь, как видите, нравы ставятся в зависимость от форм правления. А от чего зависят сами формы правления? Конечно, от воли главы государства—получить иной ответ из уст представителя индивидуалистической теории, каким был Ле-Клерк и нельзя. Личность, стоящую во главе управления страною, государя, Ле-Клерк мыслит прямо существом всемогущим: „Государи могут все, что хотят“, говорит он. „Довольно им только пожелать, чтобы их государство было цветущим, а народы блаженными“. Теперь послушаем, что ответит Ле-Клерку Болтин. Он твердо убежден, что „во всех временах и во всех местах человеки, находясь в одинаких обстоятельствах, имели одинакие нравы, сходные мнения и являлись под одинаким видом“. Здесь уж, как видно, нравы ставятся в зависимость от „одинаких обстоятельств“, т. е. от совокупности всех естественных условий исторической жизни—от природы (климат в 18-ом веке почитался самым главным из всех естественных условий). Но „правила природы повсюду суть единообразны“, говорил Болтин, т. е. закономерность явлений природы одинакова для всех стран и народов. Таким образом, история, по мнению Болтина, находится в самой тесной связи с естественными законами природы. Следует сказать, что мысль о влия-

нии природных условий на исторический процесс пришла в голову не первому Болтину—эта идея была в обиходе образованных людей того времени, она подчеркнуто выражалась некоторыми французскими авторами 18-го столетия, с которыми Болтин, как это явствует из его многочисленных ссылок на них в „Примечаниях", был прекрасно знаком. Но Болтину принадлежит первенство в применении идеи закономерности при построении русской истории как целого, живого органического процесса. История для Болтина не обрывки воль отдельных личностей, а единый процесс, развертывающийся на основе физических условий данной страны. Мы не будем указывать здесь ни на иные, кроме упомянутых „Примечаний на Ле-Клерка", работы Болтина ни на его любопытную полемику с историком Щербатовым,—для всего этого у нас просто нет времени.

Итак, 18-ый век в русской историографии заканчивается довольно высокой нотой—требованием от исторического процесса строгой закономерности. Посмотрим, что дает нам 19-ый век.

Карамзин. 19-ый век в русской историографии начинается Карамзиным (1766—1826), который, как заметил в свое время Пушкин, открыл древнюю Русь, как Колумб открыл Америку. В 1818 году была издана в восьми томах, в количестве 3.000 экземпляров, „История государства Российского" Карамзина и все издание, несмотря на дорогую его цену, разошлось неслыханно быстро—в 25 дней! На „Ис. Гос. Рос." воспитывался не только ряд поколений нашей интеллигенции, но и люди, оставившие заметный след в науке русской истории: об этом заявляет С. М. Соловьев (1820—1879) в своей автобиографии, напечатанной в

„Словаре профессоров Московского университета", об этом же, в очень горячих выражениях, говорит К. Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897): „по И. Г. Р"... мы учились любить родную землю, любить добро, ненавидеть зло, презирать ложь, лесть и коварство; в живых образах являлись нам и великие подвиги и позорные деяния... Каждый из нас, кто занялся историей своей страны, занялся, может быть, и потому отчасти, что впервые он познакомился с нею в высокохудожественном рассказе Карамзина". Подобным образом высказывался о Карамзине ряд крупных людей.

Все, что мы только что отметили, говоря о Карамзине, заставляет нас отнестись к нему с особенным вниманием. Почему именно Карамзин открыл русским их древнюю историю?.. вследствие каких причин издание в три тысячи экземпляров расхватывается в три недели?.. Что заставляет представителей нашей интеллигенции заявлять, что она воспитывалась на Карамзине?.. Поставленные вопросы требуют вдумчивых ответов, дать которые в коротком очерке дело совсем нелегкое.

Сказанное о предшествующем столетии убедило нас, что 18-ый век, когда, собственно говоря, только и зародилась наука русской истории, прошел для нашей науки далеко не бесплодно. Мы видели, что одни работники на ниве русской истории ревностно собирают необходимые для изучения нашей истории материалы и подвергают их первоначальной обработке. Собирают, правда, бессистемно, что под руку попадет, как мы говорили, но все же собирают. Другие—пытаются в связном рассказе изобразить исторические события в их причинной связи, с сопутствующими обстоятельствами и необходимыми следствиями, т. е. излагают историю, по

мере сил своих, прагматически. Изображение прагматическое, правда, не очень то удается и из за скудости материалов, и из за отсутствия общей руководящей идеи, и вследствие бледности литературно-художественного таланта наших историков 18-го века и, наконец, просто благодаря новизне самого дела. Но, во всяком случае, 18-ый век ставит на разрешение последующему веку целую вереницу вопросов, связанных с русской историей и ставит их, в большинстве случаев, правильно. Поставленные вопросы уже очерчивают и границы молодой науки—русской истории.

Отметим еще одно немаловажное для нас обстоятельство. Широкие слои так называемого образованного русского общества в конце 18-го и в начале 19-го века увлекаются европеизмом, главным образом—внешними формами европейской культуры. Идейная подоплека, разумное, деловое подражание западу, характерное для эпохи Петра Великого,—все это было забыто. По инерции остался существовать формальный европеизм, поддерживаемый Екатериной 2-ой и еще в большей мере—Александром 1-ым. Этот европеизм в широких кругах общества того времени выражается французской речью, невежественным презрением ко всему русскому, народному. Создалось даже нечто вроде твердого убеждения, что у нас, у русских, в настоящем нет ровно ничего хорошего—надо спешно хватать, заимствовать все с запада; наше же прошлое—это какие то потемки невежества.

И вот, при наличии указанного умонастроения русского общества, использовав весь опыт нашей исторической мысли за истекшее столетие, в 1818 году появляется блестящий по художественности изложения

исторический труд Карамзина, его „История Государства Российского“. История Карамзина появляется спустя только три—четыре года после того, как русские войска победоносно прошлись по всей Европе и заглянули в Париж, где восстановили надлежащий порядок. Эта наша только что совершенная экскурсия в Европу создала в лучшей части общества некоторый психологический перелом в сторону самоуважения.

Силою своего таланта, особенно яркого от искреннего чувства любви к родному прошлому, Карамзин осветил темные дали истории, оживил мертвое минувшее, заставил говорить и героев и злодеев, живших и боровшихся в далекие века. Причем,—это тоже очень существенно,—через всю историю Карамзина красной нитью проходила одна общая идея: „Россия основалась победами и единовластием, гибла от разногласия, а спаслась мудрым самодержавием“.

Для большинства русского общества, европеизированного в указанном нами неглубоком смысле этого слова, выход в свет «И. Г. Р», был полной неожиданностью: они никак не думали, что в российской «тьме невежества» имеются прямо таки классические типы—и герои и злодеи; они никак не предполагали, что листы русской истории могут быть крепко сшиты единым принципиальным воззрением, вроде мудрой роли самодержавия. Да и отмеченное нами воззрение Карамзина как раз попадало в тон победным маршам, гремевшим у нас и по Европе в честь единовластия, во славу «помазанников Божих», свергнувших в преисподнюю «гидру революции». «Европеизированную» часть нашего общества Карамзин сбил с ее сюсюкивающе-французского наигранного тона. Меньшинство, общества, пере-

живающее психологический перелом в сторону самоуважения, радостно приветствовало труд Карамзина, обосновывавший этот перелом, доказывавший, что и мы русские, имеем свою историю, если и не лучше, то и, пожалуй, не хуже истории всякого иного народа.

Итак, теперь понятно, что Карамзин, в некотором смысле, как бы действительно открыл тогдашнему обществу древнюю Русь.

Художественные достоинства труда Карамзина и то обстоятельство, что автор был человеком известным в светском обществе, носил, с 1803 года, высочайше пожалованное звание русского историографа—это все, вместе взятое, привлекло исключительное внимание к «И. Г. Р.» и издание быстро разошлось.

Что же касается вереницы поколений русского общества, воспитывавшихся на Карамзине, приучавшихся, по Карамзину, „любить родную землю" и пр., то тот же Бестужев-Рюмин, в своей лекции, посвященной памяти почившего историка С. М. Соловьева (лекция эта напечатана), говорит об „Ист. Гос. Рос.": „трудно найти книгу более способную в гимназические годы пробудить и патриотизм и любовь к истории; недостатки Карамзина незаметны в этом возрасте, а достоинства его именно приноровлены к нему"... Мы знаем, что часто некоторые впечатления юности бывают настолько сильными и яркими, что люди, придя и в зрелый возраст, под влиянием этих впечатлений, неверно, пристрастно расценивают те или иные явления. Так переоценивали и Карамзина те, кто на нем воспитывался. Кроме того, не было соответствующего труда другого историка, лучшего по достоинству нежели труд Карамзина и написанного при том же легко и изящно, что очень важно

для распространения книги среди широких кругов читающей публики.

Теперь перейдем к оценке „Ист. Гос. Рос“.

Схема построения истории у Карамзина не оригинальна—ее мы видим и в русской историографии 18-го века. Он признавал призвание князей норманнов,—следовательно государство русское возникло свободно, а не путем завоевания. В основу принятой им схемы Карамзин клал, что делалось и в 18-ом веке, об‘яснение исторического процесса из личной воли русских князей и государей. С этой точки зрения „Ист. Гос. Рос“. не была новой эпохой в нашей историографии, а заканчивала лишь старый период в ней—все тот же 18-ый век. При ближайшем ознакомлении с трудом Карамзина можно убедиться, что, в сущности говоря, содержание труда вполне соответствует его названию: главный предмет труда—история государства, а не история народа. В пользовании источниками чувствуется сильное влияние на Карамзина Шлецера и Щербатова, а в самом рассказе—даже очень сильное влияние Щербатова, многие мысли которого, одетые в тяжеловесные фразы, передавались Карамзиным в виде блестящих периодов. К „Ист. Гос. Рос.“ имеются приложения—примечания, которые, как говорит Бестужев—Рюмин,—„одно из прав Карамзина на бессмертие“. Только что приведенная оценка примечаний, из которых можно судить об учености автора и об его критическом таланте, очень пристрастна. Но, во всяком случае, эти примечания имеют бо́льший научный удельный вес, нежели самый текст истории: Карамзин не только обновил соответствующую вопросу иностранную литературу, но и использовал все то, и очень умело, что было издано ко времени Карамзина и отно-

силось к русской истории (напр., синодальный список летописей Новгородского свода и пр.) и все те памятники, которые были открыты вновь, как современниками Карамзина, так и им самим.

На этом мы о Карамзине и кончим.

Теперь нам следовало бы остановиться на деятельности Румянцевского кружка, Московского исторического общества и митрополита Евгения—этих трех центров, около которых сосредоточивалась исследовательская работа первой четверти 19-го века. Но недостаток времени не позволяет нам входить в рассмотрение работы упомянутых центров, выразившейся как в собирании памятников (между прочим, найдены были судебник Ивана 3-го, Святославов изборник 1073 г. и др.), в издательской деятельности (издание летописей, государственных грамот и договоров и т. д.), а так же и в написании оригинальных работ лицами, группировавшимися около этих исследовательских центров. Отметим только, что именно работа Моск. Истор. об-ва (основано в 1804 г.), Румянцев. кружка (сложился сряду после 1812 года) и митр. Евгения (1767—1837) дала необходимый базис ряду русских ученых историков открыть своими трудами, после Карамзина, новую эпоху в нашей историографии—эпоху научных и цельных исторических воззрений.

Западники и славянофилы. Деятельность сейчас названных нами об'единений давала лишь некоторую, если можно так ее назвать, материальную базу для тех цельных, научно-обоснованных исторических воззрений, которые появились у нас в 40-вых годах 19-го века. Идейный же толчек к образованию этих воззрений мы получили из за рубежа, от немецкой философии.

Нужно сказать, что наиболее интеллигентная и серьезно настроенная часть русской молодежи, во время заграничных походов 1813—1814 годов, познакомилась не только с политической жизнью Запада, но и с его философией. Знакомство с политическими формами жизни Запада привело к декабризму (восстание 14 декабря 1825 г.). Знакомство же с философией Запада—к западничеству и славянофильству, каковые течения в области науки русской истории окончательно не изжиты даже и до настоящего времени.

В первой половине 19-го века самыми яркими звездами на небе философии были Шеллинг и Гегель. Оба они были метафизиками, т. е. идеи, лежащие в основе их учений, не могли быть доказаны теоретическим разумом и подтверждены опытом, а принимались за истинные без доказательств в виду практической надобности в них (конечно, с точки зрения Шеллинга и Гегеля). И тот и другой оперировали, при построении своих философских систем, с понятиями, имеющими абсолютное бытие, т. е. такое бытие, которое вечно, неограничено, неделимо, неизменно, совершенно, ни от чего непроизводно.

Шеллинг (1775—1854), одаренный чрезвычайно богатой фантазией и гибким умом, учил, что в абсолюте противоположности сливаются, образуется тожество противоположностей; в абсолюте идеальное и реальное, знание и бытие тожествены, т. е. обладают одинаковыми качествами. В отношении исторического процесса Шеллинг утверждал, что каждый исторический народ (следовательно, допускалось существование народов и неисторических) непременно должен осуществлять ту или иную абсолютную идею—правды, добра, красоты. Народы, чья история не связана воедино какой либо абсо-

лютной идеей, всегда будут в духовном рабстве у, так называемых, исторических народов.

О Гегеле (1770—1831) мы с вами уже говорили Напомню, что его система была, до известной степени, дальнейшим развитием принципов или начал философии Шеллинга. По Гегелю абсолют, каковым является мировой дух, развивается от состояния своей бессознательности к полному своему самопознанию. От первоначальной своей стадии (бессознательность) до стадии конечной (полное самопознание) мировой дух развивается постепенно, как бы всходит по ступеням какой то лестницы и истории различных народов (но опять таки не всех) представляют собою отдельные ступеньки этой лестницы. Самая высшая ступень—это история германцев.

И по Шеллингу и по Гегелю славянские народы были народами неисторическими, т. к. никакая абсолютная идея не сшивала листы их истории в одну книгу. Следовательно, славяне обрекались немецкой философией первой половины 19-го века на постоянное рабство, духовное рабство у других наций и, главным образом, у германцев. Вот на этот момент обратим наше особенное внимание.

Отметим нашим вниманием и другой еще момент. А именно: как бы мы в настоящее время ни относились к шеллингизму и гегельянству, но обе эти системы в период своего расцвета, имели громадное положительное значение уже по одному тому, что они давали людям монистический взгляд на мир, т. е. весь мир они представляли как развитие одного начала, одной основы, одного принципа.

Вот, взгляды Шеллинга и Гегеля, перенесенные на почву русской мысли, сразу поставили перед мыслящей

частью русского общества вопрос о выработке сознательного, теоретически продуманного, цельного взгляда на нашу историю. И раньше отдельные исследователи (напр. Болтин) обладали цельным взглядом на исторический процесс, но таковой их взгляд был случайностью в мировоззрении того или другого историка. Вопрос о необходимости специально продумать проблему об общей, вполне обоснованной идеи, лежащей в основе научно-исторических построений, встал лишь перед поколением двадцатых годов.

Обрабатывая и прилагая идеи Шеллинга и Гегеля к отечественному историческому процессу, представители нашей передовой интеллигенции и разошлись между собою. Одни, западники, утверждали, что у славянских народов нет своей национальной культуры, что они могут быть приобщены к цивилизованному миру только путем заимствований из сокровищницы культуры запада (откуда и их название — западники). И поэтому, для западников самым важным моментом в нашем прошлом была эпоха Петра 1-го, который приобщил Россию к западной культуре и через это ввел нас в семью исторических народов. До Петра мы не имели истории, т. к. все наше допетровское прошлое не имело никакой идеи. Следовательно, так думали западники, нам следует ревностно продолжать наши заимствования приобретений западной цивилизации; на нашу долю остается лишь переработка начал западной, главным образом — протестантско-германской культуры.

Другое направление—славянофилы. Они коренным образом не соглашались с западниками. Они заявляли, что славянские народы имеют свою собственную, вполне самобытную, ни в какой мере от запада не зависящую

культуру, и что корни нашей культуры не от Рима, как у всего запада, а от Византии, развившей свою особенную культуру, не похожую на римскую; кроме того и государственный строй наш складывался совсем иначе, нежели у германцев: у последних был, в первооснове их государственного строя, момент завоевания, порабощения их со стороны римлян, у нас же—добровольное признание власти, договор с нею. И славянофилы на реформы Петра смотрели как на нечто грубо-насильственное, вредное, что только нарушило естественное течение нашей исторической жизни. Следовательно, так думали славянофилы, наша задача связать нить исторического развития, порванную Петром, и продолжать культивировать те начала, которыми жило Московское государство.

Приведем в формулировке К. С. Аксакова (1817 — 1860) главные положения теории славянофилов. «Россия, говорит он, земля совершенно самобытная, вовсе непохожая на европейские государства и страны... Все европейские государства основаны завоеванием, вражда есть их начало... Русское Государство, наоборот, было основано не завоеванием, а добровольным призванием власти. Поэтому не вражда, а мир и согласие есть его начало. На западе власть явилась без воли и убеждения покоренного народа. В России власть явилась как званный гость... Поняв с принятием христианской веры, что свобода только в духе, Россия постоянно стояла за свою душу, за свою веру. Зная, что совершенство на земле невозможно, она не искала земного совершенства и поэтому, выбрав лучшую из правительственных форм [1]), она держалась ее постоянно, не считая ее со-

---

[1]) Т. е. самодержавный образ правления.

вершенною... Отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе общественную жизнь [1]) и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью"... Здесь налицо все три начала славянофилов: народность, православие и самодержавие.

Нужно сказать, что ни западники, ни славянофилы не смогли написать русской истории, где бы строго и последовательно были проведены те идеи, которые лежали в основе помянутых направлений. Но, тем не менее, оба эти направления были чрезвычайно полезны для дальнейшего развития науки русской истории, так как, делая попытки построений в области схемы нашей истории, об'ясняя отдельные исторические факты с определенной, своей точки зрения, полемизируя друг с другом и пр.—оба течения толкали нашу науку вперед.

Само собою разумеется, что целый ряд ученых занимал как бы середину между западничеством и славянофильством. Отбрасывая крайности обоих направлений, эти ученые использовали в своих работах наиболее плодотворные, по их мнению, идеи того и другого крыла.

Соловьев (1820—1879) как раз и был таким ученым. Он, написавший двадцатидевяти томную историю России (с древнейших времен до 1775 г.) и ряд других трудов, был сторонником строгой закономерности в истории и подчеркивал, что характерные черты истории того или иного народа создаются и природными условиями, и первоначальной обстановкой жизни народа. Свои обязанности историка Соловьев понимал так: „Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, пе-

[1]) В сельской общине, в земских учреждениях и пр.

риоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараясь об'яснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию,—вот обязанность историка в настоящее время", — так говорит Соловьев в предисловии к своей истории. Через всю русскую историю Соловьев проводит одну и вполне определенную нить: из родового быта, наблюдаемого, в качестве общественной формы, на заре нашего исторического прошлого, когда род, как таковой, доминировал над личностью, поглощая ее, выросло понятие родовой собственности князей на Россию — „князья, говорит Соловьев, считают всю русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего; причем, старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи, смотря по степени своего старшинства, занимают другие столы, другие волости; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная". Родовое начало ослабевает в 12-ом веке на северо-востоке Руси, где князья сами строили города и заселяли пустынные местности. Здесь князья считают хозяевами уже не род, а себя, и поэтому передают свои владения не старшим в своем роде, а своей семье — таким образом возникает понятие о семейном праве собственности на княжество. Семья московских князей, в силу разных причин, усиливается настолько, что владения ее становятся наиболее могущественной вотчиной среди владений других князей. В этой семье мало по малу устанавливается порядок единоследия, — появляется государственный порядок.

Но главная научная заслуга Соловьева не в его теории родового быта, а в том громадном накоплении исторических фактов, без которых история немыслима. Эти факты добыты Соловьевым из тех гор архивных документов, которые он, обладая невероятной трудоспособностью, просмотрел и изучил за долгие годы своих научных занятий. Море фактов, приводимых Соловьевым в его истории России, затопило, если можно так выразиться, его теорию родового быта; последняя, начиная чуть ли даже не с первых томов соловьевской истории, отошла как то на второй план.

Труды Соловьева и ученых, его поддержавших (напр., Кавелина), вызвали горячие и благотворные для науки споры среди наших историков. Его теория родового быта была пересмотрена наукою, подвергаясь в сочинениях отдельных ученых некоторым видоизменениям, и в наши дни от нее мало что осталось.

60-ые и 70-ые годы прошлого столетия были, благодаря разработке таких наук как историческая география (работы Барсова, Замысловского и др.), этнография (труды Антоновича, Фирсова и т. д.), филология (исследования Гильфердинга, Будиловича и иных ученых) и археология (работы Самоквосова, гр. Уварова, Сонцева и др.), очень благоприятными для русской исторической науки: в многочисленных трудах талантливых ученых подверглись пересмотру многие из важных вопросов нашей науки.

Ключевский. Если в начале 19-го столетия наиболее ярким было имя Карамзина, если в середине века на небе русской истории самым сильным светом светила звезда Соловьева, то на исходе столетия зажглось новое светило, светило первой величины—мы говорим о В. О. Ключевском (1841—1911).

Ключевский—ученик Соловьева. Он сам говорил о себе: „я передаю вам то, что получил от Соловьева; я—ученик Соловьева, вот все, чем я могу гордиться, как ученый“. Приведенные слова не были лишь из‘явлением большой скромности Ключевского. Некоторые частные теории Соловьева Ключевский воспринял и продолжал развивать: напр., учение об очередном порядке княжеского владения в древней Руси, или учение о колонизации северо-восточной Руси как основе, на которой выросло впоследствии Московское государство. Но, конечно, цитированное нами заявление Ключевского следует понимать в очень ограничительном смысле: не влияния Соловьева создали Ключевского, не отраженным светом учителя светится его имя, — в своем собственном таланте заключает Ключевский тайну своего чарующего блеска.

Ключевский, из всей массы исторических фактов, сосредоточивал свое внимание на известных группах их. Так, вопросы литературы, искусства, религии его интересовали меньше нежели явления социальные, политические и экономические[1]). А из перечисленных трех категорий исторических явлений его внимание устремлялось, главным образом, на первую категорию: история

---

[1]) Между прочем, направление, об‘являющее главной задачей исторической науки изучение общественных учреждений и экономических условий (направление очень сходное с точкой зрения Ключевского), в западно-европейской исторической науке возникло еще в двадцатых годах 19-го столетия—работы Гизо Минье, Огюстен Тьерри и др. Вообще говоря, русская историческая мысль не развивалась замкнуто, обособленно от основных начал зарубежной историографии. В специальном курсе русской историографии эту, отчасти зависимость, иногда—связь можно было бы подчеркнуть и от этого изложение нашей историографии только бы выиграло.

общественных классов—вот любимая, кардинальная тема работ Ключевского. Очень может быть, что на такое специальное устремление Ключевского повлиял тот период в истории нашей общественной жизни, с которым совпала юность талантливого историка,—период, когда у нас разрешалась такая важная общественная задача как освобождение крестьян, т. е. урегулирование интересов двух общественных классов: дворянства и крестьян. Во всех своих наиболее важных исследованиях Ключевский изучает вопросы о правах и обязанностях общественных классов, об их взаимоотношениях, о положении их в государстве и пр. В своем знаменитом „Курсе русской истории“ [1]) Ключевский эти свои исследования сводит в единую схему, изображающую как процесс постепенного закрепощения сословий, с его кульминационной точкой в 18-ом веке, так и обратный процесс—раскрепощения сословий, начавшийся с момента издания законов, облегчающих обязательную дворянскую службу [2]), и закончившийся актом 19 февраля 1861 года.

---

[1]) Этот курс имеется в 4 частях (до воцарения Екатерины 2-ой); упоминаемые четыре части были еще изданы при жизни автора, им самим; в 1918 году они были переизданы Ком. Нар Просвещения. В 1922 году вышла пятая часть курса лекций Ключевского, но текст этой пятой части составлен по записям учеников Ключевского и самим Ключевским для печати не был обработан. Курс Ключевского пользуется заслуженной известностью не только как труд большой научной, но и большой художественной ценности. Отдельные главы и места курса (особенно характеристики исторических деятелей)—образцовые произведения искусства.

[2]) В 18-ом веке самым важным актом, снимающим с дворянства обязательную службу, был манифест 18 февраля 1762 года по поводу этого манифеста Ключевский остроумно замечает в своем Курсе: „Манифест 18 февраля (1762 г.), снимая с дворян-

Следует отметить, что в позднейший период своей деятельности Ключевский уже не считал экономические, социальные и политические факторы за наиболее важные пружины, двигающие исторический процесс. Он переносил ударение и на иные моменты, заявляя: „умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития“.

Всякий из вас, кто уже сталкивался с теми или иными трудами Ключевского, наверное, невольно чувствовал, что он, в лице покойного историка, имеет дело с очень крупным явлением в нашей историографии. И об этом крупном явлении, о значимости работ Ключевского, трудно и даже невозможно говорить коротко, в двух словах. И если мы делаем это, то в силу, так сказать, печальной необходимости: пройти совсем мимо Ключевского — абсолютно невозможно, сказать о нем больше, это значит написать,—по крайней мере, целую статью.

Кончим вопросом: для нас, монистов, усматривающих в основе бытия лишь одно начало, для нас, материалистов, считающих этим единым началом именно материю и, наконец, для нас, работающих в области наук об обществе при помощи метода экономического материализма, дающего нам право утверждать, что фактором, определяющим, в конечном счете, историческое развитие является

ства обязательную службу, ни слова не говорит о дворянском крепостном праве, вытекшем из нее, как из своего источника. По требованию исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была бы последовать отмена крепостного права, она и последовала на другой день, только спустя 99 лет“.

производство или общественный труд,—для нас чрезвычайно важно знать: задавался ли Ключевский задачей вывести весь ход русской истории из какого либо единого начала?.. На поставленный вопрос мы должны ответить отрицательно: целый ряд ответственных положений в работах покойного Ключевского убеждает нас в этом, да это не опровергается и учениками Ключевского, а некоторыми из них (напр. историком М. М. Богословским) даже и прямо утверждается.

Рожков и Покровский. Некоторые из учеников Ключевского, а именно здравствующие и поныне профессора Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, одни из первых, применили теорию экономического материализма к об'яснению хода русского исторического процесса.

В этом отношении интересна специальная работа Рожкова (его магистерская диссертация), „Сельское хозяйство Московской Руси в 16-ом веке“, вышедшая в последний год минувшего столетия, в 1899 году, и удостоенная премии от Академии Наук. Из трудов общего характера того же Рожкова назовем: „Обзор русской истории с социологической точки зрения“ (в 2-х частях, издан в 1905 г.)—университетский курс его лекций; „Русскую Историю“ в сравнительно историческом освещении“, пятый том[1]) которой вышел в конце 1922 года и др. Из работ Покровского укажем на его „Русскую историю с древнейших времен“[2]), на его „Очерки по истории русской культуры“ (в двух частях) и пр. За последние годы появился ряд работ и других ученых

[1]) Пятый том кончается эпохой Петра I-го.

[2]) Имеются два издания: в пяти томах, с гравюрами, и в четырех томах, но без гравюр; события изложены до начала войны 1914 года.

работающих, как и только что названные авторы, при помощи того же метода экономического материализма.

Мы не можем здесь входить в разбор работ Рожкова и Покровского. Сделаем лишь указание общего характера: Рожков в большей мере склонен к схематизму, нежели Покровский; Покровский ярче выражает тенденцию об‘яснять непосредственно экономикой отдельные факты из области идеологии, в то время как Рожков, по сравнению с Покровским, очень многие явления идеологического порядка не считает возможным выводить непосредственно из экономики. Но, во всяком случае, эти работы, и Рожкова и Покровского, освещающие факты нашей истории с новой точки зрения, с точки зрения экономического материализма, о котором еще так недавно никто и не заикался в нашей науке, будят творческую мысль исследователя и читателя и займут свое—и, несомненно, солидное—место в русской историографии. И когда политические страсти, вызванные настоящей революцией улягутся, то беспристрастный историк, — пускай он будет даже противником теории экономического материализма, — признает перед отечественной историей заслуги, как Рожкова, так и Покровского, этих пионеров нового метода.

На этом позвольте кончить наш беглый обзор некоторых моментов русской историографии. Укажем, что очень многое и крайне существенное не было нами совершенно затронуто—пусть любознательность найдет удовлетворение в соответствующей литературе, нами названной.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ.

Источники русской истории. Любая наука оперирует с определенного рода материалом, тщательное изучение которого и приводит ученых, работающих в области данной науки, к тем или иным выводам и положениям. Какой же материал изучаем мы, русские историки?.. Что именно служит для нас историческим источником?..

В обширном смысле слова историческим источником будет любой остаток старины: здание, монета, надпись на камне, рукопись, книга, устное предание, разные вещи, характеризующие древний быт народа (орудия труда, посуда и пр.) и т. д. Но так как все эти многочисленные памятники прошлого нашей земли, для того, чтобы быть надлежащим образом изученными, требуют от представителя науки очень разнообразных и очень специальных знаний, то в целях достижения бо̀льших научных результатов, изучение всех остатков жизни русского народа, за исторический период его существования, делится между целым рядом отдельных наук — так называемых вспомогательных исторических дисциплин. Так, нумизматика имеет дело с древними монетами и медалями, сфрагистика—с печатями, геральдика—с гербами, славяно-русская палеография изучает славянское письмо, эпиграфика — надписи, начертанные

на твердом материале (камень, металл, дерево), метрология — единицы измерений (меры веса, об'ема, протяженности и др.), дипломатика - устанавливает подлинность исторических грамот, бытовая археология изучает памятники домашнего и общественного быта (одежда, посуда, вещи религиозного культа и пр.). Как видите — галлерея наук, причем каждая из них и кругом предметов своего ведения и своими методами, приемами изучения отличается одна от другой. Поэтому мы, занимающиеся русской историей, будем, конечно, — и даже должны — считаться с выводами всех перечисленных нами вспомогательных исторических дисциплин [1]), но изучать непосредственно все те остатки старины, с которыми оперируют эти многочисленные науки, мы не можем—у нас нет ни времени, ни соответствующих познаний.

Следовательно, нам необходимо очень и очень с'узить понятие исторического источника, если мы желаем действительно работать над последними — и обычно под историческим источником, в ограничительном смысле слова, и понимается лишь печатный или письменный остаток старины.

Обзор источников, освещающих темные дали нашей истории, мы начнем не с простого перечня их, а предпошлем последнему ряд сведений, касающихся наиболее древних из памятников, — рукописных, скажем — какой внешний вид имеют эти памятники, из какого материала и кто изготовлял их, как относился древнерусский человек к рукописи и т. д.

---

[1]) Обзор вспомог. истор. дисциплин см. в нашем конспекте: А. М. Большаков — Вспомогательные исторические дисциплины, издание 1922 года.

Рукописные памятники, само собою разумеется появились гораздо раньше печатных [1]). Старинные рукописные памятники состоят из разного рода грамот и книг. Тех и других, написанных в период с 11-го по 14-ый век включительно до нас дошло всего лишь около 700 (по подсчету покойного проф. И. А. Шляпкина). За три же следующих столетия до наших дней сохранилось уже свыше 15.000 рукописей и рукописных книг.

Книга сшивалась из тетрадей, состоящих обыкновенно из 8 или 16 страниц пергамента или бумаги. Эти тетради, составляющие книгу, часто покупались в разное время, по мере написания книги. Поэтому, старинные наши рукописи нередко написаны на бумаге с разными фабричными марками (водяной знак на бумаге). По написании, книга „крылась“ — переплеталась в ткань или кожу. Встречаются роскошные переплеты, — напр., переплет Мстиславова евангелия от 1115 г., который был изготовлен в Константинополе, куда князь Мстислав отправил с евангелием своего тиуна, сделавшего тут же в конце книги, запись о своем путешествии, сопровождавшемся многими приключениями: „много труда под'ях и печали“, пишет тиун, а в конце добавляет: „цену же евангелия сего един Бог ведае“. Формат книг был самый разнообразный. Книг небольших по числу листов в старое время не было, — они соединялось в один переплет. Из больших книг известны Четьи-Минеи (Сборник житий святых) в 1762 листа. Цена книг была недешевой: дорог был пергамент, да и бу-

[1]) Книгопечатание в Европе было изобретено в 1440 г. У нас же, в Москве, книги стали печататься только при Иване Грозном,—в 1563 г.

мага, привозный товар (у нас она стала изготовляться во второй половине 17-го века), расценивалась высоко Так, новгородская летопись отмечает под 1555 годом: „в лето того же бысть дорога бумага... лист полденги... писшая“. Если мы полденьги 16-го века выразим в копейках до-революционного времени, то получим цену листа бумаги почти в двугривенный. Помимо писчего материала надо было принять во внимание и оплату труда писцов: напр., на евангелии, хранившемся еще недавно в Боровском Пафнутьевом монастыре, имеется приписка: „доброписцу чернописному (т. е. писавшему текст — А. Б.) — заплачено 8.000 сребрениц, живописцу иконному (т. е. рисовавшему лики евангелистов — А. Б.) — 400 сребрениц, златописцу, заставочному писцу и статейному писцу (т. е. тем, кто писал заглавные буквы, заставки и пр. — А. Б.) — 1.400 среб.“. Сказанное о цене книг делало ее, конечно, сокровищем, ставило ее наряду с драгоценными металлами. И мы видим, что во время неприятельского нашествия, прежде всего, спасают книги: „...книг множество снесено с всего града и з сел, в соборных церквах многое множество наметано, сохранения ради спроваждено...“ говорит летопись под 1382 годом. Древнейшая наша книга, писанная на пергаменте, это Остромирово евангелие от 1057 года, писанное диаконом Григорием для новгородского посадника Остромира. Это евангелие было, при Петре I-ом, найдено в г. Турове и до смерти Екатерины II-ой считалось собственностью императорской фамилии; после смерти Екатерины, оно передано в Публичную Библиотеку. Самая старинная русская книга, писанная на бумаге, — это Исаак Сирин от 1381 г.

Свиток. Наши предки, кроме книги, знали еще свиток и грамоту. Свитком они называли длинную полосу пергамента или бумаги с текстом на ней. Полоса эта была намотана на палку. До нас дошел, например, свиток с постановлениями московского собора 1654 г. Так как в летописях слово свиток употребляется довольно часто, то, вероятно, в свое время свитки были в большом ходу.

Грамота — это небольшой письменный памятник (письмо, документ). Самая старинная грамота из сохранившихся до нашего времени — это грамота новгородского кн. Мстислава Юрьеву монастырю от первой половины 12-го века. Вначале грамоты были небольшого размера, но потом размер их все увеличивался путем приклеивания новых и новых листов: так оригинал Уложения царя Алексея Михайловича 1649 года имеет 434 аршина длины!

Писцы,—вначале были почти исключительно из лиц духовного звания, т. к. именно в этом сословии процветала грамотность в древней Руси. В 16-ом веке мы имеем уже значительное количество писцов-ремесленников из мирян. Часто над одной книгой работало несколько человек: один писал „черное письмо", т. е. чернилами, другой киноварью (красная краска) писал заглавные буквы, третий рисовал заставки, концовки и пр. Грамоты писались обыкновенно не теми писцами, которые писали книги. В конце концов, из лиц, занимавшихся писанием грамот, образовался целый класс дьяков, которые в московский период нашей истории заполняют канцелярии всех приказов.

Запись. В конце книги писец часто помещал заметку, из которой явствовало имя писца, время и место напи-

сания книги. Эта заметка называлась записью. Были у писцов излюбленные записи, которые встречаются довольно часто. Напр., „рад заяц, тенета избыв, тако же рад писец последнюю строчку дописав“... или: „яко же радуется жених о невесте, тако же радуется писец, видя последний лист“ и пр.

Материал для письма. Старинные наши рукописи написаны на пергаменте и бумаге. Пергамент слыл в Московской Руси под названием «харатья», — откуда «харатейный список» и т. д. Назывался пергамент так же просто кожей или телятиной (пергамент русской выделки приготовлялся из телячьей кожи, в то время как в Зап. Европе его изготовляли из бараньей кожи).

Борьба между пергаментом и бумагою началась в 14-м веке, в 15-м веке бумага уже вытесняет пергамент, а 16—17-м веках пергамент употребляется лишь для наиболее важных грамот.

Бумага к нам ввозилась: 1) восточная—через Астрахань, 2) итальянская—через Кафу, 3) французская и голландская—через Ригу и Новгород и 4) польская—через Польшу. Сперва бумага изготовлялась из хлопка, после появилась тряпичная или льняная бумага. Ввиду недостатка и дороговизны бумаги, для черновиков и писем в Московской Руси употреблялась береста, а так же лубок; на лубке изображали чертежи, планы, картинки (отсюда название „лубочная“ картина).

Чернила, краски и перья. Для изготовления чернил служили старые гвозди (или железо), вишневый клей, квас. Для заглавий и начальных букв употребляли разноцветные краски, золото, серебро. До изобретения стальных перьев, — а они впервые появились в 18-м столетии в Мюнхене, — писали птичьими перьями. Для

линования бумаги употреблялась доска с туго натянутыми нитями — карамса. Как видно из иллюстраций наших старинных книг, писцы писали, подобно античным грекам, положив бумагу не на стол, а на колено.

Типы письма. Письмо, по типу его, можно подразделить на три главные группы: 1) устав, 2) полуустав и 3) скоропись.

Уставное письмо первоначально значило, вероятно, письмо „по уставу"; буквы его похожи на печатные; это письмо — медленное, имевшее целью красоту, правильность и церковное благолепие. Устав характеризует эпоху, когда знание письма нужно было лишь для изготовления „божественных" книг.

В полууставе буквы менее тщательные, с закруглениями вместо углов. Полуустав появляется тогда, когда письменность обнаруживает уже более широкое, нежели при господстве устава, литературное развитие. Потребность в книге возросла, книгу стали изготовлять и поскорее и подешевле. Тратить много времени на вырисовывание уставных букв было невыгодно, — рынок требовал удешевления книги. И вот, мы имеем дело хотя и с четким, но значительно упрощенным письмом (буквы закругляются, вводится сокращение слов и пр.).

Скоропись имеет начертание еще более упрощенное нежели полуустав. Она появляется в такую эпоху, когда письмо широко распространено, когда оно служит в качестве орудия для чисто практических целей.

Русский устав был в употреблении до 14-го века, а в 14-ом веке одновременно появляются и полуустав и скоропись, причем полууставом писались, главным образом, книги, а скорописью—грамоты.

Погрешности писцов, литературные вкусы и пр. Переписывая рукописи, язык которых устарел, писец иногда подновлял язык, что вело часто к искажению смысла. Напр., в одном евангелии от 1393 года текст: „иже бо речет брату своему рака́“ (если назовет ближнего своего безумным) переписан так: „иже бо речет брату своему кърсто“ (кърсто—звательн. падеж от корсто, что значит гроб, т. к. слово рака́ было понято как ра́ка — гроб). Подновляли и таким образом: во всех списках несторовой летописи, вместо первоначального: „бе Якун сьлеп“ (был Якун этот красив), стоит — бе Якун слеп. Когда писцы не могли подобрать подходящего, по их мнению, слова для замены непонятного им выражения,— они оставляли чистое место в книге, но последующие писцы (т. е. переписывавшие данный список) писали все подряд и пропуск становился незаметным. Бывали и чисто механические пропуски: пропускалась буква, строчка, а иногда и страница.

В течение 10 — 17 веков было не в моде писать „простой речью“. Писали запутанными периодами с употреблением разных мудреных слов.

До 16-го века слова писались слитно, т. е. одно слово не отделялось от другого. Скоропись наша не знала раздельного написания даже до конца 17-го века. Знаки препинания появляются раньше раздельного написания: так, запятая вводится уже в 15-ом веке.

Древнерусские архивы. Если в наше время наиболее важные письменные акты хранятся в особых учреждениях, в архивах, то и в прежние времена грамоты и дорого стоющие книги, при наличии всех тех неурядиц и опасностей, которые окружали нашего предка (междоусобицы, частые пожары, нашествие неприятелей и пр.),

должны были сохраняться в надежных местах. А таковыми в старой Руси были каменные, и часто солидно укрепленные, церкви и монастыри. И, действительно, мы знаем, что в Пскове, напр., при соборе св. Троицы, уже с 12-го века, существовал особый ларь, который для псковичей был своего рода государственным актохранилищем и нотариальным архивом; ларем этим заведывало особое лицо — ларник. В Киеве книги хранились в церкви св. Софии, в Новгороде—в Софийском соборе. Почти каждый монастырь имел свою „казну", где сберегал акты и книги.

В эпоху возвышения Москвы, последняя, собирая уделы и области, об'единяла в своей „казне" и архивы этих уделов и областей. Делалось это, конечно, не из любви к старине—„собирание" грамот входило в planoмерные расчеты московских князей, ибо делало их обладателями не только земель, но и тех прав, которые были зафиксированы в грамотах. К этим документам присоединялись акты самих князей. По судебнику Ивана 3-го (издан в 1497 г.) население обязывалось совершать определенные юридические акты в письменной форме. Если же ко всему этому мы присоединим письменное делопроизводство приказов и провинциальных учреждений, то получим уже сравнительно солидный архивный фонд Московской Руси.

Но бытовые условия были таковы, что дела с'езжих изб, которыми ведали воеводы и где хранилось провинциальное делопроизводство, погибали в огромном количестве, несмотря, в общем, на бережное к ним отношение со стороны приказных людей; гибли дела от частых пожаров, от сырости и пр. В центральных учреждениях Московского Государства, в приказах, ко-

торых было свыше 30, дела сохранялись разве лишь в нескольких лучших условиях, нежели в провинции: так, в Москве стали появляться для дел шкапы, сундуки, особые комнатки при приказах.

Отношение к рукописям в старой Руси. Отметим еще раз, что мельком мы уже отмечали: в древней и Московской Руси рукописи и рукописные книги (печатные появились лишь в конце московского периода, да и то были большой редкостью) сохранялись с чрезвычайной бережностью. Причинами такой особой бережливости были следующие обстоятельства: грамотность в до-петровской Руси у нас была распространена слабо даже и среди высших слоев населения и поэтому все, что обыкновенно фиксировалось на бумаге, носило, по большей части, характер документа, утверждающего или подтверждающего чьи-либо и на что либо права или льготы; потеряв подобную бумажку, можно было, пожалуй, утратить и те привилегии, о которых она свидетельствовала; правительственные законоположения существовали тоже только в рукописях, печатных экземпляров не было и поэтому, волей-неволей, их необходимо было тщательно сохранять; книги в старину были, в подавляющей своей массе, книгами духовно-назидательного содержания, а взгляд на такого рода книгу у древне-русского человека был иным, нежели у современного верующего: наши предки смотрели на „божественную“ книгу, как на некоторое условие, как на договор между богом и человеком, где указывалось как человек должен жить „по-божески“, чтобы попасть в рай, что ждет его на том свете, если он не будет жить согласно правилам, и т. д., затем дороговизна книги, о чем мы говорили уже, воспитывала в людях особое к ней отношение.

В 18-ом веке широкие слои русского общества, а именно те, в чьих руках были рукописи и рукописные книги, резко изменили свое отношение к тем, действительно, историческим сокровищам, которыми они обладали. Это об'яснялось опять-таки своими причинами: 17-ый век оставил в наследие 18-му веку громадное количество рукописей, они были вещью житейской, исторического значения за ними не признавали; затем—печатный станок стал работать гораздо усерднее, нежели раньше и сразу обесценил все писанное от руки; кроме того, внешне-презрительное отношение Петра 1-го ко всему русскому, его курс на запад, все это сказалось на вкусах культурных слоев русского общества 18-го века—к нашим рукописным памятникам старины стали относиться как к негодному старью. И если был один слой в русском обществе, который унаследовал от прошлого иной взгляд на наши рукописи,—так это был старообрядческий слой. В разных раскольничьих скитах нашли себе приветливый кров не малое количество очень ценных рукописных памятников.

18-ый и 19-ый века. Мы лишены возможности останавливаться, хотя бы и коротко, на вопросах о развитии у нас, в России, архивного дела за два последних века и о собирании и издании памятников в течение того же периода как разного рода учреждениями, так и частными лицами.

Укажем в самых общих чертах, что 44 глава Регламента Петра I-го, изданного в 1720 году, кладет начало организации особых актохранилищ (или архивов) при наиболее важных учреждениях и возлагает заведывание архивами на специальных лиц—архивариусов. Но на надлежащую высоту архивное дело ставится лишь во

второй половине 19-го века, когда вырабатываются (и поскольку позволяют материальные обстоятельства—проводятся в жизнь) основы наилучшего и наипростейшего устройства архивов, обеспечивающего не только сохранность архивных материалов, но и удобство пользования ими в интересах научных и деловых (здесь речь идет об устройстве специальных помещений, о расположении в них материалов и т. д.). Нашими наилучшими архивами считаются: архив быв. министерства юстиции (в Москве) и архив быв. Государ. Совета (в Петрограде).

Что касается собирания и издания исторических источников, то в этой области (мы ее отчасти касались в нашей лекции по историографии) мы сперва имеем дело с робкими, неумелыми и не всегда удачными попытками деятелей 18-го века, посильно помогавших встать на ноги, только-что родившейся в 18-ом веке, науке русской истории. В 19-ом веке положение дела собирания и издания памятников резко меняется. В русском обществе просыпается любознательность по отношению к своему прошлому и благодаря выдающейся энергии отдельных лиц (гр. Румянцев, Калайдович, Строев, Бередников и др.), действовавших или от имени заинтересованных учреждений, или же за свой страх и риск, собирается множество разного рода письменных исторических памятников и списков с них [1]). Появляется целый ряд капитальных изданий памятников, начиная с 1813 г., когда вышел первый том „Собрания Государ-

[1]) Напр., Строев и Бередников в 30-х годах из'ездили в течение шести лет всю северную и среднею Россию, осмотрев свыше 200 библиотек и архивов. Собранный ими материал, в переписанном виде, занял 10 громадных томов.

ственных Грамот и Договоров" (издание гр. Румянцева) и кончая многочисленными изданиями различных исторических обществ (Русское историч. об-во и др).

Теперь перейдем к характеристики отдельных типов исторических источников.

Летопись. В этой рубрике мы будем говорить и о летописях, и о материалах летописного типа.

Летописью называется погодный рассказ о событиях преимущественно исторического характера; преимущественно, но не обязательно:—напр., под 910 годом читаем такую запись: „явися звезда велика на западе копииным образом"—здесь, как видите, речь идет об астрономическом явлении,—повидимому, о комете; под 1065 годом речь, между прочим, идет о трупике ребенка-уродца, который был пойман в невод рыбаками в речке Сетомли: „бысть детище ввержено в Сетомль; сего же детища выволокоша рыболови в неводе, его же позоровахом до вечера, и паки ввергоша его в воду" и т. д. Летописи русские сохранились в огромном количестве списков, причем самые старинные списки от 14-го века. В свое время каждый большой монастырь обязательно имел один или несколько списков с летописи, имели их и частные лица—любители старины и родного прошлого. О количестве списков говорит хотя бы такая цифра: в середине прошлого столетия, когда археографическая коммисия приступила к изданию летописей, то в ее распоряжении было свыше 150 списков только одной, так называемой, начальной летописи. Так как летописи наши составлялись (писались) в разных местах—и на юге, и на северо-западе, и в средней России и т. д., то они отличаются друг от друга главными темами своего содержания: в Новгороде, конечно, описывали преимуще-

ственно события новгородской земли, в Киеве—киевской и пр.,—таким образом, мы получаем деление летописей на разряды (Киевские, Новгородские, Тверские, Суздальские, Волынские и многие другие). Нужно сказать, что летопись любого разряда обычно излагает сперва события общерусского характера, а затем уже, с того момента, как данная область зажила самостоятельной государственной жизнью, идет рассказ о местных делах. Если мы возьмем списки летописей одного и того же разряда (напр., возьмем Новгородские летописи), то они будут не всегда сходными между собою: мы заметим различия не только в отдельных словах или выражениях, но даже и в выборе описываемых событий,—так образуются отдельные редакции в пределах данного разряда. Вообще мы можем наблюдать такой процесс в изменении характера летописей: когда Русь была единой (до 12-го века), летописи являются общерусскими; когда Русь распалась на более или менее самостоятельные части, мы имеем дело с областными летописями; с об'единением под властью Москвы отдельных уделов (с 14-го века), летописи принимают сводный характер, представляют собою свод известий, заключенных в разнообластных летописях; наконец, когда московское государство завязывает сношения с иными странами, летописи теряют свой исключительно русский дух, в них проникают известия общечеловеческого, мирового значения, летописи уже превращаются в, так называемые, хронографы.

Летописание и летописцы. После ознакомления с терминологией летописной литературы, надо сказать несколько слов как о летописании, так и о летописцах.

В древней Руси наиболее культурной силой в обществе было духовенство и именно—монахи. Среди монахов было не мало греков, людей очень образованных по сравнению с любым рядовым древне-русским горожанином (о сельчанах мы уже не говорим). Кроме того, русский элемент, пополнявший ряды черного духовенства, выходил,—и опять таки в немалом количестве,—из высшего сословия государства, среди которого, в известной мере, была распространена, если и не образованность, то уже во всяком случае—грамотность. Таким образом, наиболее культурные кадры страны концентрировались в древне-русском монастыре. А так как монастырский обиход требовал от своих насельников и некоторой степени образованности и поддержания среди них грамотности[1]), то огонек культуры в монастыре не только не меркнул, но даже разгорался, вспыхивая по временам ярким пламенем.

После только что сказанного, неудивительно, что летописание в древнейшей, киевской Руси, велось в монастырях. После, летописи начинают вести и при княжеских дворах, хотя их составляют, главным образом, все те же духовные лица — часто духовники князей. В Москве официальная летопись велась дьяками.

[1]) Среди населения Руси, недавно принявшего христианство, еще сильны были основы языческого прошлого и потому от монахов (и от духовенства вообще) требовалось усиленное и умелое проповедничество—духовенство должно было поддерживать среди членов своей среды известный уровень образованности. Отправление церковных служб, а, главное, писание и переписывание богослужебных книг, необходимых и для верующих и для вновь открываемых приходов, конечно, способствовало развитию среди духовенства грамотности.

Отдельные летописи любителями старины нередко сводились вместе, — таким образом, получался летописный свод из целого ряда первоначальных летописей. В таком своде, погодно, рассказывалось о событиях, имевших значение для всей русской земли, причем лицо, обрабатывающее первоначальные летописи в единый свод, надо полагать, часть записей, по тем или иным причинам (по маловажности их и т. д.), отбрасывало, а потом делало записи и от себя — тех событий, о которых это лицо знало. Так, в разное время в разных пунктах Руси появились летописные своды. Нужно заметить, что ни одной древней летописи в ее первоначальном виде до нас не дошло. Мы имеем летописные своды.

Старейший список (или свод) — Лаврентьевская летопись от 14-го века, писанная монахом Лаврентием для суздальского вел. кн. Дмитрия Константиновича, хранится в Петрограде, в Публичной Библиотеке, написана на пергаменте, события изложены до 1305 года, причем за последние два столетия речь идет не об общерусских, а о делах Суздальской Руси.

Ипатьевская летопись (или список), идущая за Лаврентьевской, писана в середине 15-го века. Свое название получила от Ипатьевского Костромского монастыря, где она первоначально хранилась. Ныне она принадлежит Академии Наук. Описание событий доведено до 1292 года; в последней своей части летопись особенное внимание уделяет тому, что делалось в Волынской земле.

Имеется еще целый ряд списков: московско-академический список от второй половины 15-го века, хранился до начала революции в Московской Духовной Академии (откуда и его название); хлебниковский спи-

сок—от начала 16-го века, принадлежал в свое время Хлебникову, а теперь хранящаяся в Публичной Библиотеке и др.

Но где же началось летописание? Конечно, в древнерусском центре, в Киеве. Отсюда, как проследили ученые, летописание перешло в Переяславль, ближайший к Киеву южнорусский центр. Из Переяславля летопись продвигается дальше — она переходит во Владимир Суздальский, а отсюда—в Ростовскую область. И, наконец, московское летописание основано на Владимирском. Но, само собою разумеется, что во многих местностях древней Руси летописание возникало и вполне самостоятельно, т.-е. не являлось отростком киевского ствола.

Что касается самих летописцев, то тип последних был далеко не однообразным даже и в древней Руси, не говоря уже о позднейшем, московском периоде нашей истории.

Если летопись было частным делом какого-нибудь монаха, велась, так сказать, „для души“ и не служила орудием, положим, для каких либо политических целей разных лиц (князей, главным образом), стоящих за спиною летописца, то последний мог быть и таким, как пушкинский Пимен. Помните монолог Пимена из „Бориса Годунова“:

„Еще одно, последнее сказанье—
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил:
Когда нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, без‘имянный;
Засветит он, как я, свою лампаду,
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет“...

Летопись такого Пимена могла состоять из „правдивых сказаний“, заносимых на пергамент не ради интересов тех или иных отдельных лиц или общественных групп, но исключительно для того, чтобы ведали „потомки православных земли родной минувшую судьбу“...

Если же летописец был хотя бы и монахом, но монахом монастыря, стоящего, в силу разнообразных политических и экономических условий, в ближайших отношениях к местному князю, то он утрачивал черты беспристрастного Пимена. Он, подобный монах, часто становился послушным чиновником князя, записывая в летопись события и освещая их так, как этого желал данный князь. Известный исследователь летописей, академик А. А. Шахматов, рисуя более распространенный тип летописца, говорит: „рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы“. В дальнейшем, когда мы будем говорить непосредственно о летописи, мы убедимся, что Шахматов прав.

Летопись наша во всех тех многочисленных списках, которые дошли до нас, начинается рассказом о расселении людей после потопа, о происхождении славян, об их первоначальном быте, о варяжских князьях, о крещении Руси и о разных иных событиях. И вот, это начало, до описания того, что происходило в первой четверти 12-го века в киевской земле, почти во всех списках сходно (все равно, возьмем ли мы своды волынские, суздальские, новгородские или другие какие-либо). После же указанной хронологической черты наши

своды, по своему содержанию, разнятся друг с другом— и подчас довольно сильно. Последнее понятно: мы уже говорили, что с 12-го века, с распадением Руси, появляются областные летописи, которые и начинают отмечать, каждая—важнейшие события своей области. Вот эту-то первую часть летописи, освещающую начальный период (первые 2½ века) нашей истории, и называют Начальной летописью.

Автор Начальной летописи. Начальная летопись, в одних списках начинается таким, как бы заглавием: „Се повести временных (прошлых) лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал первые княжити, и откуда Русская земля стала есть“; в других списках заголовок несколько иной: „Повесть временных лет черноризца Өеодосиева монастыря Печерского, откуда есть пошла Русская земля, и кто в ней начал первые княжити“.

Из ряда мест Начальной летописи, начиная со второй половины 11-го века (с 1051 года), явствует, что она писана была действительно монахом, основанного Өеодосием и Антонием, Киевопечерского монастыря. Приведем некоторые из этих мест. Так под 1051 (6559-ым [1]), годом летописец говорит об игумене Феодосии, что последний: „примающю всякого приходящего к нему, к нему же и аз (т.-е. я,—здесь, как видите, летописец говорит о себе) придох худыи и недостойный раб, и приять мя, лет ми сущю 17 от рожения моего“. Под 1091 годом (6599-ым) летописец, которому было уже 65 лет от роду (если он пришел в монастырь в 1051 г., имея 17 лет от роду), повествует о том, как

[1]) Напомним, что в древней Руси летоисчисление велось от сотворения мира; так как от сотворения мира до Р. Хр. считали 5508 л., то 1051 год и будет 6559-ым годом.

ему игумен повелел откопать мощи почившего Феодосия: „Пришедше же игумен ко мне, и рекоша ми...“ и пр. Обороты речи не позволяют сомневаться в том, что рассказывает именно то лицо, которому печерский игумен приказал откапывать мощи Феодосия, т.-е. печерский монах. Наконец, под 1106 годом мы встречаем последнее упоминание печерского монаха-летописца о самом себе (ему уже 72 года): „В се же лето преставися Янь, старец добрый, жив лет 90, в старости мастите; жив по закону божию, не хуже бе первых праведник; от него же и аз многа словеса слышах, яже и вписах в летописании сем“, причем старец Ян, как об этом говорится дальше, похоронен в своем родном монастыре: „его же и гроб есть в Печерстемъ монастыре“. Итак, вне всякого сомнения, что в составлении Начальной летописи или, по крайней мере, части ее участвовал один из иноков киевопечерской обители.

Однако, заглянем в конец Начальной летописи, в которой события рассказаны до 1110-го года включительно. Там, в конце, мы прочтем такую приписку, сделанную спустя 6 лет после записи последних событий: „Игумен Силивестр святого Михаила написах книги си, Летописец, надеясь от бога милость прияти, при князе Влодимире, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила, в лето 6624, индикта 9; а иже чтете книги сия, то буди ми в молитвах“.

Мы знаем, что существовал, основанный в 1070 году, монастырь св. Михаила, так называемый Выдубецкий Михайлов монастырь (Выдубичь,—холм под Киевом на Днепре) которому покровительствовал отец, упоминаемого Сильвестромъ, Владимира Мономаха (был на великом

княжении с 1113 по 1125 год), кн. Всеволод. По приведенной записи выходит, что „книги си“, т. е. летопись написана игуменом Михайловского монастыря Сильвестром?.. Сильвестр как будто бы оспаривает авторство у печерского монаха?!

Наше недоумение еще более усилится, если мы обратимся, отыскивая подлинного автора Начальной летописи, еще к некоторымъ памятникам.

Возьмем памятник первой половины 13-го века — Патерик Печерский [1]). Там, при изложении некоего эпизода из жизни затворника Никиты, в числе лиц, молившихся за Никиту, упоминается и Нестор „иже написа летописец“. Но в основе Патерика, как это доказано разысканиями ученых, лежит более древний памятник, который составителями Патерика, жившими в 13-ом веке, и был использован, или, вернее, приведен в Патерике. Памятник этот—житие игумена печерского монастыря Феодосия. Во введении к помянутому житию, автор, называя себя „аз, грешный Нестер“, рассказывает нам, когда он попал в печерский монастырь: „се же яко по умертвии блаженного отца нашего Феодосия, Стефан же игоуменство прийм, яко же от того постриӝен быв и мнишескиа одежи сподоблен“. К сказанному прибавим, что имеются летописные списки, в заголовкахъ которых стоит имя Нестора,— напр. один галицкий список начинается по-галицки так: „Повесть времянных дей Нестора, черноризца Феодосиева Печерского

---

[1]) Слово „Патерик“ по-русски можно перевести так: отечная книга или книга об отцах. Патерик Печерский—это собрание, исполненных чудес, повествований об отцах, т.-е. о подвижниках печерского монастыря, а также и о самом монастыре.

монастыря“. Таким образом, в качестве автора Начальной летописи, на сцену появляется монах Нестор, причем Нестора мы не должны смешивать с тем безымянным печерским монахом, который, в 1051 году, был принят в монастырь Феодосием, — ведь Нестор сам заявляет, что его постриг игумен Стефан уже по смерти Феодосия.

Состав Начальной летописи. Так как перед нами пока что уже три лица, претендующих на авторство нашей Начальной летописи, то невольно возникает подозрение, что, может быть, летопись эта действительно труд компилятивный, труд нескольких лиц? Следовательно, необходимо состав Начальной летописи подвергнуть анализу.

В свое время еще Строев (1796—1876), сотрудник румянцевского кружка и деятельный член Московского Истор. общества, при разборе рукописей графа Толстого, открыл греческую хронику монаха Георгия Амартола, составленную в 9-м и продолженную в 10-ом веке. Оказалось, что хронограф Амартолы местами дословно схож с введением в Начальную летопись. Да и сама Начальная летопись местами ссылается на Амартолу, напр.: „Глаголет Георгий в летописании“ и дальше идет выдержка из хроники Георгия Амартолы. Но вместе с известиями из Амартолы на первых листах Начальной летописи мы находим и запись разного рода народных преданий: о первых князьях, об их походах и т. д. Так как в некоторых из списков (в Никоновском, Уваровском, Кириллобелозерском) в том месте, где речь идет об установлении Олегом и Игорем даней с подвластных им народов и городов, сказано, что новгородцы „для мира“, т. е. за мирные к ним отношения

со стороны Киева, должны были платить последнему дань в размере: „300 гривен на лето мира для, еже и ныне дают“. В других же списках конец приведенной фразы изложен иначе: «еже до смерти Ярослава (т. е. Ярослава Мудрого, скончавшегося в 1054 году *А. Б*). даяше Варягом“. Следовательно, первая часть Начальной летописи написана до 1054 г. Но после какого именно года в Начальной летописи мы можем провести черту, чтобы отделить первую составную часть Начальной летописи от всего последующего?.. Точно ответить на этот вопрос довольно трудно, но, во всяком случае, ее следует провести перед 986 годом, под которым начинается запись сказания о крещении Руси, являющегося как по форме изложения, так и по содержанию своему, памятником особого рода. И заголовок: „Се повести...“ и т. д. „откуда Русская земля стала есть“, действительно, вполне соответствует содержанию первой части Начальной летописи, где как раз, плохо или хорошо, складно или нескладно, но рассказ доведен до образования киевского княжества с об‘явлением, что Киев „буди мати градем Русским“, т.-е. обещание показать, откуда и как произошла русская земля — выполнено.

Вторая часть Начальной летописи—это сказание о крещении Руси при Владимире, помещенное под 986, 987 и 988 годами. В коротком пересказе сказание это сводится к следующему: к Владимиру приходят послы от разных народов с предложением своих вер; затем князь посылает своих послов к разным народам для исследования вер на местах; наконец, выбрав греческую веру, как лучшую из всех, Владимир принимает сам крещение в г. Корсуни и, вернувшись в Киев,

немедленно крестит весь народ. В сказании имеется одно место, которое позволяет утверждать, что оно написано в начале 12-го века, т.-е. спустя 100 слишком лет после крещения Руси. Среди проповедников приходивших к Владимиру, были и евреи; им Владимир, между прочим, задал вопрос: „то где есть земля ваша?“ На этот вопрос они должны были ответить: „разгневася бог на отец наших и расточи ны по странам грех ради наших, и предана бысть земля наша християном“. А так как Иерусалим был взят крестоносцами в 1099 году (первый Крестовый поход), когда и было основано Иерусалимское королевство, то, следовательно, сказание о крещении написано после 1099 года, т. е. в самом начале 12-го века.

В настоящее время историческая критика установила, что в сказании о крещении Руси, в том виде как оно занесено в летопись, нет ничего истинного. Так, Владимир крестился не в 988, а в 987 году и не в Корсуни, а, повидимому, в своем поместье, в Василеве[1]); народ русский крестился спустя несколько лет после крещения князя и пр.[2]). Подробнее на всем этом мы остановимся в своем месте, когда будем говорить о крещении Руси.

Но что же представляет из себя это сказание? Зачем оно написано?

Сказание написано было, как можно думать, с практической целью: укрепить русских людей, недавно кре-

---

[1]) Ныне г. Васильков, в 36 верстах от Киева.

[2]) Мы уже не говорим о том, что спустя более 100 лет после крещения Руси память народная не могла сохранить в деталях речи послов от разных народов, а в особенности витиеватую и очень длинную речь греческого философа.

стившихся, в привязанности к своей новой вере—отсюда и довольно длинная, пышная речь греческого философа, превозносящего греческую веру; а так как некоторые классы русского общества находились в близком общении с иноверцами (купцы русские ездили в иноверную камскую Болгарию, в иноверный Крым, в Киеве жили люди латинской веры и пр.), то все другие веры, несогласные с верой греческой, надо было посрамить, внушить к ним отвращение—отсюда речи представителей иных исповеданий, речи, носящие, по существу, явно хулительный для этих исповеданий характер, подобных речей не могли говорить ни послы от магометан, ни послы от евреев и т. д. Вот для указанной практической цели, заботясь об охране некоторых слоев русского общества от соблазна иноверия, какое либо духовное лицо и написало сказание. И писалось оно несомненно греком и, пожалуй, греком, недавно прибывшим в русскую землю. Это вот почему так. О крещении Руси писали: 1) митр. Илларион между 1037 и 1050 годами в своем „Слове о законе и благодати", 2) монах Иаков в своем произведении „Похвала князю русскому Владимиру", написанном около 1070 года, 3) Нестор печерский в своем „Сказании о Борисе и Глебе" и 4) неизвестный автор в „Житии блаженного Володимира"—вот четыре главнейших памятника на тему о крещении Руси, от 11-го века. Если бы сказание о крещении Руси при Владимире, составленное в 12-ом веке, писалось русским или хотя бы и греком, но греком, достаточно обжившимся на Руси, то, конечно, автор отнесся бы к своему делу более внимательно: он собрал бы материал, выверил бы его и если бы, ради назидательности и укрепления в вере новообращенных, и присочинил что-

либо (напр., речь греческого философа и пр.), то, во всяком случае, основная канва сказания не расходился-бы с фактической действительностью в мелочах (год крещения и пр.).

Третья главная часть Начальной летописи—это летопись Киево-печерского монастыря.

Мы называем эту, последнюю, часть летописью нашего древнейшего монастыря не потому, что в ней речь идет лишь о монастырских событиях. Этого на самом деле нет, т. к. летопись повествует нам и об общественно-политических фактах общерусского значения и о разных иных событиях. Но в этой части летописи, начиная со второй половины 11-го века и кончая самым началом 12-го века, внимание читателя неоднократно останавливается на разных моментах, имеющих самое непосредственное отношение к печерскому монастырю [1]).

Выше мы говорили, что Нестор, которого Патерик именует „летописцем", был монахом печерского монастыря, поступив туда во второй половине 11-го века; затем,—перу его несомненно принадлежит ряд произведений, вроде „Сказания о Борисе и Глебе" или „Житие Феодосия"; кроме того, в некоторых списках Начальной летописи стоит имя Нестора. Приведенные соображения дали нашим историкам (напр., Ключевскому и др.) основание утверждать, что последняя часть Начальной летописи, в ее первоначальной редакции, написана именно Нестором. Специальные исследования подтверждают это

---

[1]) Под 6559 (1051) годом обстоятельно излагается история возникновения монастыря; под 6582 (1074)—говорится о Феодосии и других печерских подвижниках; под 6614 (1106)—о кончине печерского старца Яна и т. д.

(последние работы А. А. Шахматова). Хотя нужно отметить, что имеются ученые, отвергающие право Нестора печерского на титул летописца (напр., историк церкви Е. Голубинский).

Итак, Начальная летопись наша состоит из трех главных частей: 1) Повесть временных лет, 2) Сказание о крещении Руси при Владимире и 3) Киево-печерская летопись. В составе этих трех частей можно заметить следы и других, более мелких литературных произведений. Таким образом наша Начальная летопись очень сложна по своему составу—она представляет собою компилятивный свод целого ряда отдельных произведений.

Снова об авторе. Если наша летопись—свод, если она состоит из немалого количества отдельных творений, то ясно, что говорить об авторе, как о лице, написавшем весь Начальный свод от первой строчки его и до последнего известия, помеченного 6618 (1110)-ым годом, конечно, не приходится. Можно говорить о редакторе свода, можно попытаться установить личность этого редактора. Посмотрим, какими данными в этой области мы располагаем.

Редакции Начального свода и их редактора. Русская историческая наука, в своем последнем слове, говорит, что Начальный свод имел не одного, а нескольких редакторов и существовала не одна, а тоже несколько редакций Начального свода, причем редакции эти сменяли одна другую сравнительно быстро: после первой редакции, составленной около 1111-го года, появляется, в 1116-ом году, вторая, а в 1118-ом году—третья редакция. Само собою разумеется, что редактор, в руки которого попадал свод предыдущей редакции, не только перерабатывал, но и продолжал его.

Чем же об'ясняется такая быстрая смена редакций, троекратная переработка Начальной летописи на протяжении каких либо семи лет?

С 1093 по 1113 год на великом княжении в Киеве был Святополк 2-ой, занявший княжеский стол после слабовольного Всеволода Ярославича, при котором особенно сильны были споры за уделы младших князей. На фоне ослабления авторитета княжеской власти особенно выростал авторитет власти духовной [1]) и значение таких учреждений, как монастыри, и, в частности, монастыри прославленные среди народа подвигами и чудесами своих основателей, вроде Киево-печерского монастыря. И как Начальная летопись, так и Патерик печерский свидетельствуют, что между печерским монастырем и целым рядом князей (Изяславом, Святославом и др.) происходили несогласия, борьба. Вначале, не в ладах с монастырем жил и Святополк 2-ой, но скоро, в лице игумена Феоктиста, он вступил с монастырем в благожелательные отношения, так как понимал, что

---

[1]) Следует помнить, что чем ниже степень развития производственных отношений в данном обществе (под производством, как мы отмечали, мы разумеем не только технику, но процесс взаимодействия человека с природою вообще в его целом об'еме), тем солиднее положение в этом обществе церкви и духовенства, т. к. мировоззрение подобного общества, общества с элементарной материальной культурой, всегда будет религиозным: опыт человека по своему об'ему скромен, об'яснить научно все те измения в природе и обществе, которые человек вокруг себя наблюдает, он не в состоянии и непонятное и непонятое об'ясняется при помощи сверх'естественных сил, при помощи религии. И, естественно, что духовенство, взявшее на себя посредничество между божеством и людьми, пользуется исключительным авторитетом в малокультурном обществе.

поддержка монастырем его политики поднимет его моральный авторитет и среди населения, и среди княжат. Летопись печерского монастыря была одним из сильных средств для поднятия этого авторитета. Известно, что делать списки с летописи мог всякий желающий, эти списки разносились по стране и, смотря по тому, как в них была изображена деятельность князя, они, эти списки, агитировали за или против князя. А у Святополка 2-го было не мало минусов: и скверное управление, и местные неурядицы и пр. Следовательно, Святополк был очень заинтересован в том, чтобы летопись говорила о нем в благоприятных тонах, а многое—просто замолчала. И вот, около 1111 г. монастырская летопись подвергается переработке, составляется ее первая (после основной) редакция—Шахматов полагает Нестором. И мы видим, что редакция 1111-го года молчит о многих темных деяниях князя, рисует его человеком богобоязненным, строителем церквей, поклонником блаженного Феодосия, имя которого он приказывает записать в синодик по всем епархиям княжества.

Но вот великим князем делается Владимир Мономах (с 1113 по 1125 год), всегда относившийся с осуждением ко многим из деяний Святополка. Владимир, конечно, обратил внимание на пристрастное изложение истории княжения своего предшественника в печерской летописи, Надо было исправить свод, восстановить события последних двух десятилетий в ином освещении. И Владимир поручает это дело игумену Михайлова монастыря Сильвестру, человеку, преданному семье Владимира Мономаха. Сильвестр пересматривает свод и, в 1116-м году, составляет новую редакцию — об этом то и свидетельствует его приписка в конце свода. Тща-

тельное изучение летописи приводит к несомненному заключению, что наибольшее число поправок Сильвестра падает на ту часть летописи, которая относится к княжению Святополка. Из заголовка же выбрасывается имя Нестора.

Летопись ушла из Киевопечерского в Выдубецкий монастырь. Вместе с летописью монастырь утратил и значительную долю своего политического значения. Это было, понятно, отнюдь нежелательно ни для монастыря, ни для отдельных лиц из братии, среди которой было изрядное число приверженцев популярного Владимира Мономаха. По сильвестровской редакции (предыдущая уже не обреталась в монастыре) составляется новая, события в которой доводятся до 1117-го года (что нам известно по некоторым спискам), причем в той части, которая падает на княжение Владимира, эта редакция дает некоторые новые данные, (напр., под 6619(1111)-ым годом). В заголовке же появляется „черноризец Өеодосьева монастыря“.

Итак, вот в коротких словах об'яснение смены различных редакций. Попутно мы убедились, что Шахматов был вполне прав, утверждая, что „рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы“.

Но почему же редакторы — ни Нестор (если только действительно он редактировал около 1112 года летописный свод), ни Сильвестр, ни редактор 1118-го года (имени его, к сожалению, мы не знаем) не устранили, при пересмотре свода, некоторые несообразности и противоречия?

Если Нестор поступил в печерский монастырь во время игуменства Стефана, — а последний был игуменом с 1074 по 1078, — то зачем он, под 1051 годом, где

какой то другой монах-летописец говорит: „к нему же (т. е. к Θеодосию) и аз придох“, зачем Нестор оставил этот „аз“, который нас вводит в смущение? Почему Сильвестр, который никогда не был монахом печерского монастыря, а тем более — непосредственным учеником Θеодосия, почему он не уничтожает тот же „аз“ — ведь Сильвестр не поступал в монастырь в 1051 году? Почему Сильвестр не уничтожил выражение „ко мне“ под 1091 годом:—„пришедше же игумену ко мне“... и т. д. (здесь речь идет о приказании откопать мощи Θеодосия)? Подобных несообразностей много. Кроме несообразностей, есть и противоречия: напр. под 977 годом читаем о месте погребения князя Олега: „И погребоша Ольга (т. е. Олега) на месте у града Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего [1]), а под 1044 годом сообщается, что останки Олега (а также и Ярополка) были откопаны, кости крещены и положены в церкви Богородицы. Если, в 1044 году, останки Олега перенесены из места их первоначального погребения в церковь Богородицы, то известие, записанное под 977 годом, в его последней части („и есть могила“...), следовало бы при пересмотре свода в 1111, 1116 или в 1118 годах просто на просто выбросить. Таких противоречий тоже не одно и не два.

На наш недоуменный вопрос: почему не устранены несообразности и противоречия, можно ответить следующее. Редакторы свода, производя свою редакторскую работу, конечно, отнюдь не имели в виду наши научные интересы, они не могли полагать, что мы, спустя почти тысячу лет, будем сетовать на них за то, что они не

---

[1]) Нынешний уездный город Овручь, в Волынской губ.

внесли возможной ясности и большего порядка в летописные известия. В то время, на рубеже первого тысячелетия, устранять эти „азы", повидимому, совсем было не нужно, так как современники, может быть, прекрасно знали поименно и редакторов и всех тех лиц, которые принимали участие в составлении Начальной летописи, и о которых мы, возможно, никогда ничего не узнаем. А если так, то, ведь, не было опасности Сильвестра смешать с Нестором или с тем монахом, который поступил в монастырь в 1051 году. Самое же главное—нам не следует забывать, что новые редакции сводов возникали для практических и только для практических целей: надо было одни известия, преимущественно политического характера, совсем уничтожить, кое что смягчить, другое ввести заново и т. д. Вот такого рода работа и была у редакторов на первом плане. Согласование же между собою известий вроде указания места погребения Олега, замена личного местоимения „аз" иным и пр.— это для редакторов было мелочью. И, наконец—таковы были приемы литературной работы того времени — составители сводов пользовались отдельными источниками довольно примитивно (это явление наблюдалось и в средневековой Европе) источник переписывался целиком (или почти целиком) даже без изменения заявлений от первого лица, — что, конечно, вело к ряду противоречий.

Теперь, мы надеемся, наш недоуменный вопрос является устраненным.

Однако, перейдем к обозрению иных, кроме летописей, памятников.

Другие памятники. В лекции, посвященной историографии, мы уже упоминали о таком памятнике 16-го

века, как Степенная книга, представляющая собою переработку летописного материала в виде пересказа его с некоторым предвзятым освещением фактов (в этом отношении одна из летописей 16—17 веков, Никоновская, подобна Степенной книге). Там же мы говорим о хронографах, получивших особенное распространение в 17-ом веке и являющих собою изложение всемирных событий [1]).

Для историка имеют большее значение не только летописи, хронографы и пр., но и просто литературные произведения. А подобные труды появились еще в киевской Руси и оттуда, почти непрерывной лентой, тянутся вплоть до наших дней. Изучение этих трудов освещает отдельные темные моменты нашего прошлого и помогает уяснению общего духа той или иной исторической эпохи.

При нашем разборе состава Начальной летописи мы отмечали произведения Нестора (Житие Феодосия и др.), митр. Иллариона, Патерик печерский и т. д. Имеется не мало разных сказаний, занесенных в летописи (напр. об ослеплении Василька, о Куликовской битве и пр.). Изучает историк и поэтические произведения, напр., былины, дающие подчас ценные указания о быте и нравах известного периода нашей истории. Интересует историка и полемическая литература, которой особенно богат был 16-й век (сочинения Ивашки Пересветова и др.). В 17-м веке, в период смутного времени и вскоре после него, создается ряд

---

[1]) В хронографах древнейших, византийских, обычно обозревались события истории библейской, византийской, славянской и русской. Еретики — латиняне и народы „поганой веры магометанской“ мало интересовали наших предков.

сказаний о смуте (келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына и др.); в 17-м же веке русские люди начинают писать дневники, записки — мемуары (напр. мемуары А. А. Матвеева и др.), эта мемуарная литература наростает в последующие века. Любознательный историк не проходит мимо и, так называемой, агиографической литературы, т. е. житий святых и разных повествований о чудесах. В сфере агиографической литературы особенный интерес имеют житии, написанные до 15-го века: они просто и безыскусственно рассказывают о быте известной эпохи, а иногда роняют и очень ценные указания (напр., из жития Стефана Сурожского мы узнаем, что народ с именем „Русь" был в Крыму до 862 года, когда, как гласит летопись, Русь была призвана в Новгород с Рюриком во главе [1]). С 15-го века качество жизнеописаний святых падает: трафарет, условная форма, губит правдивость изложения.

К историческим памятникам относятся также и многочисленные труды иноземных писателей, писавших о нашей стране, из которых одни были на Руси, другие

---

[1]) Житие Георгия Амастридского рассказывает о нападении в самом начале 9-го века князя россов на берега М. Азии. Некоторые византийские хроники сохранили, под 835 годом, сообщение кагана хазарского о том, что на него готовится нападение народа русь и поэтому он просит против народа рось помощи у Византии. В иных памятниках, как напр. в Бертинской летописи о народе рось упоминается под 839 годом. Таким образом чрезвычайно сомнительно, чтобы 862 год был верным годом прибытия к славянам руси. Этот год был произвольно поставлен позднейшим составителем летописного свода и обозначает собою лишь более или менее приблизительную дату, но обо всем этом в следующем выпуске.

же писали о ней по наслышке. Писали о Руси арабские писатели (Ибн Хордадбе, Ибн Фадлан, Ибн Даста и др.)—в 9-ом и 10-ом веках; писали византийцы (Лев Диакон, Константин Багрянородный и пр.)—в 10-ом веке; Готы (Иорнанд) — в 6-ом веке; греки (Геродот, Гиппократ, Страбон и др.)—начиная с 5-го века до Р. Хр.; писали поляки (Галла—в 12-ом веке, Длугоца—в 15-ом). Наибольшее значение имеют труды следующих писателей: Плано Карпини (13-ый век), Герберштейна (16-ый век), Иовия (16-ый век), Горсея (16-ый век), Флетчера (конец 16-го века), Маржерета (17-ый век), Олеария (17-ый век), Мейерберга (17-ый век) и Корба (конец 17-го века). 18-ый век нашей истории освещается в дипломатических донесениях европейских послов при русском дворе и мемуарами иностранцев.

В заключение следует остановиться на памятниках юридическо-общественного характера, освещающих как правительственную, церковную, так и деятельность частных лиц. Этот род памятников—неиссякаемо-богатый источник для историка. Сюда относится все, что именуется обычно грамотами или актами.

Эти грамоты (или акты) можно подразделить на три категории: 1) грамоты, даваемые правительственною властью; 2) грамоты из области церковного права и 3) частные грамоты.

1. Грамоты, даваемые правительственною властью: а) по внутренним делам, которых две больших группы, а именно: грамоты жалованные и наказные.

Преобладающий мотив жалованных грамот в широком смысле—льготы. Наиболее древние из жалованных грамот отражают в себе финансовые и судебные цели. Из первоначального типа развились уставные грамоты

местного правительственного управления; затем—земские, судебные и, наконец, губные.

Наказные грамоты давались различным органам управления по отдельным вопросам управления и суда. К этой категории принадлежат грамоты: отказные, сыскные, межевые и пр.

б) Процессуальные грамоты, — некоторые из них относятся к области наказных грамот, другие—к жалованными. Сюда же следует причислить: ввозные и послушные грамоты, челобитья и приставные памяти, поручные, срочные, зазывные и т. д.

в) По внешним делам: грамоты взметные, разметные и складные, которыми об'являлась война; договорные и докончальные, определявшие отношение великих и удельных князей между собою; опасные—давались иностранным послам на свободный в'езд в московское государство; проезжие, которыми снабжались лица, желающие по каким либо делам выехать за рубеж и пр.

2. Грамоты из области церковного права: благословенные, которые давались новопоставленному священнослужителю перед отправлением его в приход; ставленные, уставные, настольные, представительные, увольнительные и др.

3. Грамоты частные. Сюда относятся все те письменные акты, в форму которых облекались юридические сделки. Поэтому грамоты эти содержат в себе обозначение суб'ектов, об'ектов и существа сделки. К обширному отделу частных грамот относятся: вкладные и данные, передававшие монастырям и церквам право собственности на недвижимости; духовные, содержащие завещательные распоряжения; разного рода кабальные записи—служилые, заемные, закладные, причем все они

означали заемную расписку; записи кортомные, купчие, меновые, мировые, поручные, порядные, раздельные и т. д.

Непременно следует отметить, что, в виду сравнительной слабости государственной власти в до-петровской Руси, очень важное значение имеют наши старинные частные акты. Они являлись в значительной мере продуктом народного творчества и отражая в себе потребности и интересы обыденной жизни общества, давали много ценных сведений о народной как материальной, так и духовной жизни.

И, действительно, если мы возьмем, напр., духовные князей и частных лиц с их подробными сведениями о движимом и недвижимом имуществе завещателя, о тех имущественных отношениях, какие существовали между ними и другими членами семьи; если мы возьмем полные и служилые кабалы, порядные и ссудные, дающие нам понятие о развитии крепостного права и пр.—мы, в конце концов, получим почти полную картину хозяйственного быта старой Руси.

В частных актах встречаются иногда весьма характерные данные, касающиеся социальных отношений. В свою духовную 1627 г. некий Пантелеймон Солнцов, пожертвовавший много вкладов в нижегородские церкви и монастыри, счел нужным внести следующие строки, дающие колоритную картину быта: „такоже и сирот моих, которые мне служили, мужей их и жен и вдов и детей, чем буде оскорбил во своей кручине, боем, по вине и не по вине, и к женам их и ко вдовам насильством, девственным растлением, а иных есми грехом своим и смерти предал, согрешил во всем и перед ними виноват: простите меня грешного и благословите и разрешите мою грешную душу в сем веце и в буду-

щем, а вас, государей моих, во всем бог простит и благословит в сем веце и в будущем; також крестьян моих и крестьянок, чем кого оскорбил в своей кручине, лаею и ударом и продажею, по вине и не по вине, во всем перед ними виноват: простите меня и благословите и разрешите мою грешную душу в сем веце и в будущем, а вас, государей моих, во всем бог простит и благословит в сем веце и в будущем".

Обособленное положение в описываемом нами разряде юридических памятников занимают Приказные книги, известные во многих видах: книги писцовые (содержали поземельную опись московского государства) и переписные (перепись людей податных классов)—документы 15-17 веков, служившие основанием для податного обложения; книги кормленые и десятни, заключающие подробную перепись служилых людей и пр.

На этом мы и закончим наш обзор источников русской истории.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ.

Общая связь элементов бытия. Жизнь современного общества имеет корни в минувших веках. Исторический период существования народов тесно связан с такими временами, о которых нам ничего не могут рассказать ни письменные памятники ни устные предания. Если мы пойдем еще дальше, в глубину тысячелетий, то очень скоро и совсем потеряем из виду самого человека, но зато натолкнемся на его предка, на это загадочное звено, связующее род людской с миром животных. Во тьме же веков, минуя различные и многочисленные ступени высших и низших форм жизни, мы, может быть, отыщем тот чудесный клубок, из нитей которого старая, искусная пряха, суровая Необходимость, выткала весь яркий узор жизни. На заре же самой седой древности, „в начале времен", когда факел жизни даже робко-трепетным, едва заметным пламенем не освещал землю, наша планета, отграничившись в качестве отдельного члена от общего тела вселенной, приводила себя в известный порядок после тяжких и бурных мук своего рождения.

И вот, прежде нежели приступить к изложению русской истории, мы желали бы (конечно, очень бегло) коснуться существенных моментов отдаленной истории человеческого рода, вопроса о происхождении

многоликой жизни и генеологии нашей планеты. Другими словами, нам надо освежить в памяти кое что из наших познаний по археологии, антропологии, биологии, геологии и пр. [1]). Эти экскурсы в область только что названных наук подчеркнут связность человека и его истории с тем живым и мертвым, что когда то, более или менее давно, отдельными элементами входило в общее бытие. Попутно, мы постараемся вспомнить нечто и из физической географии [2]), а именно то, что указывает на изменение силами природы облика земли, каковые изменения не могут быть безразличными для человечества и не отражаться на ходе его истории.

Происхождение мира. Было бы грубым заблуждением воображать, что на основании всех знаний, которые когда либо имели люди и приобрели, мы можем вполне проследить истинную и полную историю развития нашей планетной системы. Пока что „мудрость природы", как говорил Бэкон, „неизмеримо превосходит во многих отношениях мудрость человека и его чувства". Но слова

---

[1]) Археология (в переводе с греческого—учение о древнем) изучает древний быт народов по всем памятникам какого бы ни было рода, оставшимся от далекого прошлого того или иного народа; антропология (в переводе с греческого—знание о человеке)—наука о происхождении, развитии и видоизменений человека в доисторические времена с его телесной стороны; биология (в переводе с греческ.—наука о жизни), в широком смысле слова,—учение о всех вообще жизненных, как внешних, так и внутренних процессах организмов; геология (в переводе с греческого—наука о земле)—изучает строение и историю развития нашей планеты.

[2]) физическая география изучает современное физическое устройство земной оболочки и те явления, которые в ней происходят под влиянием силы тяжести, тепла, света, магнетизма и электричества.

Бэкона не должны нас разочаровывать в возможности с каждым новым десятилетием все ближе и ближе подходить к разрешению основных тайн мироздания. Пытливый разум человека не боится никаких загадок бытия: медленно и осторожно, но упорно и настойчиво наша мысль, словно острая кирка горнорабочего, прокладывает путь через толщу неизвестного. И когда нибудь туннель будет прорыт. Тогда, при свете яркого солнца-знания, мы впервые, ясно и отчетливо, увидим всю действительность и все минувшее такими, какими они есть и были на самом деле.

Касаясь космогонии (учение об образовании мира), мы не можем не упомянуть о теории Лапласа (1749—1827), против которой в настоящее время имеется много возражений и которая уже не удовлетворяет требованиям науки, но, вместе с тем, эскиз Лапласа до сих пор является канвой для новейших теорий космогонии.

Лаплас берет солнечную систему в такой момент, когда солнце уже почти сформировано и окружено огромной раскаленной атмосферой, простирающейся за пределы орбиты самой далекой планеты. Вся эта масса вращалась в том направлении, в котором планеты движутся и теперь. Но, путем излучения, масса мало по малу теряла часть своего тепла и с утратой его—сжималась. Одновременно с ее сжатием, по законам механики, скорость вращения массы возрастала. Естественно наступал такой момент, когда центробежные силы [1]) на

---

[1]) Центробежная сила развивается при движении тела по кривой и происходит вследствие того, что инерция, благодаря ранее приобретенному движению, направляет тело по прямой, а не по кривой, на которой тело, однако, удерживается действием других сил. Стремление тела оставить кривую и продолжать движение по прямой и составляет центроб. силу.

экваторе солнечной массы превышали притяжение и тогда часть материи отделялась от общей массы в виде туманного кольца. Такое кольцо отрывалось на расстоянии каждой нынешней планеты. В силу своей неоднородности подобное кольцо разделялось в какой либо точке, а потом, под влиянием взаимного притяжения своих частей, соединялось около определенного центра, образуя планету, вращающуюся и вокруг своей оси и вокруг солнца. За первым кольцом от общей туманности отрывалось, в момент нового повторения описанных условий, второе кольцо—материал для следующей планеты и т. д.

Теория Лапласа подверглась обстоятельной критики со стороны целого ряда ученых (Фай, Чемберлин, Мультон и др.), предложивших, взамен ее, иные теории, более отвечающие современным данным науки. Мы лишены возможности останавливаться на всех этих теориях, но одну из них, теорию Фая (1814—1902), занимающую в науке, по сравнению с другими, наиболее солидное положение, отметить необходимо.

Фай, в отличие от Лапласа, берет более ранний период в развитии мироздания. В бесконечном пространстве двигаются, с разнообразной скоростью, подчиненные тяготению, грандиозные потоки материи. Неравномерная скорость порождает могущественные вихри, сбивающие материю в отдельные хлопья или облака. Сгущенные хлопья дают начало мирам. Эти миры состояли из различных химических элементов, обладали способностью переходить в твердое и жидкое состояние и из них то и развились звездные образования различных видов (созвездия, двойные звезды, солнечные системы и пр.). Солнечная система, подобная нашей, по

Фаю с'организовалась так. Наиболее правильный обрывок хаоса шаровидной формы охвачен внутренним вихрем. В конце своего сгущения обрывок хаоса принимает почти правильную сферическую форму и часть материи внутри клубка находится в медленном кружении. И вот, в различные периоды развития солнечной системы, центральная сила этой системы, действуя по различным законам механики в отношении притяжения любой внешней к сферическому клубку точке, создает такие моменты в образовании нашей системы: 1) сперва в недрах почти однородной шаровидной формы массы отделяются кольца, вращающиеся в одной плоскости и в прямом направлении около центра тяжести клубка; материя, не вошедшая в состав колец, стремится к центру; из колец ближайших к центру скопления, формируются планеты; 2) медленное создание солнца продолжается, планеты приближаются к солнцу, образуются (после Меркурия, Венеры, Земли, Марса, Юпитера и Сатурна) две последних планеты нашей солнечной системы Уран и Нептун, наиболее удаленные от солнца; 3) солнце окончательно сформировывается, равно как прочно устанавливается и движение системы, которая приходит к прочному равновесию. Таким образом Фай утверждает, что солнце появилось позже земли и некоторых других планет и раньше лишь Нептуна и Урана.

На схемах Лапласа и Фая [1]) мы и покончим с вопросами космогонии.

---

[1]) Гипотеза Фая, по сравнению с изящной гипотезой Лапласа, производит впечатление некоторой искусственности, что совсем не соответствует существу ее, так как она обнимает все факты, добытые наукою, и не вступает в такие противоречия с новыми открытиями, как космогония Лапласа. Возможно, что и

История земли. Как стара наша земля, какой период времени падает на те или иные геологические события, имевшие место на нашей планете, когда началась жизнь и пр.—вот ряд вопросов, которые естественно возникают у нас лишь только мы заговариваем об истории земли. До сих пор, к сожалению, не существует еще твердого метода определения геологического летоисчисления. Возраст земли пробуют установить на основании ряда методов: определяют время, необходимое для 1) отложения дельтовых осадков, 2) процессов отложения и размытия, 3) охлаждения земного шара до его теперешней температуры и т. д. Многочисленные методы приводят к очень разнообразным цифрам, в которые укладывается возраст земли. Но как бы не были пестры эти цифры, они, сами по себе, не могут внушать нам недоверие, если только они получены научным путем, где серьезность мысли комбинируется с ее остротой. С развитием науки и с утончением ее методов, верная цифра определения древности земли понемногу нащупывается и, возможно, в недалеком будущем мы и получим исчерпывающие ответы на вопросы, связанные с хронологией земли. Пока же мы имеем минимальную цифру для возраста земли в 28 милл. лет (Уоллес) и максимальную—свыше 500 милл. лет (Дарвин, Гексли).

Изучая историю земной коры, ученые все геологические памятники (горные породы, остатки флоры и

гипотеза Фая со временем уступит свое место иному построению,—может быть, даже более простой и новой гипотезе Лигонде, которая пока что еще не подверглась достаточной критической оценке специалистов.

фауны [1]), для удобства обозрения их, разбили на четыре больших группы, последние разделили на формации и т. д. Для внесения единообразия в геологическую классификацию на международном конгрессе геологов

---

[1]) Остатки, как флоры, так и фауны бывают разных типов: Растительные остатки: 1) скелеты растений,—очень редко растения обладают скелетом, остающимся нетленным после разрушения органических частей растения (напр. диатомовые водоросли, имеющие много кремнекислоты); 2) отпечатки растений,—растения под слоями ила и песка погребаются в воде, ил отвердевает, растения, заключенные в нем, разлагаясь, исчезают, оставляя точные свои опечатки; 3) реконструкция или воспроизведение природою растений (обычно части их), — что бывает когда илом заносятся массивные части растений, напр. стволы, после разрушения которых в горной породе остается полость с течением времени заполняемая каким либо минеральным веществом, благодаря чему, происходит как бы отливка моделей некогда живших растений; внешняя форма растения прекрасно сохраняется, когда оно попадает в жидкий янтарь (смола некоторых видов сосен третичного периода), потом отвердевающий,—растение разрушается в слое янтаря, но форма его остается; 4) бывают случаи, когда до нас доходят и органические части растений,—напр., стволы смолистых деревьев, смола которых как раз и защищает их от гниения, находимые в залежах торфа и угля, а торф и каменный уголь, представляющии из себя породы, образованные из растительных остатков, дают под микроскопом интересные данные о представителях минувшего растительного царства (споры, обрывки растительных тканей и пр.). Почти все намеченные типы остатков прежнего растительного мира соответствуют и типам фауны, давно прошедших геологических эпох: скелеты, отпечатки, реконструкция и т. д. До нас доходят и почти целые животные,—напр., сибирские снега сохранили нам труп мамонта с мышцами, даже с остатками пищи, бывшей у него в желудке в момент его гибели (мамонт был открыт в 1901 г. на р. Березовке, приток Колымы).

(в 1881 г.) было постановлено: 1) если геологические остатки рассматриваются как памятники, обозначающие время их образования, то устанавливаются такие наименования для их подразделений во времени: эры, распадающиеся на периоды, которые, в свою очередь, разбиваются на эпохи, имеющие еще деления на века; 2) если же стремиться ответить на вопрос лишь об относительном возрасте пород, составляющих земную кору, т. е. указать какая порода сравнительно древнее и какая моложе, то принимаются следующие наименования: группы (соответствуют эрам), распадающиеся на системы (—периодам), последние—на отделы (—эпохам), эти—на ярусы или этажи (—векам), имеются еще под'ярусы, комплексы слоев и слои.

Прежде нежели перейти к обзору групп, которых всего четыре: архейская, палеозейская, мезозойская и кайнозойская, мы считаем необходимым дать самое общее понятие о составляющих земную кору горных породах и о формах их залегания.

Земная кора состоит из минералов, тел неорганических. Минералы распределены в земной коре очень неравномерно: то они попадаются мелкими зернами (золото, изумруд и т. д.), то встречаются как разнообразные сочетания из многочисленных неделимых,—последние и носят название горных пород, из них то и состоит каменная масса земной коры. В зависимости от того слагаются ли горные породы из одного или нескольких минеральных видов, они подразделяются на простые (напр., мрамор, который есть аггрегат[1]) одного

---

[1]) Аггрегат—тело, состоящее из скопления однородных или разнородных неделимых частиц.

известкового шпата) и сложные (напр., гранит—аггрегат кварца, полевого шпата и слюды). Разнообразные свойства пород (состав, структура, форма их залегания и пр.) определяются соответствующими геологическими агентами, одни из которых обусловливаются внутреннею теплотою земли, а другие внешнею теплотою от солнечных лучей. Внутренняя теплота вызывает к жизни процессы тектонические (извержение вулканов, землетрясение и т. д.), ведущие, с одной стороны, к образованию массивно-кристаллических пород и основных форм пластики земной поверхности, а с другой—изменяющие внутреннее строение или тектонику (откуда и название самих процессов) земной коры. От солнечной (внешней) теплоты зависят процессы денудационные, обнимающие всю совокупность химических и механических воздействий на каменные массы со стороны организмов, движений в атмосфере и гидросфере; процессы размыва или денудации (отсюда и наименование их), измельчая породы и перенося их обломки с место на место, вносят в основной тектонический рельеф бесконечное разнообразие, как в вертикальном, так и в горизонтальном его расчленениях. Но несмотря на все разнообразие условий образования пород, в этом отношении, различают две главных группы их: 1) осадочные или нептунические породы, созданные денудационными агентами и залегающие обычно в форме слоев или пластов (известняки и пр.) и 2) изверженные или вулканические породы, происшедшие под влиянием тектонических процессов и залегающие массивами, без слоев (шпаки и т. д.). Хотя в настоящее время известно до двух тысяч минеральных видов, но количество главных элементов и минералов, из которых слагаются породы,

небольше 50—эти 50 минералов и называются породообразующими минералами (кварц, полевые шпаты, слюда, окислы железа, сера, углерод и др.).

Покончив с нашим замечанием о горных породах, мы хотели бы дать одну маленькую, но, на наш взгляд, важную справку по истории геологии.

До начала 19-го века, в силу господствовавших тогда в науке мнений, полагали, что каждая геологическая формация была совершенно обособленным периодом, отрезанным катастрофами как от пред'идущей, так и от последующей формаций[1]). Другими словами: в течение более или менее долгого промежутка времени жизнь на земле протекала сравнительно спокойно и на лоне этой жизни развивались своеобразные формы флоры и фауны; потом вдруг происходила какая либо грандиозная катастрофа в мировом масштабе (землетрясение, потоп и пр.),—флора и фауна данного периода исчезали бесследно, а после катастрофы все начиналось опять снова. Только при помощи теории катастроф и признавалось возможным об'яснить подчас резкое различие форм животного и растительного миров, остатки которых находили в пластах земной коры.

Но со времени издания капитальных трудов по геологии Карлом Гоффом (1822 г.) и Чарльзом Ляйэллем (1833 г.) во взглядах на историю земли произошли коренные изменения: был выдвинут и доказан принцип единства и постоянства явлений природы, которая, на протяжении неизмеримых пространств времени, медленно и постоянно творит согласно неизменным законам,

---

[1]) Крупнейшими представителями теории катастроф являются ученые Боннэ (1720—1793) и Кювье (1769—1832).

беспрерывно преобразуя и развивая всё существующее. Идеи Гоффа и Ляйэлля нашли себе блестящее подтверждение в учении Ч. Дарвина и др. великих ученых и вера в катастрофы и в периодическое зарождение видов (как оно понималось представителями теории катастроф) была окончательно подорвана. Но из сказанного не следует делать заключения, что наука вообще доказала невозможность, так называемых, геологических катастроф. Мы все знаем, что землетрясения происходят, бывает извержение вулканов и пр. Задача науки заключалась (и заключается) в том, чтобы показать, что „внезапности" в геологических катастрофах нет, что они есть следствие накопленного действия естественных сил природы; медленное влияние этих сил и в небольших размерах мы можем наблюдать в любой момент. Таким образом, новейшая геология об'ясняет свои революции (катастрофы) при помощи эволюции, т. е., по существу, тот же метод, который марксистами употребляется при об'яснении явлений общественной жизни.

Итак, приступая к обзору групп, мы должны все время помнить, что все перемены в областях органической и неорганической природы — звенья *единой* цепи развития материи, совершающегося под влиянием *неизменных* законов.

Архейская группа охватывает время начала возникновения земной коры, образование океанов и континентов.

Космогония, как мы уже говорили, учит, что наш земной шар вначале находился в огненно-жидком состоянии, окутанный густым облаком раскаленных паров. Потом, под влиянием холода мирового пространства земной шар стал остывать и на периферии его появи-

лась некоторая, хотя и тонкая, но все же твердая оболочка. Сильнейшие ливни (следствие охлаждающейся атмосферы сильно пасыщенной парами) образовали моря и океаны. Совокупность всевозможных перемещений в земной коре (дислокация ее), зависящая от охлаждения ее и пр., нарушила почти сфероидальный вид земли— появились складки, выступы и т. п. Сложились первые материки, которыми, судя по выходам на дневную поверхность архейских пород, были нынешняя Скандинавия, Финляндия, крайний север Северной Америки и северо-восток Азии. В пластах архейской группы пока не обнаружено остатков растений или животных и потому группа эта носит еще название азойской, что в переводе с греческого означает безжизненная. Архейские образования, надо полагать, охватывают весь земной шар и достигают громадной толщины. В Богемии, напр., толща архейских пород определяется в 30.000 метров [1]). Если взять возраст земли в пределах от 28 до 500 мил. лет,—напр. 100 мил. (Гетчинсон, Геккель и др.) [2]), то на архейскую эру придется около 52 мил. лет. В отношении полезных ископаемых архейская группа занимает первое место в ряду других образований: алмазы, золото, серебро, платина, медь и железо встречаются именно в толще архейских пластов.

---

[1]) Если принять радиус земного шара (средний) за 6.378.000 метров, то мы видим, что архейские пласты вместе с пластами последующих групп, общая толща которых около 20.000 метр., составляют приблизительно $^1/_{128}$ часть среднего земного радиуса. Под архейскими пластами, как думают ученые, находится слой огненно-жидкой магмы окутывающий самую значительную по объему часть земли—твердое, огромной плотности, металлическое ядро.

[2]) В дальнейшем возраст земли мы будем принимать за 100 мил. лет.

Если обычно дальнейшее подразделение групп основывается на способе залегания пластов и на роде окаменелых растений и животных, в них находимых, то деление архейской группы на системы базируется исключительно на изучении горных пород, составляющих эту группу, так как, — об этом мы уже упоминали,— жизнь в течении архейской эры еще не зажигалась [1]). Архейская группа делится на две системы — Лаврентьевскую и Гуронскую.

Лаврентьевская система название свое получила от реки св. Лаврентия в С. Америке, где впервые была изучена толща принадлежащих к этой системе пород. Эта система состоит, главным образом, из гнейсов. В России [2]) лаврентьевские пласты можно наблюдать в Финляндии, в Олонецкой и Архангельской губерниях; на юге — в Волынской, Подольской, Киевской, Екатеринославской, Херсонской, Воронежской и др. губ., но здесь породы этой системы покрыты более новыми образованиями и обнажаются в берегах рек и в овра-

---

[1]) Так как в палеозойскую эру, в нижних пластах группы, многочисленная и многообразная флора и фауна появляется как то внезапно, то очень может быть, что и в архейских породах будут современем обнаружены остатки органической жизни. Правда, Даусон в Канаде и Пузыревский в Финляндии нашли некое образование в архейских пластах, следы, как предположил Даусон, огромной корненожки, окрещенной эозоном или „первоживотным" (эос — заря, зоон—животное). Но ряд ученых (Кинг, Ровней) пришли к заключению, что скелеты эозона — чисто минеральные образования. Позже Даусона, Кайе открыл в пластах, относящихся к концу архейской эры, по его мнению, остатки губок, так называемых радиолярий, простейших организмов. Но вопрос с этими радиоляриями — вопрос очень спорный.

[2]) Мы берем Россию в границах до революции 1917 года.

гах; на востоке — на Урале и в некоторых пунктах Сибири[1]).

Гуронская система называется так от имени озера Гурона в С. Америке, где наиболее мощно развиты породы этой системы, состоящей из слюдяного сланца и филлита. Породы системы можно наблюдать на севере России и на Урале, где они изобилуют простыми и благородными металлами и месторождениями драгоценных камней (напр., изумрудные копи в 65 вер. от г. Екатеринбурга).

Палеозойская [2]) группа, имеющая толщу около 20.000 метр., создавалась, повидимому, около 34 милл. лет. Породы ее состоят из разнообразных песчаников, кремнистых сланцев, кварцитов, известняков, каменного угля и пр. Эта группа распадается на пять систем (считаем от нижних отложений): 1) кембрийскую (по имени Кембрийских гор в Корнвалисе), 2) силурийскую (по имени силуров, древних жителей, населявших Уэльс в Англии, где эта система впервые изучалась), 3) девонскую (Девоншир — провинция Англии), 4) каменноугольную (по богатству каменным углем) и 5) пермскую (по имени Пермской губ., где эта система выявлена особенно хорошо).

Кембрийская система характеризуется песчаниками, глинами и отчасти известняками. Из глин имеет наибольшее распространение нежная, синяя лепная глина — ее находят в долинах многих рек, впадающих в Финский залив; толща пластов этой синей глины, как показали исследования, достигает до 140 сажень. Окаме-

---

[1]) И здесь и в дальнейшем мы, указывая местонахождение пород тех или иных систем, будем иметь в виду главным образом Россию.

[2]) Палеос — древний, зоон — животное.

челостей в пластах системы встречается довольно много, причем преобладают морские формы, из которых самым интересным животным является трилобит, родственный современным ракам. Эти животные, ростом от пшеничного зерна до аршина, буквально кишели в кембрийских и силурийских морях [1]). Из растительных форм встречаются отпечатки водорослей.

Отложения силурийской системы (песчаники, глины, известняки и др.) имеют уже иной, по сравнению с предыдущей системой, стиль животных и растений, каковым стилем, в связи с положением пластов (лежит пласт выше или ниже), и руководствуется геолог, устанавливая известные подразделения в группе горных пород. В силурийских известняках встречаются в большом количестве морские лилии, кораллы, моллюски и трилобиты (иного рода нежели в кембрийскую эпоху). Высшая ступень организмов эпохи — рыбы с зачатком позвоночного столба. Из морских растений особенно были распространены диатомовые водоросли. В России пласты этой эпохи выступают на дневной свет в Эстляндии, Лифляндии, около Петрограда, на Днестре, в Тиманском кряже в Сибири.

Девонская система (песчаники и известняки) особенно любопытна своим красным песчаником, которого

---

[1]) Распределение моря и суши в различные геологические эпохи, как известно, менялось: водные пространства кембрийской эпохи, по своей площади, географическому положению и очертаниям, отличались от таких же пространств силурийской эпохи и т. д. Все изменения в распределении моря и суши зависят от целого ряда причин: от дислокации земной коры (образование различных складок и сбросов), от постепенного намывания и размывания и пр.

так много на поверхности земли в Шотландии. У нас девонские отложения занимают южные части Олонецкой и Петроградской губ., а также губернии Новгородскую, Псковскую и др. В эпоху девона жили рыбы исчезнувших ныне пород, — интересны рыбы, покрытые панцырем, а также твердой чешуей. В эту же эпоху мы встречаемся с наземными обитателями: с некоторыми насекомыми, моллюсками и пр., а из растений — с папоротниками, хвойными и т. д.

Каменноугольная система слагается из ряда пород, из которых с промышленной стороны большое значение представляют значительные скопления каменного угля и антрацита, являющихся прекрасным минеральным топливом. В нашей стране породы этой системы (кроме угля и антрацита—известняки, песчаники, глины и пр.) можно наблюдать в Московской и губерниях с нею смежных, а также в Донецком и Кузнецком (в Сибири) бассейнах. Уголь Донецкого бассейна был известен еще при Петре I, разработка его в последнее время выражалась в сотнях миллионов пудов. Каменноугольная эпоха отличается сильным развитием наземной органической жизни. Богатая флора этой эпохи поражает гигантскими размерами своих представителей, — так лепидодендроны достигали десятка саженей в высоту. Из животных мы встречаем скорпионов, пауков, насекомых, голых гадов, высокоорганизованных раков и пр. Насекомые, подобно растениям, отличались своей величиною: так кузнечики в размахе крыльев имели до одного аршина, т. е. были не меньше нашей курицы.

В Пермской системе, состоящей из песчаных, глинистых и известковых пород, наиболее интересны с промышленной точки зрения мощные залежи каменной

соли. В России пермские пласты занимают огромные пространства. В рассматриваемую эпоху мы замечаем значительный прогресс в мире позвоночных: появляются настоящие пресмыкающиеся, близкие к современным ящерицам. Каменноугольная флора продолжает жить в пермскую эпоху: хотя почти все виды ее вымерли, но роды и семейства остались те же. У нас, в России, были распространены папоротники.

Мезозойская группа [1]) имеет мощность слоев около 1.000 метр. в толщину (некоторые ученые полагают - до 3.500 метр.) и на образование пород этой группы, надо полагать, потребовалось приблизительно 11 милл. лет. Группа делится на три системы: 1) триасовую (наименование от латинского слова „трес“—три впервые получено в Германии, где система легко распадается на три отдела), 2) юрскую (от Юрского кряжа) и 3) меловую (впервые это название было получено системою в Англии и Франции, где, среди пород системы, пишущий мел играет большую роль).

Триас, оправдывая свое название, состоит из трех слоев: песчаника, известняка и глинисто-песчаного слоя. В нашей стране триас встречается редко — он найден в Польше и в Киргизских степях. Тайнобрачные [2]) растения вытесняются цикадовыми и хвойными. Появляются громадные морские животные, названия которых, в переводе на русский язык, дают представление

---

[1]) Мезоз — средний, зоон — животное.

[2]) Все растения, как известно, делятся на тайнобрачные (водоросли, грибы, мхи, папоротники, хвощи и плауны) и явнобрачные, которые, в свою очередь, распадаются на однодольные (злаки, пальмы и пр.) и двудольные (большинство деревьев, цветковых растений и т. д.).

об их виде: ихтиозавры (рыбы-ящерицы), динозавры (страшные ящерицы); были пресмыкающиеся, вроде птеродактилей (летающая ящерица); впервые появляются млекопитающиеся — сумчатые. Чтобы дать хотя бы скромное понятие о животных триаса, укажем, что, напр., динозавры были и довольно изящной формы, около двух футов в длину, и гиганты, достигавшие 100 фут. длины.

Юрские слои наблюдаются у нас в Крыму, по правому берегу Волги и еще кое где. Они состоят из известняков, песчаника, некоторых глин и мергелей. Пресмыкающиеся продолжают играть первенствующую роль, причем они были самых разнообразных видов: и хищные, и травоядные, плавающие, бегающие, скачущие, ползающие и даже,—хотя это и покажется абсурдом, — летающие пресмыкающиеся. В данное время известно два экземпляра последнего вида: один экземпляр „первоптицы" или археоптерикса без головы находится в Лондоне, а другой, с головою, в Берлине. Археоптерикс обладает птичьими костями и перьями, но челюсти ее вооружены зубами, хвост же ее состоит из отдельных позвонков как у ящерицы; передние конечности представляют нечто среднее между крылом и лапой: это—крыло, снабженное двумя пальцами с когтями. По величине археоптерикс был небольше грача. На примере „первоптицы" мы видим, что те порядки, которые в настоящее время резко отграничены друг от друга (напр., пресмыкающиеся и птицы), не так легко отличались в древние времена. Флора юрского периода, отчасти напоминает теперешнюю флору Австралии: так, были саговые пальмы и пр.

Меловая система слагается из различных песчаников и меловых пород, среди последних имеется и пишу-

щий мел. Породы этой системы могут быть наблюдаемы в России в Западном крае (в Польше), а также в Крыму, на Кавказе и в центре (Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская и др. губернии). Меловая система дает и такие полезные ископаемые как уголь, железные руды, фосфориты и др. В области флоры замечается большой прогресс по сравнению с юрской эпохой: появляются лиственные деревья и среди них дубы, ивы, тополи, магнолии и др., дошедшие и до нашего времени; причем заметим, что магнолии найдены не только в ныне умеренных поясах Европы, но даже в Сев. Гренландии, что свидетельствует о теплом климате в нашем полушарии. Из животных эпохи интересно отметить появление таких рыб, которые и теперь господствуют в наших морях, т. е. с вполне развитым позвоночным столбом. Земноводные отсутствуют, но пресмыкающиеся держатся. Отметим любопытную форму травоядного-животного—игуанодона (назван так вследствие сходства его зубов с зубами современной маленькой ящерицы игуаны): грузный, длиною до 7 сажень, он питается древесными листьями в лесах. Появились настоящие птицы.

Кайнозойская [1]) группа имеет толщу слоев около 1.000 метров, на образование которых пошло навряд ли больше 3 мил. лет. Распадается группа на две системы: 1) третичную и 2) четвертичную. Если классификация пред'идущих групп и систем покоилась на сравнительно правильной последовательности залегания пластов, которые более или менее легко характеризовались находимыми в их толще остатками животных и растений, то,

---

[1]) Кайнос—новый, зоон—животное.

нужно заметить, что подобный обычный метод неприменим по отношению к кайнозойским породам. Дело в том, что эти породы в громадном большинстве случаев залегают отдельными островами и поэтому невозможно решить какую группу слоев следует считать верхней и какую нижной. Тогда ученые решили определить их взаимные отношения по ископаемым: Ляйэлль по раковинам моллюсков, сравнивая число ныне живущих их форм с общей суммой раковин, найденных в каждой отдельной группе слоев, разбил третичную систему на отделы или периоды: 1) эоцен (заря новой жизни), 2) миоцен (менее новая) и 3) плиоцен (более новая). Есть еще отдел—плейстоцен (новейший), который можно рассматривать как звено между третичной и четвертичной системами. Последняя же система делиться на два отдела или периода: 1) ледниковый и 2) современный.

Не входя в обзоры отделов, укажем, что в третичную эпоху, образования которой широко распространены в России, флора и фауна были уже до известной степени близки к современной. Изучая остатки флоры, мы можем утверждать, что климат в Европе в течение третичной эпохи, последовательно переходил от тропического к умеренному, а в некоторых местах даже к холодному. В третичную эпоху появляются почти все порядки современных млекопитающих, хотя отдельные виды их теперь уже и не существуют: напр. палеотерий (подобие тапира), антрекотерий (подобие свиньи), мастодонт (подобие слона) и др. Водились так называемые „сборные“ типы животных, т. е. такие, в каждом из которых были собраны черты различных в наше время порядков млекопитающих: так, упоминавшийся нами, палеотерий соединял в себе признаки тапира, лошади и

носорога, каковые животные, повидимому, и произошли именно от палеотерия.

Еще в конце третичной эпохи, вследствие изменившихся климатических условий, на севере Европы началось зарождение громадных ледников. А в начале следующей эпохи огромный ледник двинулся с высот Скандинавии, покрыв собою большую часть современной России: так, южная граница ледяного покрова, с первого взгляда невероятной толщины (от 1.000 до 3.000 метров), проходила по губерниям: Волынской, Херсонской, Екатеринославской, Харьковской и Воронежской, заворачивая дальше на северо-восток. К концу так называемого ледникового периода ледники, опять таки благодаря перемене в климатических условиях, стаяли. Само собою разумеется, что вдоль южной границы ледников могла ютиться самая бедная, чахлая флора и остатки подобной флоры, клочки типичной северной тундры, мы и сейчас встречаем на юге России,—напр. моховые болотца Полтавской губернии. К флоре ледникового же периода относятся карликовые березы, полярные ивы, горные сосны. Что касается фауны, то в ледниковый период жили на юге России слоны и носороги, покрытые шерстью, ряд уже вымерших и много до настоящего времени существующих животных, — волки, лисицы, горностаи, хорьки и др. В ледниковый же период, после обезьян, фигурирующих еще в третичную эпоху, появляется и человек, так далеко ушедший вперед в послеледниковый период, незаметно сливающийся с историческими временами.

Суша и море. В заключение нашего очерка по истории земли коротко коснемся двух важных вопросов: 1) распределения в различные геологические эпохи суши

и моря и 2) гипотез, поясняющих перемены в климатических условиях давно минувших времен.

Распределение и перераспределение суши и моря на земле зависит от процессов, изменяющих облик земли. Эти процессы могут быть подразделены на две группы: внутренние и внешние. Источником для первой группы служит теплота земли, а для второй—солнечная энергия. Внутренние процессы создают неровности на земле, усиливают ее рельэф, а внешние—сглаживают (главным образом) эти неровности. Таким образом, оба процесса находятся между собою в постоянной борьбе, в результате которой и является крайнее разнообразие поверхности суши (равнины, холмы, горы, долины, овраги и пр.).

Процессы первого рода состоят в следующем. Внутренняя теплота земли [1]), просачиваясь постепенно через земную кору, поглощается холодным мировым пространством. И земля, хотя и медленно [2]), но все же охлаждается. Ядро земли и магма сокращаются в своем об‘еме, причем сокращение это происходит довольно равномерно, так так, благодаря высокой температуре и ядро и магма обладают эластичностью. Верхние же слои земной коры, достигшие уже давно постоянной температуры, мало эластичны и потому не могут сжиматься равномерно в соответствии с внутренним веществом земли. И вот, земная кора, делаясь просторной для своего содержания, вследствие силы тяжести, проваливается, морщится, образуются складки, сбросы. Так, часть суши

---

1) Предполагают, что на глубине 85.000 метров от поверхности земли температура достигает 2.500 градусов.

2) На 42 градуса в миллион лет, как показали исследования Гергезеля.

опускается, а другая часть, наоборот, поднимается в виде гор.

Из процессов второго рода, обусловленных действием солнца, наибольшее значение имеет выветривание горных пород, т. е. разрыхление и измельчание их под влиянием колебания температуры, замерзания воды, таяния льда и т. д. Выветривание, на протяжении значительных промежутков времени, способно значительно изменить облик земли.

Итак, взаимоотношения между сушей и водными пространствами в отношении их площади, географического положения и очертаний меняются.

Изучение распределения пластов, а также находимых в них ископаемых, показывает, что в архейскую эру почти вся Европа была залита водою; возвышались лишь север Скандинавии, часть Шотландии, Финляндия север Олонецкой и Архангельской губерний, Тиманский кряж и Уральский хребет, кряжи Волынской, Киевской и Екатеринославской губерний и некоторые хребты Европы. В течение палеозойской эры несомненное увеличение суши можно лишь отметить к началу девонского периода, когда (будем говорить только о Евр. России) восточная половина России, включая пункт, где ныне стоит Москва, была залита сплошным морем—от Ледовитого океана до Каспийского моря, но западная часть страны (пункты: Петроград, Орел, Харьков и др.) была уже свободна от воды. К концу палеозойской эры площадь материка значительно увеличилась,—море отступало на юго-восток и, напр., нынешняя Московская губерния выступает из под воды. Но так как колебания земной коры в пределах современной Евр. России происходили то в широтном, то в меридиональном направлениях,—

море расплескивалось от запада к востоку или от севера к югу. Если в конце Пермского периода море было вытянуто с севера на юг, причем такие пункты как Воронеж, Харьков, Орел были сушею, то, в конце мелового периода, море, очистив северную и среднюю Россию, вытянулось с запада на восток, залив только что указанные пункты, причем, в виде островка, выплывал лишь район Киев-Херсон-Новочеркасск. В разные эпохи кайнозойской эры морские бассейны России заняты энергичным перемещением. Если сперва (начало эоцена) море ограничивалось территориями Туркестана, Закавказья, нижнею частью течения Волги и отчасти Крымом, то спустя некоторое время (та же эпоха—середина эоцена) оно широко разливается по всему югу России; в начале миоцена почти весь юг превращается в сушу, а в середине миоцена часть южно-русской суши снова завоевывается морем и т. д. И лишь к концу четвертичного периода, мало по малу, наши моря приобретают те очертания, которые они имеют в настоящее время.

Изменение климата. Для суждения о состоянии климата в первоначальную эру существования земли в нашем распоряжении имеется чрезвычайно скромное количество данных. Относительно климата палеозойской и мезозойской эр мы, на основании остатков флоры и фауны этих эр, можем сказать, что тогда тепло было распространено однообразно [1]) по всей поверхности земли и климат был жарким,—напр., во время триаса цикадовые пальмы произрастали даже на севере (земля Франца-Иосифа). Если раньше распределение тепла на земле

[1]) Это утверждение следует принимать с известной осторожностью, так как в науке выдвигается предположение, что конец палеозоя был ознаменован ледниковой эпохой.

изменялось очень медленно, то в течении кайнозойской эры климатические условия меняются довольно быстро и в отдельные эпохи—даже резко (напр., оледенение). Перемена темпа в изменении климатических условий кайнозоя влечет за собою изменение темпа и в ходе развития органической и неорганической природы — медленность сменяется ускорением.

Причины изменения климата освещаются гипотезами, которые могут быть разделены на три группы: 1) гипотезы астрономические, 2) космические и 3) теллургические.

Астрономические гипотезы базируются, главным образом, на двух моментах: 1) на изменении наклонения земной оси к плоскости ее орбиты (полный круг этого изменения совершается в течении 25.800 лет) и 2) на изменении эксцентриситета земной орбиты [1]) (максимум эксцентриситета последний раз был за 850.000 лет до нашей эры). При наличии изменений наклона земной оси и эксцентриситета, разница в продолжительности зимнего полугодия по сравнению с летним может доходить до 36 дней. Поэтому, когда земля будет наиболее далека от солнца, долгие зимы станут настолько холодными, что в течении короткого лета лед и снег не успеют исчезнуть и в данном полушарии наступит ледниковая

---

[1]) Напомним, что орбиты всех планет имеют форму эллипсов и в общем фокусе их помещается солнце. Но этот фокус не будет центром для каждого отдельного эллипса той или иной планеты: здесь возможны несовпадения. И вот, если мы большую полуось эллипса земли проведем через точку, где находится солнце, то величина отношения большой полуоси земного эллипса к прямой, соединяющей центр эллипса с центром солнца, и будет представлять эксцентриситет земной орбиты.

эпоха. Слабость подобных гипотез заключается в том, что они устанавливают периодическое повторение ледниковых эпох и притом попеременно как в южном, так и в северном полушариях, что совсем не подтверждается наукою.

Из космических гипотез мы остановимся на гипотезе Дюбуа, к которой рядом ученых, а в их числе и самим Дюбуа, были предложены некоторые поправки. Гипотеза гласит, что изменение климата земли, с тех пор как появилась на земле органическая жизнь, зависит только от солнца. Солнце же в своем развитии должно было пройти четыре фазы: 1) состояние белой звезды[1]) с очень высокой температурой по сравнению с нынешней температурой солнца,—этой фазе соответствует период жизни земли до начала кайнозойской эры; 2) сравнительно краткое состояние желтой звезды, сопровождаемое быстрым охлаждением, которое и обнаружилось на земле с начала кайнозоя до ледниковой эпохи; 3) последующее состояние желтой звезды, когда, почти постоянная температура солнца, вследствие некоторых время от времени повторяющихся в солнечном теле химических процессов, временно понижалась (тогда солнце принимало красноватый цвет), что вызывало на земле возникновение ледниковых и междуледниковых эпох; и 4) состояние красной звезды с постепенным переходом солнца в темное тело,—оно потухнет и наступит „начало конца“

Теллургические гипотезы, напр., гипотеза Аррениуса, исходят из положения, что приток тепла от солнца не меняется (это положение, как мы видели, принимают и

---

[1]) Звездою, как известно, называется светящееся собственным светом небесное тело; поэтому, солнце—звезда. Темные небесные тела, освещаемые солнцем, называются планетами.

астрономические гипотезы), колебания же климата зависят только от неодинаковой степени поглощаемости лучей атмосферой. Аррениус утверждает, что содержание угольной кислоты в воздухе величина переменная: в данное время она, по об'ему, составляет лишь 0,03% воздуха, в периоды наиболее энергичной деятельности вулканов (что наблюдалось в истории земли) процент угольной кислоты увеличивается, во времена же интенсивного образования известняков или залежей горючего ископаемого и пр., поглощающего значительные количества угольной кислоты, процент ее падает. Опыты показали, если бы нынешнее содержание угольной кислоты в воздухе увеличилось в 2—3 раза, то температура в тех же широтах и полярных областях поднялась бы до 9 градусов Цельсия, а это повлечет за собою распространение на теперь полярной территории иной флоры и фауны. Поднятие же температуры в связи с увеличением содержания в воздухе угольной кислоты об'ясняется именно тем, что угольная кислота, как думает Аррениус, обладает способностью задерживать, подобно экрану, улетучивание теплоты, исходящей от слабо нагретых тел (от земли) и, наоборот, очень теплопроводна для солнечных лучей.

Заключение. Конечно, не следует думать, что наш беглый очерк истории земли, в главных своих частях, покоится на положениях твердо установленных в науке. Современный уровень наших знаний пока позволяет нам по целому ряду вопросов (происхождение планет и нашей земли, климат минувших эпох и пр.), для об'яснения их, выдвинуть лишь рабочие гипотезы, которые в дальнейшем должны подвергнуться значительному совершенствованию. Но и то, что мы знаем или угадываем

из истории земли вполне может служить фоном, который позволит нам ниже оттенить ряд вопросов, трактующих о происхождении жизни, человека, первоначальной судьбе последнего и пр.

Некоторые сведения по истории земли, на которых мы уже останавливались, приводим ниже уложенными в небольшую табличку:

ГРУППА.	СИСТЕМА.	ФЛОРА.
Архейская . .	Лаврентьевская Гуронская.	Признаки органической жизни очень сомнительны.
Палеозойская .	Кембрийская. Силурийская.	Водоросли и первое появление сосудистых растений.
	Девонская.	Развитие наземных тайнобрачных и хвойных.
	Каменноугольная.	Растительность из тайнобрачных, хвойных,
	Пермская.	а потом и из цикадовых.
Мезозойская .	Триасовая.	Цикадовые и хвойные вытесняют тайнобрачных.
	Юрская.	Цикадовые и хвойные преобладают.
	Меловая.	Флора почти та же, появляются лиственные деревья.
Кайнозойская.	Третичная.	Настоящая тропическая растительность понемногу приближается к современной.
	Четвертичная.	Флора, сперва полярная, приближается к современной.
	Современная.	Современная.

Ф А У Н А.	Толща слоев в метрах.	Слоеобразование в миллионах лет при возрасте земли в 100 милл. лет.
Признаки органической жизни очень сомнительны.	Около 30.000.	52
Беспозвоночн. преобладают. Первое появление рыб. Рыбы борятся за преобладание с беспозвоночными. Господствующий тип—рыбы, первые земноводные. Рыбы удерживают господство, первое появление пресмыкающихся.	Около 20.000.	34
Господство пресмыкающихся, появляются птицы и первые следы млекопитающегося животного. Пресмыкающиеся продолжают царить, появляются костистые рыбы, сумчатые. Усиливается разнообразие видов ранее существовавших семейств.	Около 1.000.	11
Господствуют птицы и млекопитающиеся, появляются обезьяны. Многочисленные и разнообразные формы животных. Ясные следы человека. Современная.	Около 1.000.	3

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ.

Материя. В предыдущей лекции мы попытались наметить некоторые, наиболее важные, внешние черты истории нашей планеты. И мы, как вы помните, нарочито подчеркнули, что все перемены, происшедшие на необозримых пространствах минувших времен, как в царстве органической, так и неорганической природы,— звенья единой цепи развития материи, развития, подчиненного неизменным законам. В настоящей лекции мы постараемся, насколько позволяет нам уровень современного научного знания, дать возможные доказательства подчеркнутой мысли, сделать так, чтобы вы, по крайней мере, убедились в логической необходимости искать принцип единства во всех явлениях бытия.

В основе всего сущего—материя. Все, что было, есть и будет—лишь многообразные изменения все той же материи. Но что такое материя и каково ее строение?... Бегло восстановим в памяти наши сведения по этому вопросу.

Атомистическая гипотеза, впервые внесенная в науку Дальтоном (в 1808 г.), сыграла в истории науки 19-го столетия выдающуюся роль. Мы изложим ее параллельно с теми серьезными возражениями, которые против нее раздаются.

Любое тело (твердое, жидкое или газообразное) состоит из некоторых мельчайших частиц—из молекул. Молекулы, составляющие то или иное определенное тело, тожественны между собою. Но они, молекулы, могут отличаться от тех, которые образуют другое тело. Каждая молекула распадается на еще более мелкие частицы—на атомы. Если из атомов строится молекула сложного тела (напр., серная кислота), то, в известной своей части, они должны быть различны между собою; если же, наоборот, речь идет о молекуле простого тела или химического элемента (напр., водород), то атомы ее тожественны. Таким образом выходит, что отличие химических элементов базируется на различии способов комбинаций, количества атомов в каждой отдельной комбинации и, наконец, самих атомов. Молекулы даже в самом твердом теле (напр., платина и др.) отделены одна от другой некоторыми промежутками,—так что все тела природы имеют не сплошное, а пористое строение. В пределах же об'ема каждой данной молекулы атомы находятся в состоянии чрезвычайно быстрого движения вокруг какого-то центра. Выводы бесчисленных опытов, всякого рода косвенных наблюдений и пр. дают некоторое представление о величине отдельной молекулы: число их, заключающееся в одном кубическом сантиметре газа (при обыкновенном атмосферном давлении и температуре в 0 градусов), выражается цифрою 4 с 16-ю нулями за ней. Сперва предполагалось что и атомы и молекулы настолько малы, что не могут быть видимы человеческим глазом даже и под микроскопом. Но с изобретением ультрамикроскопа удалось непосредственно рассмотреть молекулы вещества, а в 1912 году Лауэ сфотографировал даже атомы некото-

рых кристаллов, пользуясь для этого лучами Рентгена. И фотографии Лауэ вполне совпали с той картиной, которая была создана за несколько лет перед тем кристаллографом проф. Федоровым.

Атом неделим. Из атомов складываются молекулы, из последних образуются простые и сложные химические элементы. Но, в сущности говоря, все сложные элементы могут быть разложены на простые и этих химически простых тел едва-едва больше 80 и всевозможные соединения их дают окружающие нас сложные тела природы.

В сравнительно недавнее время, благодаря изучению электрических процессов и явлений радиоактивности (лучедеятельности), неделимость атомов подверглась серьезнейшим сомнениям.

В результате работ ряда выдающихся ученых, исследовавших электрические процессы (Вольт, Фарадей, Крукс, Рентген, Томпсон и др.), была создана, так называемая, электронная теория материи. По этой теории основным первоэлементом, из которого построена вся вселенная, служит электричество в форме скоплений (положительные и отрицательные заряды).

Мельчайшее скопление электричества, электрический заряд уже неделимый на меньшие единицы, носит название электрона. Масса его составляет 1/1800 часть массы самого легчайшего из атомов—водородного атома, а об'ем его—еще менее значительную величину: радиус электрона в сто тысяч раз меньше радиуса материального атома. Электроны связаны с атомами материи, но могут существовать и отдельно в виде летящих осколков или долей атома. И атом, выходит,—система положительных и отрицательных электронов. Атом может

быть незаряженным, нейтральным, когда он имеет равное число положительных и отрицательных электронов и заряженным — при неравном числе тех и других электронов. Внутри атома электроны летают по всевозможным направлениям,—следствие разнохарактерности их зарядов. Таким образом получается, что все химические элементы состоят из электронов.

Изучение радиоактивности вещества, почти только-что начавшееся, подчеркивает теорию распада атомов и настоятельно предлагает нам рассматривать атом, как нечто очень сложное и состоящее из какого-то первичного вещества, причем вещества, из которых образованы различные атомы, составлены из единой материи. Связь электричества с материей подтверждается: атомы—носители электрической энергии. Но взгляды на сущность электрической энергии, может быть, придется коренным образом изменить под влиянием новых данных процесса изучения радиоактивности.

Так обстоит дело с вопросом об изучении материи. Теперь перейдем к рассмотрению—не имеется ли общей связности между двумя огромными мирами, в которых выявляется материя,—между живым и мертвым?

Живое и мертвое. Но что такое „живая“ материя и что такое „мертвая“ материя, между которыми мы намерены искать общую связность?...

Есть ряд вопросов, которые легче задать, нежели ответить на них. К числу подобных вопросов принадлежит и наш вопрос о различии между „живым“ и „мертвым“. Мы знаем многочисленные определения понятия „жизнь“, формулированные гениальными учеными, но все они только более или менее удачны. Укажем, как определяет жизнь Герберт Спенсер—его формула

считается самой удачной. Он говорит: „жизнь есть определенное сочетание разнородных, одновременных и последовательных изменений, происходящих внутри организма, в зависимости от одновременных и последовательных изменений внешней среды“. Если мы попытаемся несколько расшифровать это определение путем перечисления отдельных признаков живого существа и пойдем от более грубых, бросающихся в глаза, признаков до наиболее тонких и мало заметных для глаза, то заметим такие проявления жизнедеятельности живых существ: 1) движение, 2) рост, 3) обмен веществ (пока организм живет, он всегда принимает в свое тело известные вещества,—напр., в виде пищи, воздуха и пр.,—использует их и в отработанном виде извергает наружу), 4) размножение, 5) регенерация—восстановление утраченных частей, 6) чувствительность—активная реакция на окружающие условия. Одним словом, организм в значительной мере обладает самостоятельностью и самодеятельностью. Но жизненный процесс, перечисленные проявления жизнедеятельности, связан с определенным материальным субстратом — с протоплазмой, распадающейся на клетки [1] и обладающей определенным химическим составом, известными физическими и морфологическими признаками.

Теперь ясно, что все естественные тела, наделенные только-что перечисленными признаками, мы можем назвать живыми телами, а все другие—безжизненными, мертвыми.

Связь между живым и мертвым. Если мы желаем уловить всю постепенность перехода неорганической

---

[1]) Клетка, как ее определяет проф. А. С. Догель, есть комок живой материи, обладающий, в морфологическом и физиологическом отношении, характером элементарного организма.

материи в материю органическую, если мы хотим среди естественных тел природы отыскать такое, которое имело бы черты и неорганического своего облика и признаки живого,—то должны прямо заявить, что ни постепенности перехода, ни „полуживой“ материи ничего этого до сих пор не удалось констатировать, несмотря на все усилия, направленные в эту сторону.

Интересно, хотя бы мельком, остановиться на отдельных попытках установления связи между живой и неживой природой.

Так, напр., ряд ученых (Оствальд, Бючли, Леман, Геккель и др.), изучая разнообразные явления из жизни кристаллов (рост их, регенерацию и пр.), пришли к мысли, что между кристаллами и низшими живыми существами имеется несомненное родство, т.-е. что кристаллы как раз и есть искомая „полуживая“ материя. Действительно, если мы возьмем одну из простейших форм жизни—колонию бактерий и станем сравнивать ее с колонией кристаллов, то убедимся, что как те, так и другие размножаются путем образования новых молодых особей; что при сильном нагревании и бактерии и кристаллы одинаково теряют способность плодиться; далее—кристаллам, как и всему живому, свойственна регенерация (если у кристалла отбить кусочек и потом бросить этот кристалл в насыщенный раствор того же вещества,—наш кристалл в короткое время примет свою нормальную форму); среди кристаллов мы можем подметить даже такие процессы, как пожирание (в переохлажденном растворе нафтойнокислого натрия выкристаллизовавшиеся сперва листовидные образования раз‘едаются, появляющимися после, пластинчатыми кристаллами, которые и увеличиваются на счет первых) и

копулирование—простейшая форма полового акта (две кристаллических особи сливаются в одну).

Случай с кристаллами это то, что можно наблюдать. Но многие ученые (Гад, Квинке, Бючли, Румблер и др.) пытались экспериментальным путем, т.-е. чисто искусственным способом воспроизвести низшие формы животной жизни. И здесь с внешней стороны получались очень показательные данные: так, проф. Ледюк из капель железисто-синеродистого калия на желатине получал искусственные клетки, поразительно схожие под микроскопом с настоящими клетками из кожи лягушки.

Но, несмотря на все усилия, наука, в конце концов, должна была придти к выводу, что установление действительной связи между живой и мертвой природой, в смысле констатирования наличности какой-то „полуживой“ материи, пока невозможно. Может быть эта искомая материя переходного типа стоит перед нашими глазами, но мы, вследствие несовершенства наших научных методов, ее не видим, — это другой вопрос. Но, пока что, мы можем лишь сказать, что и кристаллы и искусственные клетки производят свои, удивляющие нас, отправления только при строго определенных условиях. Если, хотя бы слегка, эти внешние условия изменяются,—весь эффект пропадает, кристаллы и искусственные клетки беспомощны. В то же время все живое, в котором есть что-то, чего нет в мертвом, на изменение внешних условий реагирует своей самостоятельностью, своим внутренним содержанием.

Взглянем на вопрос о связи между живым и мертвым с иной точки зрения нежели та, с которой мы его только что рассматривали, т. е. не станем искать постепенности в переходе неорганических форм в орга-

ические, а посмотрим, в какой мере живое зависит от мертвого и обратно. Попытаемся на нескольких примерах проанализировать связь живого с мертвым именно с этой стороны.

Так, для жизни необходимы некоторые минеральные вещества: фосфорнокислая известь, хлористый натрий (поваренная соль), соединения калия и др.—Стоит лишить пищу животного, обладающего позвоночником, фосфорной извести, —и кости животного размягчаются, само оно становится слабым и скоро гибнет. Совершенно лишенный поваренной соли человек умирает, так как соль, входя в состав всех жидкостей тела человека, нужна для благосостояния омываемых этими жидкостями тканей. Растения извлекают полезные для них минеральные соли (напр., азотнокислые и углекислые соли калия и кальция) из земли при помощи своих корней. Без минеральных солей растение умирает.

Еще ярче зависимость жизни от воды, которой в теле как животных, так и растений обыкновенно гораздо больше, чем твердых веществ. Вода, можно сказать, делает живое существо подвижным: будь связки и мышцы сухими,—они бы не растягивались и движение стало бы невозможным. А возьмем растения: только в течение одного летнего дня большая береза, набирая воду из почвы, испаряет ее до 25 ведер!..

В заключение, чтобы не продолжать цепь наших примеров до бесконечности, остановимся на условиях газообмена. Для одних живых существ (животных и растений) необходим при дыхании, главным образом, кислород, а для иных—углекислота. Но запасы и кислорода и углекислоты (а также и прочих газов) в при-

роде не бесконечны и они давно были бы исчерпаны, если бы сами организмы беспрерывно не пополняли их запас (животное, поглощая кислород, выделяет углекислоту, которая перерабатывается в теле растения, снабжающего воздух кислородом). Но такой круговорот возможен только при затрате какой то энергии извне. Такой энергией является могучая энергия солнечного света. Организмы для своих химических реакций пользуются именно энергией солнечного света. Таким образом, мы наталкиваемся на солнце, тело неживое, от которого зависит существование жизни.

Если зависимость живого от мертвого бесспорна, то наблюдается и обратное явление. Возьмем показательный пример косвенного влияния человека на мертвую природу.

Наша летопись, рассказывая об основании братьями Кием, Щеком и Хоривом города Киева (повидимому, не раньше 8-го или 9-го века), отмечает: „бяша около града лес и бор велик“, т. е. Киев находился среди лесной страны. Шли века. Человек выжигал, вырубал и распахивал леса. И ныне Киев лежит в степной полосе России. Лесная же полоса отошла далеко на север (а первобытный сплошной лес исчез и в средней России). Лишенная лесов, данная площадь подвергается более сильному нагреванию, чему раньше препятствовали именно леса. Сильный нагрев ведет к энергичному испарению влаги как из почвы, так и из разных, прежде лесных, речек, из которых очень многие, начиная с самых небольших, совершенно высыхают. Летом почва (особенно черноземная) трескается от жары. Весною огромные массы снега на безлесной площади тают быстро, образуются бурные потоки, которые, встречая

на своем пути трещины, размывают их. От размыва трещин появляются овраги и балки — их очень много в южной Руси, начиная от берегов Оки до Черного моря (глубина оврагов доходит до 50 сажен). Овраги и балки увеличивают, в определенных границах, площадь земной поверхности, что ведет к более интенсивному испарению влаги. Следовательно, климат становится все суше и суше. И степь, сменившая леса, может современем превратиться в пространство с жалкой травяной растительностью. Балки и овраги изменяют уже самый облик земли в смысле изменения ее рельефа.

А примеры выветривания (разрыхления и измельчания) горных пород, хотя бы у нас, в Крыму. Почти на голых скалах поселяются растения в виде лишайников, содержащих в своих соках до 50% щавелевой кислоты, которая раз'едает горные породы. Изьмельченная горная порода, смешанная с перегнившими остатками лишайника, служит почвою для растений более высокой организации—напр., для деревьев. Деревья же своими корнями, попадающими в трещины пород, расширяют эти трещины и, в конце концов, отрывают целые скалы. Измельченные горные породы ветрами, дождями, ручьями и речками сносятся в низины суши или моря, где и отлагаются. В результате опять таки облик земли претерпевает метаморфозу.

Итак, связь между живым и мертвым, вечная и неразрывная, существует с несомненной очевидностью. Все Бытие, — как мы отчасти уже видели и еще больше убедимся из дальнейшего изложения, — должно быть понимаемо как нечто по существу единое, регулируемое в своих изменениях определенными законами.

Происхождение жизни. Мы говорили об отличии живого от мертвого и об общей связи между тем и другим. Но что появилось прежде: живое или безжизненное?.. Откуда взялись и как выглядели первые живые существа?.. и пр.

Так как протоплазма, этот материальный субстрат жизни, может функционировать лишь в очень ограниченных температурных границах (для низших микроорганизмов самые крайние пределы +130 Ц и —200 Ц и менее), то, следовательно, жизнь должна была появиться на земле лишь после того, как наша планета значительно остыла и, значит, позже мира неорганического.

Мы лишены возможности останавливаться на многочисленных гипотезах, трактующих о происхождении жизни. Среди этих гипотез не мало красивых и даже поэтических (Прейера, Аррениуса и др.), много деловых (Пфлюгера, Аллена и др.), есть и совсем необоснованные. Но, пройдя мимо всех этих гипотез, мы прямо укажем на тот ответ, который дает современная биология на любопытный вопрос о происхождении жизни.

Биологи никогда не наблюдали процесс зарождения жизни, даже самые простейшие организмы на земле и те происходят от себе подобных. Но, тем не менее, биология вполне допускает самозарождение жизни для отдаленнейших эпох нашей планеты. И в своем допущении биологи исходят из таких предпосылок: опыт и наблюдение указывают нам, что жизнь тесно привязана к определенным условиям; много миллионов лет назад температура на земле была иная, чем теперь; вещества, из которых состоит земная кора, могли быть не похожи на нынешние; даже сами химические элементы, как

указывает новейшая химия, были, быть может, другими. Все это, в своей совокупности, устанавливает для давно минувших времен условия существования отличные от современных. Поэтому, возможно, что тогда происходили такие процессы, которых мы уже не наблюдаем, и мертвая материя могла превращаться в живое вещество.

Само собою разумеется, что первые организмы должны были иметь строение более простое, нежели у ныне живущих организмов. А принимая во внимание, что в состав живого вещества входит в очень большом количестве вода,—следует полагать, что жизнь впервые зародилась в море, так как на суше, при высокой в те периоды температуре, воды было мало. Более необходимые для организма соли (напр., поваренная) тоже, как раз, встречаются в море. В морской же воде находится и растворенный в ней кислород (и даже в бо̀льшем количестве, чем в атмосферном воздухе), без которого жизнь немыслима.

Мир растительный и мир животный. Имеется ли какое нибудь фамильное сходство, скажем, между розой и слоном или—дубом и муравьем?.. Мы, не задумываясь, готовы ответить: никакого. Но забудем на мгновенье формы сравниваемых организмов, вдумаемся глубже в заданный вопрос и тогда мы не сможем не признать, что животные и растения имеют, если можно так выразиться, кровное родство, что они развились из одного корня. Если мы сравнили бы не розу со слоном, а какую либо бактерию с амебой, то нам пришлось бы долго искать не черт сходства, а черт различия. И, действительно, с низшими формами растительного и животного миров происходит часто путаница: их одновременно описывают и в учебниках бота-

ники и в учебниках зоологии. Что же касается высших форм того и другого царства, то кровное родство их явствует и из однородности основного вещества, из которого они состоят, — протоплазмы с ядром, оформленных в клетки. И даже,—если мы пойдем все дальше и дальше по пути сравнений, — мы найдем у растений и различные органы чувств [1]), так как растение прекрасно воспринимает те раздражения, которые для него важны: 1) так, световая раздражимость у эвглены локализована на строго определенном участке ее тела; 2) та же эвглена из всех цветов спектра предпочитает голубой, т. е. способна „различать цвета"; 3) растение способно сохранять равновесие при помощи особых приспособлений, схожих по своим функциям с подобными приспособлениями у животных организмов (напр., у моллюска— статоцист, пузырек с жидкостью, в которой плавает известковое тельце), это — крахмальные зерна в корневом чехлике. Мы не станем приводить других примеров, иллюстрирующих не только наличность у растений органов чувств, но даже и некоторой как бы нервной системы,—в специальных сочинениях можно найти характерные собрания таких примеров (есть прямо поразительные по своей яркости: хотя бы процесс питания растений, — росянок, венериных мухоловок и пр., — животной пищей, процесс по типу весьма сходный с питанием животных).

---

[1]) По определению проф. В. М. Арциховского существенною частью органа чувств будут клетки или части их, обладающие повышенной чувствительностью именно к данному виду раздражений; все остальные составные части (если они есть), как бы сложны они не были, являются лишь вспомогательными приспособлениями для облегчения воздействия раздражителя на протоплазму.

Первоначальное расщепление жизни. Если растения и животные произошли от одного корня, то что именно заставило этот корень дать два ствола, — мир растительный и мир животный?.. Попытаемся на этот вопрос, в общем довольно сложный, ответить коротко и, по возможности, ясно.

Жизнь есть совокупность физико-химических процессов, заключающихся в изменчивости живого вещества, которое непрерывно созидается и разрушается в живом организме. Для того, чтобы физико-химические процессы могли совершаться, необходимо потребление живым организмом одних веществ и вырабатывание им же других. Но отдельные отпрыски жизни с первых же моментов своего бытия, попадали в рамки далеко неодинаковых внешних условий. Часто эти внешние условия были неблагоприятны для тех, выражаясь условно, способов производства жизненных благ, без которых данное проявление жизни не могло существовать. Тогда выживали те, кто наиболее умело справлялся с задачей, поставленной им текущим моментом. В борьбе с неблагоприятными условиями в процессе приспособления, между вариациями жизни возникло некоторое разделение труда, целесообразно направленное на добычу из окружающей среды питательных веществ, запас которых на земной поверхности весьма ограничен и потому нуждается в постоянном пополнении. Пополнение же питательных веществ, входящих в круг химических реакций живого существа, совершается путем ряда последовательных превращений, когда, использованное одними видами организмов, вещество, переработанное другими видами организмов, возвращается снова к своей исходной форме,—к форме, годной для питания первому виду. Но такой круговорот,

как мы уже и отметили немного выше, возможен лишь при использовании солнечной энергии, которая беспрерывно то консервируется (реакциями определенного характера), то освобождается (иными реакциями). Вот именно на этой то почве консервирования и освобождения солнечной энергии, лежащей в основе всех жизненных благ, и возникло между самыми первобытными отпрысками жизни разделение труда, сглаживающее влияние неблагоприятных условий окружающей среды. И жизнь расщепилась на две крупные группы: группу растений и группу животных.

Если мы оставим в стороне некоторые другие процессы, то можем сказать, что животные, главным образом, совершают процессы окислительные, т. е. поглощая кислород, необходимый для жизни их, они, в результате сложных процессов, выделяют углекислоту. Хлорофилльные растения, в противоположность животным, поглощают углекислоту, которую, с помощью солнечного света и при содействии своего зеленого вещества, хлорофилла, разлагают на ее составные части: углерод и кислород, причем первый потребляется как пища, а большая часть второго выдыхается.

Дальнейшее варьирование форм жизни в растительном мире и в мире животном связано все с той же материальной средой, которая воздействует на создание форм жизни, а последние оказывают, со своей стороны, определенное воздействие на среду.

Так, растения, которым необходимы для существования: углекислота, вода и некоторые минеральные соли, получают все это почти повсеместно и потому, обычно, неподвижны. У животных же развита подвижность, являющаяся следствием того, что пища живот-

ных (растения и др. животные) не рассеяна повсюду кругом, ее надо искать, а часто за ней надо и быстро бегать.

Мы не будем описывать все бо́льшего и бо́льшего расхождения между растениями и животными, а также и в среде самих растений и животных. Описание этого завело бы нас слишком далеко и мы вышли бы за пределы своей задачи: немногими резкими чертами, может быть даже очень схематично, представить общую связность элементов бытия. Скажем коротко, что дальнейшее расхождение между двумя мирами и в пределах этих миров диктовалось насущными потребностями живых организмов.

Весь органический мир—одно биологическое целое. Что это так,—ясно из пред'идущего. Одну общую зависимость между растительным и животным миром мы обозначили, когда говорили о противоположном влиянии растений и животных на газовый состав окружающей среды. Другая важнейшая общая зависимость вытекает из способности растений из мертвой материи, которую они поглощают (углекислота, вода, минерал. соли), создавать свое живое тело, состоящее из сложных органических веществ. Животные же, в отличие от растений, питаются именно сложными органическими веществами, которые они отчасти усваивают, а отчасти, в переработанном виде, выделяют из своего тела.

Итак, помимо ранее отмеченной нами связности между мертвой природой и живым веществом, в пределах живого мы наблюдаем еще более тесное сплетение.

Происхождение человека. На вопросе о происхождении человека мы не станем долго задерживаться, так как сведения по этому вопросу пользуются достаточной распространенностью.

Всем известно, что теологическая точка зрения трактует сотворение человека богом.

С открытием Америки (1492 г.), когда белолицые европейцы столкнулись с краснокожими индейцами, у первых возникло сомнение относительно того, что Адам и Ева являются общими предками как европейцев, так и индейцев. Это сомнение претворилось в теорию о „преадамитах", т. е. людях, происшедших не от Адама и Евы [1]).

После знакомства с краснокожими, европейцы встретились с антропоморфными (человекоподобными) обезьянами и, впоследствии, под влиянием Руссо (1712—1778) и Канта (1724—1804), возникла мысль о возможности происхождения человека от указанных обезьян.

Линней, в сочинении „Система природы" (появилось в 1735 г.), ставит человека в общую классификацию животных, подчеркивая таким образом мысль об общности законов развития как для человека, так и для животных. Особенно же твердое основание получила эволюционная теория развития животных форм,— а в их числе и человека,—после выхода в свет (в 1809 г.) „Зоологической философии" Ламарка. Если еще Лин-

---

[1]) Теория о преадамитах предполагает существование людей до Адама и базируется на данных 4-ой главы книги Бытия, где говорится, что Каин, убив Авеля и решившись бежать из Эдемской страны, испытывал боязнь быть узнанным в других местах—следовательно, там уже жили какие то люди. Теория о преадамитах продержалась недолго, против нее было приведено очень простое соображение: если вне Эдемской земли, где Библия поселила Адама и Еву, и жили люди, то страх Каина только подтверждает, что эти люди были одной семьи с братоубийцей и он мог опасаться мести с их стороны за убийство общего сородича—Авеля.

ней удивительное родственное сходство, соединяющее многочисленные породы животных в виды, виды—в роды, а роды—в классы, об'яснял довольно просто, а именно—он говорил: „существует такое количество пород животных, сколько различных первоначальных форм их создано было бесконечным Творцом“, то Ламарк дал первый научный ответ на этот вопрос. Он доказал, что черты сходства (в форме и строении) родовых групп животных понятны только, если исходить из их кровного родства и что все бесчисленные организмы происходят от немногих, очень простых, первоначальных форм,—может быть, даже от одной, зародившейся от безжизненной материи. Корни сходства форм—в общем происхождении, а различие их базируется на приспособлении животных к разнообразным условиям жизни.

Нужно сказать, что в свое время теория Ламарка не получила должного признания и даже была забыта. Снова воскресил ее гений Чарльза Дарвина (главн. сочинения вышли в 1859 и в 1871 гг.), создавшего новую эпоху в науке и завершившего, своей теорией дарвинизма, учение Ламарка.

Называя главные этапы схемы развития животных форм, мы получим такую цепь, последним звеном в которой и будет человек.

Вполне логичным будет считать за первичную животную форму на земле простую клетку, каковую форму и до настоящего времени удержали простейшие животные. Изменчивость обстановки и борьба за существование заставляли организмы уклоняться от своей первичной формы. После клетки, второй стадией развития животных, является гаструла (от латин. слова гастер—желудок)—многоклеточный организм с элементарной же-

лудочной (она же и кишечная) полостью. Из гаструльных форм постепенно образуются черви, высшие формы которых переходят по одной ветви в насекомых, а по другой, в конце концов,—в позвоночных. От жаберных позвоночных рыб произошли легочнодышащие сухопутные животные. Такой переход доказывается существованием двоякодышащих рыб, а также двоякодышащих сухопутных животных. Да и сам человек, в процессе своего эмбрионального развития (развитие зародыша) проходит форму рыбы с жаберными щелями на шее. От простейших легочнодышащих произошли сумчатые и млекопитающие. Последние отличаются от всех других позвоночных образованием плаценты [1]). Образование плаценты у высших обезьян (гиббоны, орангутанги и у человека очень сходно — у них она состоит из одного кружка или диска, в то время как у нисших обезьян она двойная (два диска). Вторым доказательством родства человека с антропоморфными обезьянами служит физиологическое сходство крови человека и этих обезьян. Кровь одного животного, перелитая в кровеносную систему другого животного, отличного от первого, приводит последнее животное к гибели: так, напр. собака погибает, если мы введем в ее кровеносную систему кровь кошки. Но родственные животные переносят кровь друг друга: кровь собаки можно смешивать с кровью волка, а кровь шимпанзе с кровью человека. Как описанные, так и другие факты (строение скелета, мышечная система, число и расположение борозд на мозговых полушариях и пр.), — все это, в своей сово-

[1]) Плацентой называется послед или детское место, через которое зародыш в материнской утробе соеденен с телом матери, получая через ее организм свое питание.

купности, приводит к установлению действительного кровного родства человека с антропоморфными обезьянами.

Так как строение человеческого скелета, по мере удаления в глубину прошлого, становится все грубее и получало обезьяновидные признаки (мощное развитие надбровных дуг, низкий черепной свод и т. д.), то возникла идея о существовавшем когда то общем родоначальнике как у человека, так и у обезьяны. Эта идея сделалась злободневной, когда Э. Дюбуа, в 1891 г., на острове Яве открыл черепную крышку, два зуба и бедряную кость, приписав эти остатки скелета новой форме—питекантропу (обязьяночеловеку), в котором видел, вместе с другими учеными, связующее звено между ископаемыми обезьянами и человеком. Впоследствие, на основании тщательного изучения фауны тех слоев, где были найдены остатки питекантропа, было установлено, что находка Дюбуа, относящаяся к четвертичному периоду, составляет остатки не какой либо новой формы, а только антропоморфной обезьяны. Но все же находка эта очень ценна, так как свидетельствует о существовавшей когда то обезьяны очень близко стоявшей к человеку.

В 1856 г. были найдены остатки несомненно человеческого скелета четвертичного периода,—это знаменитые кости неандертальского человека, названного так по имени Неандертальской пещеры, близ г. Дюссельдорфа, в Германии, где были обнаружены эти кости. Форма черепа неандертальского человека скорее ближе к форме черепа питекантропа, нежели современного человека. А это обстоятельство дает право предположить, что питекантроп и неандерталец, жившие одновременно

в ранние века четвертичного периода, — это боковые ветви одного и того же ствола, т. е. они должны иметь общего предка.

В 1907 г., в той же Германии, около города Гейдельберга, найдена челюсть, названная гейдельбергской. Челюсть эта сильно напоминает тот же орган антропоморфных обезьян, но зубы ее—несомненно человеческие. Гейдельбергский человек, судя по остаткам флоры и фауны, обнаруженной в тех же слоях, где была открыта и челюсть, жил на заре четвертичного периода и, как думают ученые, именно он то и является общим предком и питекантропа и неандертальца, причем тип питекантропа был неудачной вариацией человека и, как неудачная вариация, должен был погибнуть.

Как свидетельствуют другие, кроме только что упомянутых, находки человеческих костей, в разных местах, одновременно, в зависимости от естественных условий, существовали разные типы первобытных человеческих существ: где тип неандертальского человека, где люди негроидной расы и пр.

Относительно того — как долго живет человек на земле, имеются различные цифровые ответы. Укажем на один из них: археолог Мортилье, на основании целого ряда сложных хронологических выкладок, предполагает, что человек обитает на земле уже около 230.000 лет.

Подводя итог сказанному мы видим, что человек не стоит отграниченным от всех прочих форм животного мира. Он не какое то высшее существо, особо сотворенное и развивающееся по каким то специальным законам. Человек—это лишь одна из ярких нитей в том чудесном узоре жизни, который неутомимо ткет искус-

сная пряха, старая, как сам мир—Необходимость. И эта отдельная нитка, представляемая человеком, связывает его со всем огромным миром животных, с грандиознейшей сферой жизни вообще и со всей бесконечностью вселенной.

В заключение сделаем небольшую, но на наш взгляд существенную оговорку. Она необходима, т. к. возможно возникновение некоторых недоумений. В начале лекции мы упомянули об единой цепи развития материи, развития, подчиняющегося неизменным законам. Затем, говоря о происхождении человека, мы представили вашему вниманию коротенькую схему развития животных форм от простейшей клетки до такого высокоорганизованного существа, каким является человек. Отнюдь не следует забывать, что и „единая" цепь развития материи, и „неизменные" законы и „схема" развития животных форм—все это не отвлеченные понятия, которые как-то стояли над Бытием и по своему формировали последнее. „Единая" цепь развертывала свои звенья в известной исторической обстановке, „неизменные" законы появлялись на сцену лишь тогда, когда налицо были опять таки соответствующие исторические условия, а „схема" вытекала, как следствие, из тех же исторических предпосылок. Душою же всего развития, основным его моментом, являются те самые противоречия, которые и составляли реальную историческую обстановку, создавшую не только человека (его то в особенности), но и всех других животных, а так же органический мир вообще. А отсюда вытекает, между прочем, что теория Дарвина—лишь вспомогательная схема, рисующая нам не настоящую, а воображаемую действительность. Если мы возьмем того же самого человека,

то, исследуя вопрос его происхождения, мы никогда не сможем реально установить какую-то беспрерывную цепь последовательного развития от клетки до человека—такой цепи, на самом деле, не было. Каждый тип животного (а так же и человек) или растения—это новое качество, обозначившееся в момент скачки, перерыва эволюции. Качество это родится из противоречий действительности. Таким образом, развитие идет скачками и от скачка к скачку. Мы, стесненные временем, не имели возможности останавливаться подробно на истории развития Бытия и поэтому, в целях упрощения своей задачи, и представили развитие всего сущего в виде единой цепи, все звенья которой, последовательно, идут одно за другим.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ.

В прошлой лекции мы закончили обзор вопроса о появлении на земле жизни и ее развитии. Мы дошли до того момента, когда от других животных форм отграничилась высшая их форма—человек. Теперь попытаемся изобразить ту материальную обстановку, в которой жил и действовал первобытный человек, а также и душевные его переживания, поскольку они зафиксированы немыми свидетелями прошлого — археологическими памятниками.

Археология и ее подразделения. Археологические памятники, поясняющие нам культурное состояние древнего быта, изучаются специальной наукой—археологией. Эта наука подразделяется на две части: первобытную (до-историческую) и историческую. До-исторический период человеческой культуры, в свою очередь, распадается на три века: каменный, бронзовый (медный) и железный. Века эти получили свое название по роду материалов, из которых преимущественно изготовлялись орудия и предметы в соответствующее время. Каждый век, опять таки, обнимает собою несколько эпох, причем последняя эпоха железного века переходит уже в исторический период. Само собою разумеется, что если от времени

первобытного человека до нас дошли лишь орудия и предметы из камня и металлов, то это не значит, что он не изготовлял своей утвари и пр. и из иного, кроме камня и металлов, материала. Возможно и даже наверное, что наш далекий предок употреблял в дело и кожи, и дерево, и раковины, и волокна растений и т. д., но все это, как материалы менее стойкие, по сравнению с камнем и металлами, погибло под рукою беспощадного времени. Еще, что следует запомнить: не каждый отдельный народ или народец, вышедший на свет истории из темной глубины времен, обязательно и последовательно проходил через все фазы археологических подразделений: так, какое либо племя, имея дело только с камнем, могло, минуя бронзовый век, сразу перейти к железу; это происходило или потому, что меди и олова, из сплава которых получается бронза, могло совсем и не быть в тех территориальных границах, где обитало данное племя, или же железо это племя могло сразу позаимствовать у своих более культурных соседей.

Эолитическая [1]) эпоха каменного века (сомнительная). Эолитическая эпоха совпадает с третичной геологической системой, когда, как предполагали некоторые ученые, и появился первый человек. Существование этого человека пытались доказать такого рода фактами: 1) костями человека, найденными в соответствующих отложениях почвы; 2) там же обнаруженными эолитами — кусками кремня искусственной обработки и 3) костями третичных животных, покрытых знаками (зарубы, на-

[1]) В переводе с греческого: эос—заря, начало; лифос—камень.

резы), нанесенными якобы рукою человека при помощи того или иного орудия.

Что касается костей человека (напр., „калифорнский череп“, найденный в 1866 г. и др.), то в настоящее время твердо установлено: никакого отношения к третичному периоду они не имеют. Относительно костей животных с нарезами и зарубами (находки проф. Каппелини и др.) можно сказать, после основательного изучения этих знаков, что они могли быть произведены зубами акул или иных животных. Интереснее вопрос о кусках кремня со следами искусственной обработки. Целый ряд ученых с громкими именами положительно утверждал, что эолиты подверглись искусственной оббивки разумным существом. Другие же, наоборот, указывали, что форма этих кремней могла получиться от разных естественных причин (обкатывание в воде, давление земли и т. д.).

Палеолитическая [1]) эпоха каменного века продолжалась, как думают одни ученые (проф. Анучин и др.), не менее 50.000 лет, другие же (Пенк) отводят ей до одного миллиона лет. Из сравнения между собою человеческих изделий времен палеолита можно убедиться, что как форма, так и степень обработки их изменялись,—то совершенствуясь, то упрощаясь. Отчасти сообразно с этим, отчасти же на основании характера геологических отложений времен палеолита, можно произвести некоторую периодизацию рассматриваемой эпохи. Ее принято делить на такие периоды, названия которых заимствованы от наименования местностей или гротов, где были обнаружены наиболее типичные образчики соответственных изделий: 1) шелльский, 2) сент-

---

[1]) Палеос—древний, лифос-камень.

ашельский, 3) мустье, 4) ориньякский, 5) солютрэйский, 6) маделенский и 7) азильский. Периоды эти установлены, собственно говоря, для Франции, но они имеют значение также и для Бельгии, Швейцарии, Австрии, Германии и (частично) для России, а также и для иных стран.

Различие в форме и степени обработки изделий находит свое об'яснение в тех условиях, в каких приходилось жить палеолитическому человеку. Палеолитическая эпоха несомненно упиралась в те времена, когда известная часть Европы только-только начала освобождаться от толстого ледяного покрова, могуче оковавшего ее пространства. Но таяние происходило с некоторыми колебаниями и паузами, а это вело к довольно резким местным климатическим переменам. Условия же климатические определяют собою флору и фауну данной местности. Все эти обстоятельства, вместе взятые, формируют быт человека, те хозяйственные условия, в которых ему приходится жить. А хозяйственные условия имеют решающее значение на тип орудий, на совершенство обработки последних и пр.

Самые главные потребности человека — это пища, жилище и одежда. Благодаря очень мягкому климату, который был в Европе в начале палеолита (шелльский период), человек нуждался только в пище. Орудия вначале были довольно крупными по своим размерам, обиты со всех сторон. Но следует предположить, что основным орудием не только в упоминаемый период, но и вообще для первобытного человека была дубина. При наличии таких очень примитивных орудий наш далекий предок мог лишь охотиться на мелких животных, а от

крупного зверя должен был спасаться на деревьях, где, может быть, даже и проводил ночи. Единственным, что сбивало людей вместе в какую то группу, был половой инстинкт. Группа эта, вследствие очень неопределенных и постоянно колеблющихся экономических условий, не могла быть большой, была, повидимому, чем то вроде нашей семьи, т. е. муж, жена, дети; причем о каком либо чувстве родства говорить, конечно, не приходится. Язык заменяли нечленораздельные звуки, а логику мысли—инстинкты.

В последующее время (периоды: сент-ашельский и мустье) климат резко изменился, стал холодным. Перед человеком встали заботы об одежде и жилище. Появились шкуры животных и пещеры, откуда человек выгнал зверей. Пищу, все из за тех же суровых климатических условий, стало добывать все труднее и труднее (напр., плоды стали исчезать и пр.). Естественным следствием из описанного было некоторое усовершенствование орудий, разделение труда между полами и, как свидетельствуют памятники археологии, знакомство с огнем. У каменных молотов и топоров возникли, для более удобного пользования последними и для увеличения силы удара, рукоятки, скрепленные с камнем растениями, сухожилиями животных; края орудий сильно заостряются; появляются первые скребки и ножи, необходимые для грубой обделки кож. Для ловли крупного зверя устраиваются ямы, прикрытые хворостом. Мужчина специализируется на добывании пищи, а женщина приготовляет пищу. Как произошло знакомство человека с огнем,—сказать трудно: возможно, что он добыл его нечаянно при трении дерева или из под вулканической лавы и пр. И почти наверное, как мы наблюдаем и у совре-

менных дикарей, огонь вначале служил человеку не для кулинарных целей, а только средством защиты от нападения хищных зверей. Очень любопытно отметить одно обстоятельство: данные раскопок говорят, что в конце рассматриваемого периода несомненно жил неандертальский человек, емкость черепа которого, как вычислил Буль, равняется 1.626 куб. сантим., в то время как емкость черепа современного мужчины—европейца всего лишь 1.560 куб. сантим. (у женщины—1.375 куб. сантим.). Следовательно, абсолютная масса мозга у человека неандертальского типа была больше, чем у нас. Это верно, но делать отсюда заключение, что неандерталец был и культурнее нас,—нельзя. При общем определении степени духовного развития надо иметь непременно в виду не абсолютную массу мозга, а отношение ее к остальной массе нервного вещества, а главное—тонкость строения мозга. Кроме того, необходимо отметить, что у неандертальца развиты не те отделы головного мозга, которые являются истинными носителями духовного совершенствования, а задний отдел его, где помещаются центры, связанные со способностью наблюдения. Но, во всяком случае, усложнение жизненных условий не могло не повлиять в благоприятную сторону на духовное развитие того типа человека, о котором мы говорим. Чего либо, намекающего на существование в это время религии или искусства, мы не знаем. Язык тоже еще навряд ли зародился, так как в нем, как в средстве общения между более или менее значительными группами людей, спаянных вместе общим трудовым процессом, не было надобности—не было коллективного труда.

Но вот климат Европы стал снова меняться. Сперва—в сторону его смягчения (периоды: ориньякский и солю-

трэйский), потом стало значительно холоднее (маделенский период) и, наконец (азильский период), климат стал устанавливаться, делаться близким к современному. Изменение климата, это чрезвычайно важное обстоятельство, не могло не отразиться, прямо и косвенно, на всей жизни тогдашних людей. И еще одно: расширение сферы человеческого опыта, — это тоже наложило свой отпечаток на духовное развитие человека.

В течение рассматриваемых четырех периодов техника выделки различных орудий подвергалась изменениям: так, каменные ножи, как более ходовое орудие, подвергались прекрасной обработке, а в то же время техника выделки менее необходимых каменных орудий пала. Появляются изделия из кости и рога, что ведет к концу палеолита, к ухудшению техники выделки всех вообще каменных орудий. Мы присутствуем при зарождении искусства—изделия из рога и кости (а также и из камня) украшаются резьбою и разнообразными рисунками, темы которых дают нам ценные сведения о жизни древнего человека. Жилища людей местами сбивались в довольно большие поселки, род первобытных городов (напр. поселки близ Лез-Эйзи, около Дордони, во Франции и пр.). А раз люди жили сравнительно большими массами, то мыслимы и некоторые социальные группировки (начальники, подчиненные и пр.) и более значительное разделение труда. Раскопки указывают на различные способы погребений, — значит, был и культ, культ предков — заря всякой религии. Основой хозяйственного быта попрежнему были охота и рыболовство. Земледелия не существовало — земледельческих орудий, хотя бы и очень примитивных, не обнаружено. Приру-

ченных домашних животных тоже не было,—костей их [1]) при раскопках не найдено.

Что касается восточной Европы и, в частности, России, то все те стоянки [2]) первобытного человека, которые обнаружены на ее пространстве, относятся к среднему (начиная с солютрэйского периода) и позднейшему временам палеолита.

В качестве иллюстрации по отделу палеолитической эпохи, укажем на некоторые стоянки, находящиеся на территории России, наиболее интересные в научном отношении.

Село Костенки, Воронежской губернии. О том, что около села Костенок находят много костей „необычного вида"—ходили слухи еще в 18-ом веке. Еще Петр I, находясь в 1701 г. в Воронеже, указывая французу де-Бруину на кости мамонта, высказал мнение, что кости—остатки слонов Александра Македонского, который со своими войсками, как думал Петр, доходил до пределов нынешней Воронежской губ. В 1769 г. о Костенках вспомнил академик Гмелин: он произвел некоторые раскопки, окончившиеся неудачно. Снова Костенки попали в фокус научного внимания лишь спустя более ста лет: в 1879 г., по поручению Академии Наук, начались энергичные раскопки костенковской стоянки, обнаружившие массу пережженных костей около костров,

---

[1]) Кости домашних животных отличаются от костей диких животных своим строением: так как домашние животные производят меньше движений, то кости их мало развиты,—особенно те части костей, к которым прикрепляются мускулы.

[2]) Стоянкой археологи называют местонахождение костей животных и человека, разных орудий и предметов в одном данном пункте.

много кремневых орудий и большое количество ядрищ[1]), указывающих на то, что орудия изготовлялись здесь же. Среди костей найдены кости мамонта[2]), носорога и др.

Кирилловская стоянка была открыта в 1893 г., в г. Киеве, на Кирилловской улице (отсюда и ее название). Она отличается от всех других стоянок своими размерами — занимает около десятины и, кроме того, — это самая древняя из всех прочих, если можно так выразиться, „русских" стоянок первобытного человека. Повидимому, стоянка в Киеве была особенно удобной для тогдашнего человека, так как при раскопках ее обнаружены культурные слои не в одном, как обычно, а в

---

[1]) Ядрище или нуклеус имеет форму конуса — это отработанные остатки кремня, т. е. то, что остается от большого куска кремня, если от последнего, ударяя каким либо твердым предметом по граням или плоскостям его, отбивать более мелкие куски, служившие человеку тем или иным орудием.

[2]) Два слова о мамонтах, которые, в свое время, были очень распространенными животными на территории нынешней России — в одной Сибири насчитывается до 110 мест, где сохранились остатки мамонтов (есть даже место, где их костями покрыто целое поле — там погибло разом до 125 мамонтов); в Европ. России таких мест 268, причем в одной Московской губернии их 16. Мамонт — это ископаемый слон громадных размеров: в вышину он достигал двух сажень, его изогнутые бивни были тоже до двух саж. длиною и весом (пара) до 25 пудов, каждый коренной зуб мамонта весом около 20 фунтов, питался мамонт растительной пищею. Невольно возникает вопрос: как первобытные люди охотились на мамонта и убивали его, если у них не было ни огнестрельного, ни металлического оружия вообще? Дать точный ответ на этот вопрос, конечно, нельзя. Можно предполагать, что крупные животные попадали в ловчие ямы или загонялись охотниками в болота, где они и вязли. У Д. Лондона имеется прекрасный рассказ — „Из каменного века" — где, как раз, описан один из вероятных случаев охоты на мамонта.

нескольких горизонтах,—значит стоянки последовательно сменяли одна другую. Кремневые орудия, найденные здесь, высокой обработки. Между прочим, на одном обломке кости мамонта выгравирован рисунок, на котором можно различить голову птицы и фигуру черепахи. Приведенный пример не единственный — кирилловских рисунков много. Один из видных ученых, занимавшихся изучением остатков стоянки, Ф. К. Волков, сравнивая кирилловские рисунки с рисунками из французских пещер маделенского периода, устанавливает поразительное сходство, как в характере рисунка, так и в технике его выполнения и даже приходит к выводу, что запад заимствовал, более первобытные, днепровские рисунки.

Мы упомянули лишь о двух стоянках палеолитической эпохи. Но их, конечно, значительно больше и разбросаны они по всей России. Раскопки же будущего, несомненно, увеличат число палеолитических стоянок.

Неолитическая[1]) эпоха была менее длительной нежели предшествующая ей—на нее падает 10—15 тыс. лет. Растительность и животный мир были, в общем, такими же, как и ныне в Европе. В эпоху неолита человек научился полировать и сверлить камень, делать глиняную посуду, строить примитивное жилище, приручать животных, ткать грубую ткань, ловить сетями рыбу, а также—смастерил лук, начал заниматься земледелием и пр.

При помощи полирования, орудие принимало более совершенные формы, а благодаря просверленному отверстию оно могло крепко сидеть на рукоятке. В резуль-

---

[1]) Неос—новый, лифос—камень.

тате этих усовершенствований человек стал, несомненно, более сильным в борьбе с природою. Процесс полирования производился при помощи особых точильных камней. Труд полировки был настолько медленным, что иногда,—как рассказывает Миклуха-Маклай, наблюдавший эту работу среди дикарей Полинезии,—обработка одного какого либо орудия кончалась внуком того, кто ее начал. Для сверления употреблялись, повидимому, очень простые орудия: так, проф. Келлер, при помощи палки, воды и песку, в течение нескольких часов просверливал каменные топоры из твердых пород. Нужно полагать, что наши далекие предки действовали таким же способом. Для облегчения труда сверление велось иногда с двух сторон,—тогда отверстие имело вид двух слившихся конических воронок.

В эпоху неолита разнообразие каменных орудий увеличилось, появились новые формы: булавы, кинжалы, длинные копья, долота, мотыки, зернотерки и пр. Из кости и рога стали делать удильные крючки, шила и т. д.

Глину первобытный человек стал употреблять в силу двух ее свойств: 1) она обладает пластичностью — способна сохранять ту форму, какую ей придают, и 2) будучи подвергнута действию огня, — затвердевает и уже не распадается от воды. Часто глиняные сосуды, находимые при раскопках, имеют внутри отпечаток сетки,— плелась корзина, обмазывалась глиной и в таком виде сосуд обжигался. Посуда украшалась орнаментом, который, впрочем, незатейлив: насечки елочкой, ямочки и пр.

Из домашних животных известны: корова, овца и коза,—кости их находят в курганных погребениях. Собака была приручена уже на заре неолитической эпохи,—

есть даже мнение, что собака была самым древним домашним животным.

Жилищем человеку, наряду с естественными пещерами, навесами скал и пр., служат также и искусственные сооружения: ямы, землянки, шалаши, постройки на воде (на сваях) и т. д. В пещерах этого периода иногда находят специально пробитое отверстие для выхода дыма,—напр., в днепровских пещерах, расположенных на протяжении 100 верст по берегу Днепра и открытых в 1876 г. Если жили в ямах, то стены их, в предохранение от обвала, были облицованы или камнем или деревом; над ямой часто сооружались крыши; такие ямы открыты в Нижегородской губ. и в др. местах. Шалаши обычно строили из кольев и сучьев,— об этом свидетельствуют остатки одного сгоревшего шалаша, открытого в 1889 г., в долине р. Оки. Свайных построек обнаружено особенно много по берегам и недалеко от берегов швейцарских озер; первые из них были открыты случайно, в 1854 г., благодаря понижению уровня воды (зима была бедна осадками) в Цюрихском озере. В настоящее время известно до 300 групп этих построек в одной только Швейцарии. Мотивы, в силу которых люди заводили себе свайные постройки, были самые разнообразные: защита от нападения диких животных, вредных насекомых и от существ себе подобных — от людей; большие удобства водных сношений, легкость промысла и т. д.

Как мы заметили, ткацкое искусство, витье веревок и плетенье сетей уже существовало в неолитическую эпоху. Рыболовные сети фигурируют, например, в орнаменте глиняных сосудов Волосовской стоянки (при слиянии рек Теши и Велетьмы, впадающих в Оку). На

глиняной же посуде мы находим и веревочный орнамент. О сетях же, кстати сказать, говорят и грузила, находимые при раскопках. Глиняные пряслица, надевавшиеся на конец веретена для придания ему устойчивости, указывают, вопреки мнению некоторых ученых (напр., Городцева), на известность в эпоху неолита и ткацкого искусства.

Относительно земледелия в эпоху того же неолита мы, правда, не имеем многочисленных свидетельств. Но, во всяком случае, зерна пшеницы и ячменя, найденные в остатках швейцарских свайных построек, говорят о несомненном существовании земледелия в рассматриваемую эпоху. Надо полагать, что земледелие было самым примитивным — почва обрабатывалась ручным способом при помощи виловатого сука или мотыки.

Любопытно отметить, что в эпоху неолита, наряду с обыкновенным погребением умерших, впервые начинает фигурировать обычай трупосожжения, возникший вероятно, из страха перед мертвыми.

Из стоянок неолитического периода наиболее замечательной у нас, в России, является Ладожская.

Ладожская стоянка открыта во время земляных работ при сооружении приладожских каналов — в 1878—82 г.г. Все находки, относящиеся к упомянутой стоянке (орудия, разные вещи, кости, растения и пр.), изучены и описаны группою ученых во главе с проф. А. А. Иностранцевым.

Среди костей были найдены и кости человека, а именно: десять черепов и обломки их, а также и отдельные кости скелетов. Нужно заметить, что кости эти самые древние из найденных в России человеческих костей: приладожский человек жил, как полагает А. А. Иностранцев, лет 8.000—9.000 назад.

Каменные орудия преимущественно полированные. Существовала каменная пила,—найдены кости, распиленные вдоль и поперек для добывания из них костного мозга. Черепки глиняной посуды говорят, что обжигание производилось плохо: слабо и неравномерно. Посуда иногда украшалась орнаментом. Одна находка чрезвычайно интересна—это долбленый челнок из дуба. Обнаружено и много украшений.

Судя по относительному количеству костей рыб, птиц и других животных, видно, что пищею человеку служила, главным образом, рыба. Кости животных указывают, что фауна той эпохи была, приблизительно, такая же, как и ныне. Вымершими оказываются: зубр, кабан и др.

Приладожский человек вел, судя по всему, мирный образ жизни рыболова и охотника. Воинственным он не был, так как на костях совсем незаметно неправильных срощений—последствий переломов.

Переходные культуры. Раскопки обнаружили любопытные культуры, которые служат как бы связующими звеньями между веком камня и веком металлов. У нас, в России, таких переходных культур от века камня к веку металлов два типа: трипольская культура и металитические сооружения.

Трипольская культура встречается в своих остатках на Балканском полуострове и в южной России. Но самые любопытные находки были обнаружены около местечка Триполье, в Киевской губ.,—откуда произошло и название описываемой культуры.

Подавляющая масса предметов, относящихся к данной культуре, принадлежит к неолитической эпохе. Но среди орудий обнаружены и орудия из меди (напр., топорики).

До сих пор остается открытым вопрос относительно народности, создавшей трипольскую культуру, и степени распространения культуры. Высказывается мнение, что культура эта, вполне самостоятельная, была создана народом, который впоследствие, под натиском других, более воинственных племен, подался на юг, заселив, может быть, берега Малой Азии, реализовав свои культурные достижения в до-эллинской критско-микенской культуре (культура островов и побережья Эгейского моря). Время рассцвета трипольской культуры датируется приблизительно четвертым тысячелетием до Р. Хр.

Люди жили в землянках, где были очаги, сложенные из камня. В землянках же находились гранитные плиты для размола зерна. Каменные орудия прекрасной обработки. Глинянные сосуды сделаны с большим искусством: тонкостенные, разнообразных форм, украшенные разными узорами или расписанные красками, причем рисунки изображали человека, животных и пр. Попадаются глинянные статуэтки тщательной отделки. Около землянок замечены особые сооружения в виде круглых ям. Пол и стены обмазаны глиной. На полу находят много костей животных, сосуды и разные орудия, а ниже уровня пола этих землянок обнаружены горшки с жжеными человеческими костями. Очень может быть, что подобные сооружения имели ритуальное значение, были чем то вроде храмов-могильников.

Мегалитические[1]) памятники своим началом примыкают к каменному веку, а дальнейшим развитием—к металлическому. Они известны как З. Европе, так и России и представляют из себя гигантские памятники или мав-

---

[1]) Мегас—большой, лифос—камень.

золеи для умерших. Величина камней, которые употреблялись для памятников, настолько велика (вес отдельных камней доходил даже до 20 тысяч пуд.), что мегалитические памятники представляют собою настоящие архитектурные сооружения. И, что достойно особенного удивления, так это то, что их воздвигали для своих покойников народы, сами жившие в простых землянках, не применявшие камень для устройства себе более надежных жилищ.

Памятники эти, в зависимости от своей формы, носят разные названия: менгиры[1])—большие камни, поставленные вертикально, длинные и узкие, достигающие иногда до 10 саж. в высоту; если менгиры встречаются не в виде отдельно стоящих монументов, а попадаются группами, располагаясь в форме круга или четыреугольника, то они именуются кромлехами[2]), если же, наконец, мы видим несколько вертикально поставленных камней (два и более), прикрытых сверху тоже камнем, так что получалось как бы небольшое помещение с входом в него,—мы имеем дело с долменами[3]).

Мегалитические памятники встречаются у нас в Крыму, на Кавказе и в др. местах. Самые большие долмены были у нас под Новороссийском, но совсем недавно они были разрушены. При раскрытии описываемых памятников в них находят целый ряд предметов, употребляемых обычно при погребении и поясняющих нам последние страницы неолитической культурной истории

---

[1]) При переводе с бретонского языка: мен—камень, хир—длинный, высокий.

[2]) Кром—круг, лех—место.

[3]) Дол—стол, мен—камень.

и первые строки истории века металлов, о которой мы, очень коротко, и напомним сейчас.

Металлический период характеризуется открытием металлов и употреблением их на изготовление орудий и разных поделок. В течение этого периода каменные орудия, мало-по-малу, отступают на задний план, пока совсем не исчезают и о них совершенно забывается. Минувшие культуры напоминают о себе только в пережитках: римляне, до принятия ими христианства, совершая жертвоприношение, закалывали животное—жертву непременно каменным ножом; египтяне, при мумификации, употребляли каменные орудия и т. д.

Человек, благодаря ковкости, крепости и др. свойствам металлов, настолько усовершенствовал свои орудия, что в борьбе с дикими животными и естественными силами природы шагнул далеко вперед по сравнению с минувшим, каменным, веком. Именно знакомство с металлами помогло человеку, в конце концов, создать всю ту цивилизацию, которая оставлена нам в наследие отжившими поколениями.

Металлический период делится на два отдела: на бронзовый век и железный. Основанием для такого деления является преобладание орудий из того или иного металла.

Бронзовый век. Какой металл открыл человек ранее всех других—мы не знаем. Во всяком случае, до знакомства с железом, большое практическое значение приобрела бронза—сплав меди с оловом[1]). Само собою ра-

[1]) Свое название бронза получила по имени итальянского города Бриндизиума (Бриндизи), где, в средние века, было сосредоточено производство бронзовых изделий. Олово прибавлялось к меди для лучшей ковкости последней и, чаще всего, составляло $1/10$ всего сплава.

зумеется, что первые металлические орудия и предметы приготовлялись из чистой меди или из какого либо другого металла—какой первым попадался человеку. И уже после, когда люди из опыта узнали преимущество бронзы, они стали искусственно составлять сплав,—а это они делали уже за четыре тысячелетия до Р. Хр., так как о бронзе упоминается в священных гимнах ассирийцев. Что именно медь и бронза получили распространение раньше железа,—это не подлежит сомнению. Целый ряд фактов и соображений говорит за более позднее знакомство человека с железом: напр., железо в руде не бросается в глаза так, как желтая, блестящая медь; выплавить железо из руды очень трудно,—необходима высокая температура; данные филологии говорят тоже в пользу бронзы: кузнец у Гомера получает свое название от слова бронза, а глагол „ковать“ означал обрабатывать бронзу; у римлян место, где хранились металлы и казна называлось эрариум (от латинского „аес“—медь) и т. д.

Предметы из меди и бронзы или выковывались или отливались в формах. Последний способ преобладал. Формы были или временными,—напр. предмет оттискивали в мокром песке и потом в полученную таким способом форму наливали расплавленный металл, или же постоянные—в виде двух половинок. Предполагается, что первые изделия из меди и бронзы были занесены в Европу с востока.

Бронзовые (а так же и медные) орудия сперва были копией каменных орудий, но потом достигли большого разнообразия форм. Наибольшего совершенства в этот век достиг нож, так необходимый в повседневном обиходе; из него после развился кинжал, а от кинжала пе-

решли к мечу. Нож, как лезвие, так и рукоятка, украшался затейливыми узорами. Но самое важное значение имел, безусловно, топор, который известен в нескольких типах. Появляются щиты, склепанные сосуды (паянию научились позже), украшения и пр. Однако нужно сказать, что медные и бронзовые изделия не заменили собою полностью изделий из камня и кости, долго сохранявших свое значение в домашнем обиходе и даже, местами, дождавшихся железных изделий, пришедших им на смену.

У нас, в России, при раскопках обнаружены, главным образом, медные предметы. Попадаются и бронзовые, но в незначительном количестве и, — за малыми исключениями, — в таких культурах, которые являются уже переходными между веками бронзовым и железным, как напр. в Кобанском могильнике[1]). Кое где найдены следы древней разработки и плавления меди,—напр., в Екатеринославской губерии, на Урале и проч.

Данные раскопок свидетельствуют, что, вообще говоря, человечество в течении бронзового века сделало гигантские успехи на пути прогресса. Мы уже не будем говорить о земледелия (найдены из меди и бронзы плуги, серпы и пр.), скотоводства (много грубых и тонких тканей из шерсти и т. д.), о богатейших украшениях высоко художественной работы. Заметим, что даже такая тонкая вещь, как лечение купа-

---

[1]) Этот богатый могильник был открыт в 1869 г., около аула Кобань (откуда и название могильника), близ Владикавказа. Среди бронзовых вещей здесь обнаружены пряжки, украшенные инкрустацией из железа, которое тогда было еще очень редким и служило только для украшений.

нием или применение минеральных вод были известны веку бронзы—в 1907 году, в местечке Сан-Мориц, была открыта деревянная труба, по которой текли железистые воды источника и которая, в течении почти 3000 л., служила до настоящего времени. Под нижней частью трубы найдено бронзовое оружие и др. предметы (датируются 1.200—1.000 лет до Р. Хр.)—склад жертвуемых божеству источника вещей за последовавшее выздоровление. Всей же силы, яркости и цветистости бронзовый век достиг в критско-микенской культуре, развернувшейся во втором тысячелетии до Р. Хр. на островах (Крит и др.) и побережьи (г. Микены и др.) Эгейского моря.

У нас, в России, общий темп культурного развития был несравненно бледнее только что описанного. Существовали даже целые районы (напр. юг России), где бронзовый век и не начинался: жившие здесь народы от камня перешли прямо к железу, заимствовав его у тех народов, с которыми их столкнула судьба.

Железный век. Вообще железо известно людям очень давно—еще в период камня. Это было метеорное железо[1]), глыбы которого, весом до 2.000 пуд., находим в Гренландии и др. местах. Из такого железа орудия приготовлялись холодным способом, путем оббивки. Самый способ изготовления и редкость предметов из метеорного железа заставляют относить их не к железному, а к каменному веку. В век бронзы люди едва-едва стали знакомиться с железом и еще во 2-ом тысячелетии до Р. Хр. оно было чрезвычайной редкостью и расценива-

---

[1]) Метеориты—тела, падающие на землю из мирового междупланетного пространства, имеют состав, между прочем, и из металлического железа с небольшой примесью каменистых частей.

лось как „драгоценность“: из него изготовляли украшения, оно, в качестве приза, выдавалось небольшими кусочками победителям на разных состязаниях и т. д.

Не везде в Европе железо появилось одновременно: в одних странах оно стало известно раньше, в других—позже. Железная культура Европы распадается на два периода: 1) Галльштадский[1]) период (1.000—500 л. до Р. Хр.) и Ля-тенский[2]) (с 500 л. до Р. Хр. и до Римского периода истории), дальше уже следует новейшее время в развитии железной культуры и наша современность есть часть этой культуры. Второй период—это период полного расцвета железного века, когда бронзовые орудия были окончательно вытеснены из употребления, а отделка орудий и разнообразие форм доведены были до высшей степени совершенства.

Так как памятников железного века на Руси не мало и в виду того, что железная культура соединяет в себе конец до-исторических и начало исторических времен, то мы считаем более удобным упомянуть о некоторых, важнейших, памятниках железа в связи с вопросом о племенах, населявших Россию в древние времена.

---

[1]) Назван по имени местности, примыкающей к Галльштадскому озеру, в Австрии, где обнаружены багатейшие археологические находки.

[2]) Название по имени свайного поселения Ля-Тен на Нейенбургском озере в Швейцарии, где впервые нашли вещи, относящиеся к данному периоду.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ.

Древнейшая раса. Как вам известно, все люди, населяющие земной шар, делятся по тем или иным физическим особенностям, на отдельные породы или расы. До настоящего времени ученые не пришли к определенному соглашению относительно того, какие же именно физические особенности следует класть в основу подразделения человечества на расы. Так, напр., Блуменбах, базируясь отчасти на цвете кожи, а отчасти—на цвете волос и форме черепа, дал такую классификацию рас: 1) белая или кавказская [1]), 2) монгольская (к ней же принадлежат финны, лопари и др.), 3) эфиопская (обитатели Африки к югу от пустыни Сахары), 4) американская (туземные племена Америки) и 5) малайская (обитатели Австралии, Малайского архипелага и островов Тихого океана). Кювье же, в 50-х годах прошлого века, дал классификацию, которая пользуется ныне наибольшим распространением, основанную исключительно на цвете кожи,—расы: 1) белая, 2) черная и 3) желтая.

---

[1]) Кавказской эта раса названа только потому, что Блуменбах из множества черепов белых людей, им изученных, выделил череп одной грузинки, как наиболее правильный и типичный для расы.

Наука установила, что древнейшей расой, населявшей как нынешнюю Евр. Россию, так и Европу была раса белых людей, к которым после примешалась монгольская раса (желтая или вернее—смуглая)—финские народы. По языку же своему старинные обитатели Европы принадлежали к арийцам которые, распадаясь на ряд народов и племен, были сходны между собою не только по основным формам языка, но и по физическому типу и даже по некоторым чертам характера. Арийцы—предки греков и римлян, германцев и славян, а так же индусов и персов,—азиатских родичей Европы.

Еще сравнительно недавно ученые полагали, что арийцы пришли в Европу из Азии. Ныне это мнение оставлено. Данные языкознания свидетельствуют, что арийцы—коренные обитатели Европы и даже северной Европы (Скандинавии и Балтийских стран), откуда они и распространились как по Европе, так и в Азии. В чем же состоят эти данные языкознания?—В общих корнях, присущих целому ряду слов, которые фигурируют во всех языках арийской семьи. Эти корни возникли, конечно, еще тогда, когда арийцы жили все вместе. К числу подобных слов принадлежат слова, обозначающие: море, лед, снег, зиму—следовательно, прародиной арийцев была страна северная и притом приморская; слова: береза, дуб, сосна, бук, медведь, волк, заяц и др. тоже указывают, что арийцы жили первоначально не в южной Азии, как это предполагалось раньше, так как ни растений, ни животных, только что упоминавшихся, в южной Азии не водится; слова же, обознающие некоторые породы рыб: угорь, семга и др. прямо говорят, что арийцы, пока они жили все вместе, груп-

пировались около Балтийского и Немецкого морей—угри и семга водятся только в этих морях. Корней же, общих всем арийцам и обозначающих флору и фауну южной Азии (пальма, лев, тигр, верблюд и т. д.)—нет в языке арийских народов, таковые корни имеются лишь у отдельных народов.

Древнейшая культура. Если мы пришли к заключению, что арийцы были первыми обитателями Европы, то, чрезвычайно интересно выяснить вопрос о древнейшей европейской культуре металлического века, которая, благодаря своему высокому развитию и географическому соседству с нашей страной, могла бы оказывать влияние на культуры народностей, оставивших свой след на великой русской равнине.

Греческая культура, как точно установила археология, была первой самостоятельной культурой Европы. Правда, греки широко использовали все из наиболее ценных культурных приобретений Востока (Египта, Финикии, Вавилона): переняли искусство строить города и большие каменные здания, а также и корабли, научились письменам, счету, времяисчислению и пр. Но все эти заимствования не вылились в форму простого, поверхностного подражания, а были органически переработаны греками в процессе построения им своей культуры. Греческая культура достигла пышного расцвета, став надолго образцовой для Европы. Можно даже сказать, что и до настоящего времени культурное человечество все еще, хотя бы и частично, пользуется процентами с капитала древне-греческой культуры. Само собою разумеется, что влияние греческой культуры не могло не отразится на быте и нравах народов, сменявших друг друга на территории нынешней России.

Греки, расселяясь из своей страны, образовали по северному побережью Черного моря ряд колоний. Большая часть колоний возникла за семь-шесть столетий до Р. Хр. Назовем наиболее значительные из них: Ольвия—в устье Буга, Феодосия—где ныне город того же наименования, Пантикапея—около г. Керчи, Одес—где теперь Одесса и т. д.

Греки были народом и промышленным и торговым. В своих колониях они занимались скотоводством, ловлей рыбы и заготовлением ее впрок. Одним из самых прибыльных занятий греков была, безусловно, торговля с народами, кочевавшими в степях южной России: греки отпускали им свои товары—ткани, посуду, вино и пр., а последние давали им скот, меха, шерсть, невольников и т. д.

Свободный и вполне демократический строй черноморско-греческих республик-городов особенно способствовал прогрессу культуры колоний, а постоянная борьба—и подчас почти непосильная для греков—с воинственными племенами, окружавшими греческие колонии, повела к тому, что отважные греки обносили свои города надежными укреплениями, сохранявшими Ольвию, напр., в течение тысячи лет, а Херсонес даже две тысячи лет [1]). Но как ни богата была греческая культура и как ни бедна по сравнению с нею культура кочевников русских степей все же, при взаимном сближении этих культур, сказался закон культурного синкретизма, т.-е. получилось известное сочетание культур,—ниже мы проиллюстрируем это явление фактами.

---

[1]) Стены города Ольвии, как обнаружили раскопки, имели до 4 арш. толщины, а стены Херсонеса—даже 2 саж.

Раскопки специально греческих могил и тех пунктов, где когда-то стояли греческие города, дали богатейшие находки,—богатейшие не только по материальной их ценности, но и по научному значению. Открыты развалины домов, водопроводных и иных сооружений, остатки храмов, много сосудов и посуды художественной работы, прекрасные, тонкой ювелирной работы украшения из драгоценных металлов и пр.

Скифия. Что за страна лежала к северу от греческих колоний и какие, собственно говоря, народы жили в этой стране?... На этот вопрос нам могут ответить, главным образом, греки: они были наиболее образованными из современников тех племен, которые когда то засеселяли нынешние южно-русские степи и, кроме того, они же входили в непосредственные сношения с некоторыми из этих племен.

Геродот, которого принято называть „отцом истории", в пятом веке до Р. Хр. довольно долгое время прожил в Ольвии, собрал какие мог сведения о странах к северу от Ольвии и составил описание нашей страны, названной им Скифией по имени народа, жившего там, хотя, следует отметить, что в геродотовой Скифии жили, помимо скифов, и иные племена. О скифах, кроме Геродота, писали и другие греки (Гиппократ—в 5-ом в. до Р. Хр., Страбон—на рубеже нашей эры, Климент Александрийский—во 2—3 в. по Р. Хр. и др.). Территориально греки мыслили под Скифией все пространство между Дунаем и Доном, Черным морем и линией днепровских порогов, находящихся между Екатеринославом и Александровском.

Киммерийцы. Древнейшими из обитателей Скифии были киммерийцы, но о них, к сожалению, сохранились

лишь очень скудные сведения, да и то отчасти фантастические. Так, Гомер, рассказывая о путешествии царя Одиссея в подземное царство мертвых, упоминает и киммерийцев, живущих по дороге в царство мертвых. „Там киммериян печальная область, покрытая вечно влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос; ночь безотрадная там искони окружает живущих“ [1]). Тот же Гомер говорит (в Илиаде) и о быте киммерийцев: они имели большие табуны лошадей, питались кумысом и вели кочевой образ жизни. Геродот тоже мимоходом обронил несколько замечаний об этом народе. Очень немногочисленные памятники, оставленные киммерийцами в южно-русских степях, пока изучены довольно слабо. Характерным памятником киммерийского времени считают керамику, инкрустированную белой пастой. Приблизительно лет за 700 до Р. Хр. народ, о котором идет речь, совсем исчезает куда-то, вытесненный скифами.

Скифы—выходцы из Азии, почти все их племена—иранского происхождения. Если мы послушаем, что говорят о скифах греки, то убедимся, что сведения о них довольно разноречивы. Так, Городот, называя ряд скифских племен (каллипиды, алазоны, борисфениты, андрофаги, меланхлэны и др.), про одних пишет: „сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо“,—перед нами земледельческое племя; и

---

[1]) Приведенная цитата—отрывок из II-ой песни „Одиссеи“ в переводе А. В. Жуковского. „Одиссея“ и „Илиада“, два произведения, открывающие собою историю европейских литератур, приписываются поэту Гомеру, который, как полагают, жил веков за десять до Р. Хр.

даже были скифы с интенсивным земледельческим хозяйством: „сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу“—так говорит Геродот об одном племени, причем, заметим, что это известие следует понимать в том смысле, что хлеб сеяли и для себя, и на продажу; но он же сообщает и о скифах-кочевниках, которые „ничего не сеют и не пашут“, у которых „нет ни городов, ни укреплений, средства к жизни добываются скотоводством, и жилища устраиваются на повозках“. Гиппократ свидетельствует: „... Здесь то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад“. Повидимому, и Геродот, и Гиппократ и другие писатели, которых мы здесь не цитируем, — все они описывают скифские племена в различных стадиях их культурного развития.

Сарматы, тоже иранцы по происхождению, находящиеся в родстве с мидянами и персами. Сперва сарматы жили за Доном, но уже лет за 400 до Р. Хр. они занимали оба берега Дона. В начале же христианской эры—господствуют на всем протяжении от Азовского моря до Дуная, перемешиваясь со скифами. Современные осетины, как полагают, являются остатком одного из видных сарматских племен. Власть сарматов над южно-русской степью была уничтожена отчасти готами (в 3-ьем веке по Р. X.), а отчасти гуннами (в 4-ом веке).

Скифо-сарматские древности укажут нам на характерные черты культуры этих народов, а также и на значение для них греческой культуры, под влиянием которой они находились. Различить среди скифо-сар-

матских древностей, что именно принадлежало культурному творчеству одного народа и что—другому не представляется возможным в виду близкого родства этих народов и одновременного их, да еще в перемежку между собою, существования. Поэтому обычно говорят об единой скифо-сарматской культуре.

Древности были извлечены при раскопках круглых и долгих насыпей, могил, попадающихся в наших степях. Некоторые из этих могил имеют до 10 саж. высоты и 150 саж. в окружности. Отметим два наиболее интересных кургана.

Курган Куль-Оба находится в 6 верстах от Керчи и был разрыт в 1831 г. Нужно думать, что здесь было царское погребение, так как в саркофаге нашли костяк мужчины с золотой диадемой на голове, с золотыми гривнами на шее и с золотыми браслетами на руках. Все эти вещи были покрыты художественным рисунком, который, как и сами вещи, делали греческие мастера, умевшие в условных эмблемах схватить и выразить туманную мысль варваров. Вообще вещей из драгоценных металлов обнаружено не мало в склепе кургана—ими были украшены рабыня (а, может быть, и жена) царя, его слуга и сбруя коня, чьи костяки лежали вокруг царя. Некоторые вещи были из электрона—сплав золота и серебра. Среди драгоценной посуды своей художественной работой и богатым рисунком выдается знаменитая Кульобская ваза (хранится в Петрограде, в Эрмитаже). Сопоставляя и взаимно дополняя изображения, помещенные на этой вазе, с изображениями другой, Чертомлыцкой, вазы (о ней см. ниже; хранится тоже в Эрмитаже), мы, до известной степени, получаем возможность воссоздать картину быта скифо-сармат. По-

мимо украшений и дорогих вещей в склепе обнаружены: железные ножи с кривыми лезвиями с рукоятками из слоновой кости, меч с рукоятью, обложенной золотым листом с изображениями животных, остатки сбруи, одежды и пр. Были также найдены при просевании земли обломки костяных пластинок, украшавших какой-то музыкальный инструмент—м. б. лиру; тонкой гравировкой на пластинках был представлен суд Париса и другие мифологические сцены, а так-же и сцены из быта скифо-сармат.

Под склепом, в материке, было еще погребение. Но, к сожалению, грабители здесь опередили археологов: исследование кульобского кургана еще не было окончено, как грабители проникли в подсклепную могилу и, надо полагать, многим тут поживились, оставив на долю ученых лишь мелкие вещи, которые они впопыхах не заметили.

Чертомлыцкий курган тоже очень важный по своим древностям находится в 20 верстах от Никополя, в Екатеринославской губ.; раскопан он в 1862—63 г. г. Этот курган достигал когда то почти 10 саж. вышины и имел до 165 саж. в окружности. Повидимому, кладоискатели давно обратили внимание на этот курган: при самом начале раскопок было установлено, что главная гробница уже расхищена. Но тем не менее материал, добытый раскопками и обилен и имеет большое научное значение. Некоторые вещи—образцы классического искусства. В качестве примера укажем на известную Никопольскую вазу, найденную в этом кургане, причем упомянем, что подобной ей нет ни в каком другом музее.

Никопольская ваза, сделанная из серебра, вышиною в аршин, в самой широкой своей части имеет $8^3/_4$ вер.

Она имеет форму амфоры и предназначалась для хранения вина или кумыса. Датируется ваза рубежом 4-го 3-го веков до Р. Х. Высокохудожественное выполнение рисунков и горельефов не оставляет никакого сомнения в том, что она—работа греческих мастеров. Главный сюжет рисунка—прославление скифского коневодства. Судя по содержанию всех рисунков вазы, художник был близко знаком с бытом кочевников и, возможно, даже жил на юге России. Помимо разных фигур, одетых в соответствующие костюмы, имеются изображения растений и животных.

Чертомлыцкий курган дал большое количество вещей (украшения, посуда, оружие, остатки сбруи и материй, костяки людей и 8 коней). Стиль их весьма близок к стилю вещей Кульобского кургана. Если некоторые вещи и безусловно греческой работы, то все же они приспособлены ко вкусам варваров. А отсюда можно сделать вывод, что греки были очень заинтересованы в более тесном сближении с скифо-сарматами, если даже свое искусство, хотя бы по содержанию тем его, приноравливали к запросам своих малокультурных соседей. Можно прямо сказать, что упоминаемый интерес лежал в хозяйственной сфере: греки нуждались, с одной стороны, в сбыте продуктов своей обрабатывающей промышленности, а, с другой, им необходимы были продукты скотоводства и др., что могли им предложить скифо-сарматы.

Хозяйство скифов и сармат по данным раскопок, как двух описанных, так и многих других курганов рисуется нам в виде скотоводственного хозяйства кочевников. Геродот, правда, упоминает о земледельцах и даже о земледельцах, сеющих хлеб на продажу. Как же примирить данные раскопок с сообщением Городота? Сооб-

щение Геродота, повидимому, соответствовало действительности, а если раскопки не обнаружили предметов (в скифо-сарматских курганах) земледельческого хозяйства, то, нужно полагать, только потому, что это хозяйство было в зачаточной стадии и на общем быте народов (скифов и сармат), обитавших в южно-русских степях в течение почти целого тысячелетия (с 7-го века до Р. Хр. и лет 300 после Р. Хр.), почти не отражалось. Кроме того, не следует забывать, что курганы— это погребение останков господствующих слоев скифских и сарматских племен, а в быте этих слоев земледелие, конечно, не играло никакой роли.

Варваризация греков. Мы, говоря выше о греках, обязались проиллюстрировать фактами наше утверждение, гласящее, что, бледная по сравнению с греческой, скифо-сарматская культура все же наложила заметный отпечаток на быт и нравы греков—жителей черноморских колоний.

Если мы обратимся к писателю Диону Хризостому, посетившему в последний год первого века по Р. Хр. одну из колоний, Ольвию, то, как раз, и найдем у него необходимый для нас материал. Вот что он пишет о жителях Ольвии вообще и об отдельных гражданах этой колонии—в частности: „они по гречески говорят не совсем уже чисто, благодаря тому, что живут среди варваров"; одеваются так (напр. некий Каллистрат): „он был опоясан большим всадническим мечем, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство"... Кроме того, раскопки в Пантикапеи и др. местах установили сильное влияние варваров на характер погребений местных греков, причем даже имена последних, сохранившиеся на надгробных плитах, подверглись сильной варваризации.

Сближаясь с скифо-сарматами, греки заимствовали у последних и элементы их культуры. Но по хозяйственному своему укладу, как народ, главным образом, кочевой, скифо-сарматы нуждались, для прокормления своих стад, в больших площадях земли. Естественно, конечно, что они относились с большой опаской к грекам, укреплявшимся на северном берегу Черного моря—в них они видели своих врагов, которые могут, пожалуй, и посягнуть на них владения. Отсюда, из этих опасений, вытекали постоянные набеги на греческие города — колонии [1]). Хронические набеги и жестокость их форм, само собою разумеется, подрывали материальное благосостояние колоний. Чтобы избежать этого, колонии сбивались в мощные союзы: так за 400—300 лет до Р. Хр. ряд колоний (Пантикапея, Нимфея, Феодосия, Фанагория, Горгиппия и др.), об'единившись, прочно покорили соседние варварские племена. Но новое хозяйственное целое потребовало и новых государственных форм: на первом месте мы видим военное сословие, необходимое и для защиты греческих городов, и для сбора разного рода даней и налогов с покоренных полудиких племен; это сословие, как господствующий класс, не склонно делиться своей властью ни с греками других слоев общества, ни с варварами; и возникает, в духе восточных монархий, Боспорское царство, структура которого заимствована у варваров.

Готы. После скифов и сармат на юге России целый ряд народов сменяют друг друга. Так, в третьем веке

---

[1]) Некоторую роль в этих набегах играло и желание скифо-сармат увеличить сумму своих благ путем грабежа: разбой в данном случае был своеобразной формой „производства“ жизненных ценностей.

по Р. Хр. северным побережьем Черного моря овладевают готы, именно та их ветвь, которая называется остготами. Готы пришли не из Азии, а из Европы—от Балтийского моря. Они господствовали на юге России до 375 года, когда гунны, еще в начале 2-го века обосновавшиеся на р. Урале, разгромили их и лишь небольшая часть готов удержалась в Крыму и Тамани (Фанагория). Здесь они сохраняли свою политическую самостоятельность до 8-го века, после чего входят— сперва в состав Византийской империи, а потом — в состав Татарской Орды. Вещи готского стиля находят, главным образом, на Кавказе, в Крыму, на Днепре и Оке. Готский стиль характеризуется особенно подчеркнутыми геометрическими формами, придающими стилю сухость. Оживлением стиля служат разноцветные вставки эмали, стекла, драгоценных камней и пр. Ценные и важные в научном отношении вещи обнаружены в 1904 г. в керченских катакомбах и в могильнике в Суук-су (Крым).

Гунны. Гунны, пришедшие на реку Урал из глубин Туркестана, в конце 4-го века заставили большую часть готов переправиться через Дунай. И сами гунны, преследуя своих врагов готов, в 5-ом веке покинули пределы России, перейдя в Западную Европу. Хотя некоторые греческие писатели свидетельствует, что гунны были народом богатой и оригинальной культуры [1]), но вследствие своего кратковременного пребывания на нашем юге и юго-востоке, гунны, на территории России, почти не оставили после себя никакого культурного

[1]) В Византии, в 3—4 столетии по Р. Хр., были известны специальные сорта шелковых изделий под названием „гуннских“.

следа. Возможно, что только что отмеченное мнение греков (Приск и др.) о высокой культуре гуннов и нуждается в больших поправках, так как, во-первых, относится к 5-му веку, когда гунны были уже в нынешней Венгрии и могли быстро перенять внешнюю, материальную культуру от своих соседей, а, во-вторых, имеются и иные свидетельства относящиеся к более раннему периоду, обрисовывающие гуннов очень резкими штрихами, но совершенно непредставляющие их народом хоть сколько-нибудь культурным.

Авары, земляки гуннов, в 6-ом веке сменили последних на нашем юге. Эти авары или обры, отмечены нашей летописью, как племя жестоких людей. Кочевники авары были народом малокультурным, но зато чрезвычайно воинственным: врезавшись клином в болгарские орды, бродившие в районе Черного моря, они отбросили часть их на север, где болгары, совместно с финнами (о них см. ниже), и образовали, по среднему течению Волги и на нижней Каме, Болгарское царство. Из пределов России авары, как и гунны, быстро исчезают, но следует отметить, что авары властвовали над некоторыми славянскими племенами (над дулебами и др.) до 8-го века, когда иго их было окончательно свергнуто.

Финны. Кто же населял северо-восток и среднюю Россию? Издревле огромное пространство от р. Оби до Балтийского моря и от Ледовитого океана и до нынешних Воронежской и Тамбовской губерний занимали финские племена. Племена эти различались друг от друга своей культурой и образом жизни, который зависел от местных условий. Искуссны были финны в выделке кож и в обработке металлов. Занимались они также и

торговлей. Последним обстоятельством об'ясняется присутствие в курганах финских племен восточных и иных монет, красивых изделий Индии и т. д. Но более обыденными занятиями для финнов были: охота, рыболовство, пчеловодство и земледелие.

Так как финны входили в тесные сношения с племенами, которые селились на землях первоначально занятых финнами, то в результате получалось полное смешение культур. Так, напр., в бассейнах Оки и Волги иногда бывает невозможно выделить финские древности от славянских.

В то время, как у восточных финнов было много предметов и красивых, и драгоценных, — древности западных финнов бросаются в глаза грубостью своих форм и бедностью материала: золота и серебра почти нет, мотив изделий однообразен на протяжении долгого времени.

Среди финских древностей занимают видное место предметы сельского хозяйства: сошники, серпы, косы. Попадаются весы, подчас даже изящной формы и разные монеты — эти находки говорят о занятиях торговлей. Гарпуны, крючки, остроги и иные рыболовные снасти указывают на процветание рыболовства. Находят металлические изображения пчел, приносившиеся в жертву богам, — таким образом, пчеловодство тоже было известно финнам. Об охоте рассказывают кости диких животных, обнаруженные на местах поселений финнов.

В районе волжско-камской области не мало финских городищ. Здесь находят много красивых и драгоценных предметов: серебрянные сосуды работы мастеров разных стран—здесь и греко-римская работа, и персидская, и

арабская, и индийская и пр. Много монет разных стран и народов. Массивные шейные гривны из высокопробного серебра и другие украшения. Здесь же находят предметы шаманского культа — изображения птиц с распростертыми крыльями и человеческим лицом (мифологическая птица Гаруда, обоготворяемая в Индии).

Как религиозный памятник интересно Гляденовское костище, исследованное в 1896—97 г.г. Костище это обнаружено на дворе большого городища, около г. Перми. Это костище — холм, состоящий из свежих и пережженных костей животных. Среди костей обнаружено до 2.000 различных предметов: монеты, бусы, бронзовые стрелы, обломки глиняной посуды, серьги, ножи и др. Наиболее древние из этих предметов относятся к началу христианской эры.

Болгары. Как раз в Волжско-Камской области, в 7-ом веке болгары, покорив живших здесь финнов, образовали могучее государство. Болгары — народ тюркского происхождения. Одна из ветвей этого народа поселилась на Балканском полуострове, другие ветви расселялись по России и Кавказу.

Волжские болгары имели ряд городов по Волге, во главе с Великим Булгаром — своей столицей. С 9-го века благодаря принятию ислама (ранее болгары были язычниками), болгары завязали тесные сношения с магометанским востоком. От арабов они переняли уменье строить красивые мечети, бани и др. здания. И даже, в конце концов, прославились, как хорошие каменщики—напр., русские князья приглашали их в Суздаль для постройки каменных зданий. Образ жизни болгары вели полукочевой, знали много ремесл, занимались земледелием и торговлей.

Памятниками болгарского царства служат городища с множеством драгоценных вещей.

Хазары. Следует упомянуть о хазарах или хазарском каганате, владения которого в эпоху расцвета (9-й век) простирались от Днепра до Волги и от Закавказья до Оки. В 10-м в. (977 г.), после побед Святослава, каганат распадается. Хазары издавна населяли наш юго-восток и заметно выступают на исторической сцене с 7-го века.

Хазары не были народом определенной национальности. Население хазарского царства представляло из себя самую разнородную этнографическую смесь. Религии исповедывались хазарами тоже самые разнообразные: и язычество, и иудейство, и магометанство, и христианство. В руках хазар было много богатых торговых городов (Итиль, Саркель, Семендер и др.). Но т. к. города их были разрушены до основания, то количество памятников, оставшихся после хазар, немногочисленно: осталось несколько могильников на территории бывшего каганата. Укажем на Верхне-Салтовский могильник (на берегу Донца, в Харьковской губ.). Погребения этого могильника имеют вид катакомб. Хотя в могильнике и найдено много разных предметов, но все эти предметы не носят определенного стиля. Хазарская культура и отмечается именно отсутствием в искусстве определенного стиля.

Заключение. Для какой цели мы перечисляли в настоящей лекции те племена и народы, которые когда то населяли нашу Русь, а ныне—или давно и бесследно исчезли или же растворились или почти растворились в славянских племенах?..

Ведь если,—об этом мы будем говорить ниже,—славяне появились в привольных южно-русских степях в

конце 5-го или в начале 6-го веков, то не резоннее ли начинать прямо со славян, не касаясь совершенно, хотя бы и в беглых штрихах, вопроса о тех народах и народцах, которые как будто бы не имеют никакого отношения к славянству вообще и к восточной его ветви в частности?..

Ответом на оба поставленных вопроса служат следующие соображения: может быть среди перечисленных нами народов найдутся и такие, которые являются если и не славянскими, то, во всяком случае, народами родственными славянам; а, кроме того, небезынтересен вопрос и о влиянии на восточных славян культур, поименованных нами в этой лекции народов [1]).

В свое время некоторые ученые действительно держались мнения, что в лице известных народов, кочевавших по югу России еще до 6-го века, мы имеем дело с несомненными славянами. Так, для Самоквасова скифы—это и есть наши предки славяне; Забелин видел славян не только в скифах, но и в сарматах; для Иловайского славянство гуннов было беспорным. Само собою разумеется, что эти мнения не были мимолетными, высказанными вскользь; они подкреплялись основательными доводами и имели большое значение для разработки вопроса как о происхождении народов, заподозренных в славянстве, так и о генеологии самих славян.

Аргументация Забелина и Самоквасова сводится, коротко говоря, к следующему: многие скифские реки именуются совсем по-славянски (Истр—Дунай; Пората—Прут), другие же, в передаче греков, приобрели иско-

---

[1]) Мы имеем в виду как прямое, так и косвенное влияние.

верканные славянские названия (Днепр — Борисфен, а вернее—Березина; Днестр—Тирас, а вернее—Стрый и т. д.); удивительное подчас сходство отдельных бытовых черт скифов и позднейших приднепровских славян; и, наконец, — часто византийские писатели, говоря несомненно (из текста памятников это ясно) о славянах употребляют, для 9-го и 10-го веков, слова „скифы“, „скифия“ и даже наша начальная летопись, перечисляя славянские племена, осевшие там или здесь на русской равнине, прибавляет, что племена эти звались „от грек Великая Скуфь“.

Что касается последнего аргумента, то наука и жизнь являют много примеров того, как названия, вначале соответствующие определенному этнографическому образованию, потом, в силу консерватизма, бывают или шире, или уже, или и совсем не соответствуют тому об‘екту, к которому они применяются. Напомним хотя бы, что не только в домосковской, но и в московской Руси всех иноземцев обычно звали „немцами“, так как когда то наиболее оживленные торговые сношения у русских были именно с немцами. Точно так же и греки, имевшие некогда тесное экономическое общение со скифами, назвали юг России Скифией и продолжали его так именовать и долго спустя после того, как скифы исчезли из наших степей и славян, новых пришельцев в Скифию, тоже титуловали скифами. Относительно сходства некоторых бытовых черт можно сказать, что они могли вытекать не из кровного родства скифов и славян, а просто-напросто из одинаковых естественных условий в которых жили как скифы, так и славяне; в равной мере эти сходные черты могли диктоваться однообразием основных моментов общечеловеческой эволю-

ции. Название рек—доказательство весьма шаткое, хотя бы по одному тому, что именно при постоянном славянском населении нашего юга вышеперечисленные названия (Истр, Тирас и др.) рек и исчезли, заменившись новыми (Дунай, Днестр и пр.).

Приблизительно подобными же фактами пытались установить тожество со славянами сармат и гуннов.

Попытки, о которых идет речь, встретили отпор со стороны этнографов и филологов, тщательные розыскания которых доказали, что и скифы, и сарматы, и гунны— выходцы из Азии, причем два первых народа родственны мидянам и персам, а последний народ, гунны, имели больше сходных черт с монгольским, а не с арийским типом. Отметим, что тожество со славянами иных народов, кроме только что упомянутых, — напр., финнов, греков и др. — было такой явной нелепостью, что об этом вопроса в науке и не поднималось. Итак, среди пестрой толпы племен и народов, скитавшихся до 5—6-го в. по великой русской равнине, ни самих славян, ни близких им родичей мы не находим.

Теперь перейдем к рассмотрению положения о возможном воздействии на культуру восточной ветви славян, культур тех народов, которые обитали на Руси до прихода в наши южные степи славян.

На основании целого ряда данных ученые считают, что прародиною славян, откуда они потом уже расселялись, был такой район: Висла с притоками, Карпатские горы, Припять с притоками, средний Днепр с низовьями Березины и Десны и, наконец,—верховья Днестра и южного Буга. Расселение славян повидимому, началось уже со 2-го или 3-го века по Р. Хр. Одни племена двинулись на запад, другие — на юг, а третьи (наши

предки), несколько позже—на восток. Земли по Дунаю и южнее этой реки были уже заняты славянами. И конечно, все народы, которые до 5 — 6-го века устремлялись из восточной в западную Европу, непременно должны были не только проходить мимо славян, но и прорезать на своем пути территорию, занятую славянами, так как наиболее удобный путь для всех выходцев из южно-русской степи лежал по течению Дуная. Разумеется, если мы возьмем любое из таких „прохождений мимо“— напр., переселение готов (вестготской их ветви) в 376 г. из черноморских степей во Фракию (на них нажимали гунны) или, позже, расселение остатков готского народа (ветвь остготов) в придунайских степях (тоже были вытеснены теми же гуннами) и т. д., то понятно частично таборы тех или иных народов оседали по дороге и, между прочим, в непосредственной близости от славян или даже и среди последних. Таким образом славянский народ (а, следовательно, и наши предки) могли многое заимствовать и, наверное, заимствовали от культуры многих, чуждых им по происхожденню народов. Помимо этого, славяне, жившие в юго-восточном углу занимаемых ими первоначально земель, могли входить в известное общение с разными, чуждыми им по происхождению, народами, кочевавшими до 6-го века по нынешней России. Отсюда ясно следует, что происходила своего рода диффузия культур: славяне заимствовали у чужеродцев то, что, при данных условиях жизни славян, могло быть ими использовано, войти в их обиход; чужеродцы могли так же усваивать некоторые элементы славянской культуры.

Позаимствовать же славянам было что, т. к. южная Россия, в период с 2-го по 7-ой век, была средоточием

известного стиля в культуре. Так, компетентные знатоки в области археологии И. Толстой и Н. Кондаков, в своих выпусках „Русские древности“, говорят: „Варварские или народные древности начального средневековья южной Европы, от пределов Каспийского моря до Франции, Англии и Испании, связызаются в одно целое общим стилем, господствующим со 2-го столетия по 7-ое включительно. Единство этого стиля открывается, прежде всего, манерою украшать предметы цветными камнями или стеклянными инкрустациями, покрывать поля геометрическим орнаментом, разделывать оконечности звериными формами... Местом средоточия этого стиля служила южная Россия: именно здесь застаем мы наиболее ранние, известные нам образцы“..

Те же авторы, опять таки на основании целой серии фактов, указывают на громадное влияние варварской культуры юга России даже на Византию (на ее моды нравы, одежду, вооружение и т. д.). А если это так, то сравнительно очень скромное по степени своего культурного развития славянство не могло стоять в стороне от воздействия на него культуры тех народностей, о которых у нас все время шла речь. Мы уже не говорим о том, что те же самые греки, впоследствии (в 9, 10, 11-ом веках) могли передать нашим предкам не малое количество черт скифо-сарматской и др. культур.

Если от южно-русских степей мы обратим наши взоры на север, то увидим, что обитавшие здесь финские племена, находившиеся географически в тесном соседстве с прародиною славян, племена обладавшие относительно высокой культурой, не могли не участвовать в формировании позднейшей славянской культуры. Это тем более несомненно, что финны проявили себя очень

устойчивыми: во втором выпуске наших лекций мы увидим, что, встретившись в 12—13 веках с русскими в оксковолжском междуречьи, они оказали на последних могущественное воздействие, приняв большое участие в формировании великорусской народности. Финские „отметки" мы можем и до сего дня наблюдать как в народных поверьях, так и в его говоре и даже в физическом типе великорусса.

Благоприятная для русского славянства, к моменту отделения последнего от всеславянского ядра, роль хазар сводится к тому, что, образовав на нашем степном юго-востоке сильное об'единение, они установили как бы заслон от многих азиатских орд, порывавшихся проникнуть в наши степи, которые в это время как раз очистились от главной массы чуждых славянам кочевников. И славяне, благодаря очищению степи и хазарскому заслону, могли спуститься с предгорий Карпат и расселиться по русской равнине...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

